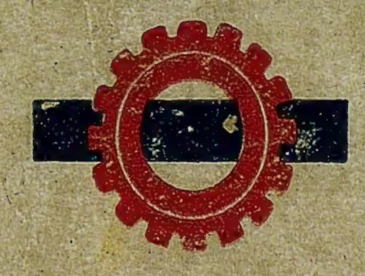
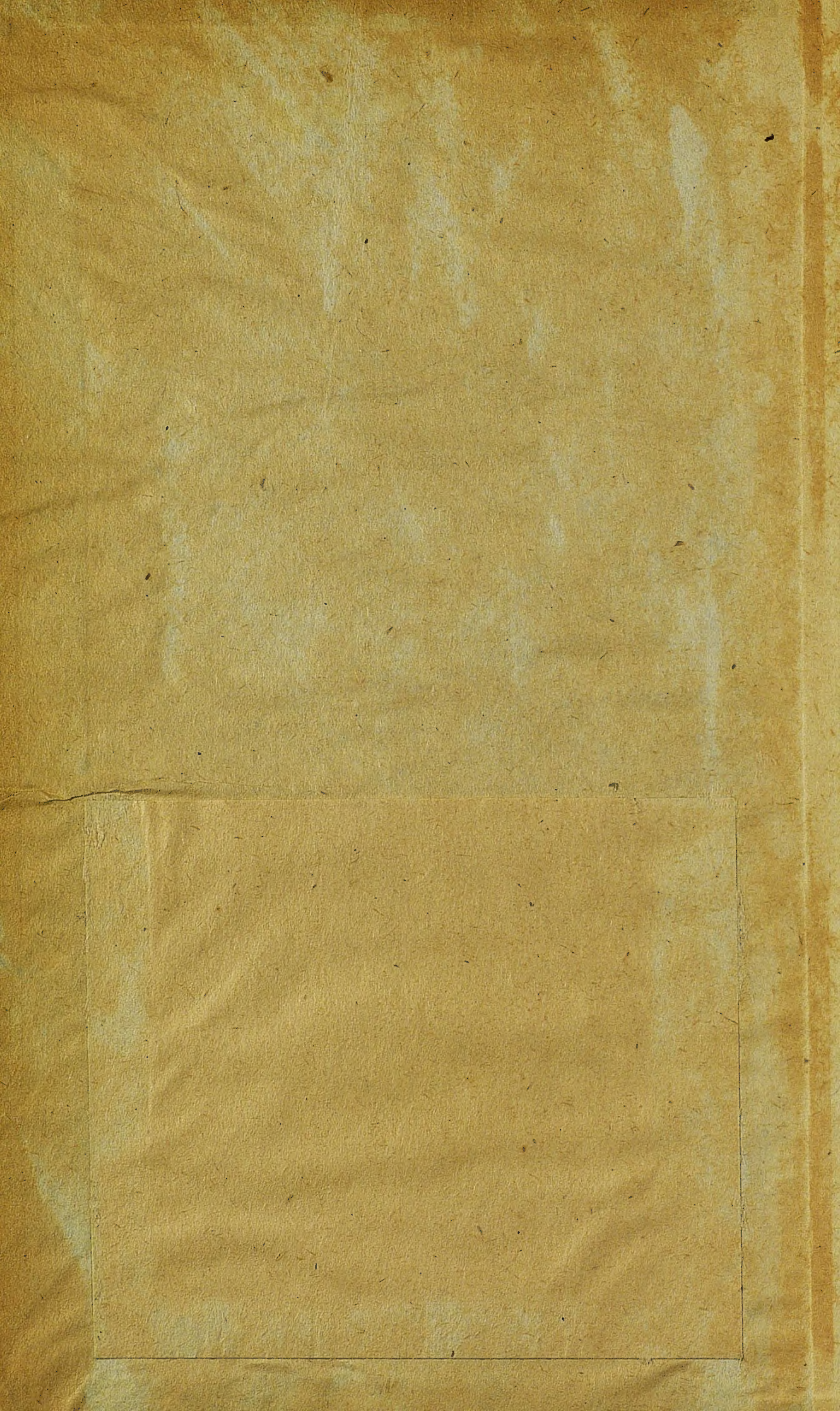
…АЛЬПЕРИН

НА ПУТИ К ЕДИНОМУ ИНТЕРНАЦИОНАЛУ ПРОФСОЮЗОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО М. Г. С. П. С.
„ТРУД И КНИГА"
МОСКВА 192…

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

С. ГАЛЬПЕРИН

НА ПУТИ К ЕДИНОМУ ИНТЕРНАЦИОНАЛУ ПРОФСОЮЗОВ

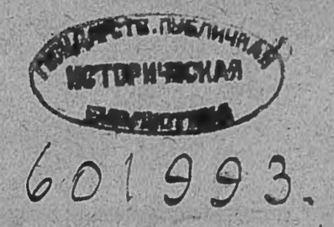
Издательство МГСПС
„ТРУД и КНИГА“
Москва — 1925

Красно-Пресненская
типография и словолитня
им. Богуславского
(3-я „Мосполиграф“).

Москва, Малая Грузинская ул.
Охотничий пер., д. 5/7.

Мосгублит № 27860.
Тираж 5.000.

ОТ АВТОРА.

Международное профессиональное движение переживает сейчас период упорной борьбы против раскола, разделившего профессиональные союзы всего мира на два борющиеся между собою лагеря. Революционным союзам, об'единенным вокруг Красного Интернационала Профсоюзов, противостоят союзы, примыкающие к Амстердамскому Интернационалу. Союзы эти обычно именуются реформистскими, хотя в реформизме повинны, главным образом, их вожди, а не рядовые члены этих союзов.

Если красные союзы, и в первую голову союзы СССР, ведут уже давно борьбу за единство международного профдвижения, то значительная часть руководителей союзов, входящих в состав Амстердамского Интернационала, делают все возможное, чтобы помешать этому единству, так как опасаются влияния революционных вождей на те массы рабочих, которые до сих пор безропотно идут за своими соглашательскими вождями. Раскол для них — средство сохранить в своих руках руководство хотя бы частью рабочих организаций.

С 1923 года в среде Амстердамского Интернационала появилось левое течение, стоящее за об'единение с советскими профсоюзами и другими революционными союзами, входящими в Красный Интернационал Профсоюзов. Силу этого течения составляют английские союзы, являющиеся финансовой базой Амстердамского Интернационала. Дружественные отношения, установившиеся между английскими союзами и союзами СССР, дают надежду, что борьба за единство приведет в конце-концов к созданию Единого Интернационала Профсоюзов.

Автор настоящей книги задался целью исторически проследить, как складывался Интернационал Профсоюзов, как произошел раскол профдвижения и как в союзах всего мира начало усиливаться течение в пользу восстановления единства международного профдвижения. Такого рода историческое исследование является более убедительным аргументом в пользу единства, чем самые красноречивые и продуманные теоретические доводы. Знакомство с историей вопроса необходимо еще и потому, что противники единства из рядов Амстердамского Интернационала имеют обыкновение ссылаться на то, что раскол произошел не по их вине и что ответственность падает, будто бы, на союзы СССР, по инициативе которых был основан конкурирующий с Амстердамом Красный Интернационал Профсоюзов.

Представляется поэтому необходимым опровергнуть эти совершенно неосновательные ссылки на прошлое и на фактах доказать, что раскол произошел на почве недовольства широких рабочих масс соглашательской тактикой вождей амстердамских союзов. Эти вожди предпочитали выбрасывать за двери союзов своих политических противников, чем подчиняться воле организованных рабочих. Единение с левыми кругами буржуазии представлялось им более необходимым, чем тесный союз с революционными элементами рабочего движения.

В какой степени автору удалось осуществить поставленную им себе задачу могут судить, конечно, только читатели.

Москва, 19 марта 1925 г.

С. Гальперин.

Зарождение Интернационала.

Более трех четвертей века отделяют нас от того момента, когда «Коммунистический манифест» впервые бросил великий лозунг рабочего движения: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». С тех пор эти слова миллионы раз повторялись на страницах социалистических и коммунистических изданий всего мриа. Но и до сих пор они не нашли своего полного жизненного воплощения в практике и строительстве рабочих организаций.

В 1847 году Маркс и Энгельс выпустили свой «Коммунистический Манифест», но лишь в 1864 году им удалось положить начало международной организации рабочего класса. Они основали тогда «Международное Товарищество Рабочих», которое теперь зовем мы Первым Интернационалом. Этот Первый Интернационал об'единял самые разнообразные пролетарские организации. Сложившихся политических партий рабочего класса тогда еще не было, и к «Международному Товариществу Рабочих» примыкали отдельные социалистические группы, отдельные профессиональные союзы и различные рабочие кружки.

Но уже деятели этой первой международной организации пролетариата предвосхитили идею международного об'единения профессиональных союзов. Путь к этому об'единению должен лежать через «об'единение профессиональных союзов различных стран».

Принятая на Женевском конгрессе Первого Интернационала в 1866 году резолюция о задачах профессиональных союзов гласит: «Независимо от борьбы, направленной к непосредственному противодействию злоупотреблениям капитала, профессиональные союзы должны научиться действовать сознательно, как ядро организации

рабочего класса, во имя великого идеала — его полного освобождения. Они должны оказывать поддержку всякому социальному и политическому движению, направленному к этой цели, должны смотреть и на себя, как на активных борцов и представителей рабочего класса в целом, они должны особенно энергично вставать на защиту наиболее плохо оплачиваемых категорий трудящихся, как, например, сельско-хозяйственных рабочих. Это неминуемо привлечет в ряды Международного Товарищества Рабочих всех рабочих, еще не вступивших в него, и пробудит во всей обширной массе рабочего класса убеждение, что его цель не узко-своекорыстная, а преследующая дело всеобщего освобождения миллионов эксплоатируемых».

Но прошло много лет, пока эти великие слова учителей коммунизма стали достоянием, если не всех, то огромного большинства организованных рабочих масс всего мира. Первый Интернационал — Международное Товарищество Рабочих — просуществовал только до 1872 года. Реакция, наступившая после разгрома Парижской Коммуны в 1871 году, подорвала деятельность этого великого творения Маркса.

Последовавшая затем эпоха была периодом расцвета капитализма. Капиталистические страны Европы одна за другой захватывают все свободные земли Азии и Африки и на эксплоатации туземцев строят свое экономическое благополучие. Кое-какие крохи от этого ограбления колониальных стран перепадают и наиболее квалифицированным слоям рабочих Европы. Среди печатников, рабочих машиностроительной промышленности и электрических предприятий создаются довольно крепкие союзы. Но союзы эти вопреки заветам Первого Интернационала строятся на узко-своекорыстной, цеховой основе. Они противопоставляют себя всему рабочему классу, как его аристократию. Дух борьбы, идея полного освобождения рабочего класса отходят среди них на задний план.

В области политической жизни окончательно устанавливается так называемый «демократический строй». К концу семидесятых и началу восьмидесятых годов во всех европейских странах создаются социалистические партии, практическая сторона деятельности которых направлена к

завоеванию через парламент всякого рода политических свобод: свободы печати, слова, собраний, союзов, стачек и т. д. В основу работы социалистических партий кладется избирательная парламентская борьба.

В 1889 году представители этих социалистических партий собрались в Париже на международный конгресс и положили начало так называемому Второму Интернационалу. Профессиональные союзы, как таковые, в этот Интернационал не входили. Но, конечно, оставить совершенно в стороне профессиональные союзы II Интернационал не мог. Он положил начало созданию самостоятельного Интернационала Профессиональных Союзов.

Но прежде чем перейти к истории этого Интернационала Профсоюзов, мы остановимся вкратце на характеристике Второго Интернационала, ибо политическая физиономия последнего окрасила собой и деятельность вождей профессиональных союзов того же времени.

Два основных факта необходимо отметить в деятельности Второго Интернационала: это противоречие между теорией и практикой, во-первых, и отсутствие подлинной международной дисциплины, во-вторых. На конгрессах, созываемых через каждые три—четыре года, принимались резолюции более или менее марксистского характера, подтверждался абстрактно революционный характер рабочего движения, а практическая работа социалистических партий шла своим порядком в рамках буржуазного парламентаризма.

Именно поэтому не было и настоящей международной дисциплины. Революционные резолюции конгрессов носили парадный характер, но авторы их менее всего думали о том, чтобы твердо связать этими резолюциями деятельность социалистических партий в каждой отдельной стране. В области практической все эти резолюции были в высшей степени каучуковыми, не имеющими реального обязательного характера.

Революционный социализм остался только украшением первомайских воззваний. Сложилось своеобразное разделение труда: социалистические партии отстаивали в парламентах политические свободы и социальные реформы, профессиональные союзы вели экономическую работу в узком

значения этого слова, в пределах борьбы за заработную плату и рабочий день. Более широкие задачи рабочего движения были забыты как партиями, так и союзами.

Переходя к попыткам Второго Интернационала создать международное об'единение профессиональных союзов, остановимся прежде всего на резолюции Цюрихского конгресса в 1893 году. Резолюция этого конгресса рекомендует рабочим: «Соединиться в союзы по производствам для защиты своих профессиональных интересов, охраны заработной платы и защиты ее от эксплоатации капиталистов; соединять везде, где это возможно, профессиональные союзы отдельных производств, преследующие одинаковые цели, в Национальные Федерации; образовать путем соглашения Национальных Федераций Международную Федерацию организованных профессий, чтобы соединить в один союз организации различных стран; организовать везде, где возможно, местные национальные и международные профессиональные общества всех производств для об'единения и соглашения трудящихся всех корпораций в борьбе за заработную плату; обмениваться сведениями между странами через Международный Секретариат Труда; обязанность этого секретариата заключается в передаче национальным федерациям сведений, касающихся различных корпораций; устраивать для каждой профессии международные конгрессы для обсуждения вопросов, касающихся различных федераций».

Однако, от принятия резолюции до ее проведения в жизнь прошел еще не малый срок. Только с начала двадцатого столетия стали созывать международные конференции секретарей профессиональных об'единений. И лишь Дублинская международная конференция в 1904 году приступила к действительному созданию Международного Секретариата Труда, идея которого была возвещена на Цюрихском конгрессе Второго Интернационала в 1893 году.

К концу 1904 года Международный Секретариат выпустил свой первый отчет, из которого видно, что к нему примкнули профессиональные об'единения 19 стран. Для 13 стран имеются точные цифровые данные о числе организованных в профсоюзах рабочих.

Англия	1.889.590
Германия	1.466.625
Италия	260.102
Австрия	205.651
Швеция	104.999
Дания	89.788
Испания	56.900
Венгрия	53.169
Швейцария	41.262
Нидерланды	37.221
Норвегия	16.227
Сербия	2.932
Болгария	1.672
Итого	4.226.138

Более полные цифры мы имеем для 1910 года. Мы их приведем, так как в общем и целом они довольно точно отражают картину численности профсоюзов в различных странах накануне войны.

Германия	2.017.298	членов
Соединенные Штаты	1.710.433	„
Англия	710.994	„
Франция	400.000	„
Австрия	400.565	„
Италия	359.383	„
Бельгия	102.511	„
Дания	101.563	„
Венгрия	86.478	„
Швеция	85.176	„
Швейцария	63.863	„
Норвегия	46.397	„
Голландия	44.120	„
Испания	40.984	„
Финляндия	15.514	„
Румыния	8.515	„
Сербия	7.418	„
Босния и Герцеговина	6.086	„
Кроация	5.108	„

Необходимо указать, что профессиональные организации существовали в то время не только в вышеперечисленных странах. Но точных цифровых данных об их численном составе не имеется. В частности, существовали тогда профессиональные союзы и в России, но развиваться нор-

мальным образом при царском режиме они не могли. Не могли ни создать своего общегосударственного центра, ни прочно связаться с Международным Секретариатом Труда. Хотя некоторые попытки в этом направлении петербургскими союзами делались.

Профессиональные организации существовали тогда также в Болгарии, Аргентине, Австралии и некоторых других странах, но сведений о своем численном составе в Международный Секретариат они не давали.

Международная связь между профессиональными организациями различных стран шла не только по линии присоединения национальных общепрофессиональных центров этих стран к Международному Секретариату Труда, но выражалась также в создании международных секретариатов по отдельным производственным об'единениям.

Первыми создали свое международное производственное об'единение горняки. За ними последовали металлисты, строительные рабочие и др. О численном составе этих международных производственных об'единений мы имеем следующие данные:

Металлисты	1.106.000
Транспортники	881.000
Деревообделочники	393.000
Химики (фабр. раб.)	298 000
Печатники	137.000
Пивовары	130.000
Кожевники	105.000
Плотники	83.000
Каменщики	75.000
Маляры	72.000
Булочники	68.000
Переплетчики	50.000
Литографы	35.000
Шапочники	32.000
Стекольщики	29.000
Шорники	20.000
Парикмахеры	5.000

Много говорить о деятельности Международного Секретариата Труда не приходится. Кроме издания информационно-статистических сборников да созыва время от времени международных конференций, также имевших лишь информационное значение, Международный Секретариат ничем

себя не ознаменовал. Были попытки превратить Секретариат в подлинный международный орган боевой политики пролетариата, но успехом эти попытки не увенчались. Инициатива исходила от Французской Всеобщей Конфедерации Труда, стоявшей на точке зрения революционного синдикализма, но большинство национальных общепрофессиональных центров высказалось за ограничение задач Международного Секретариата Труда исключительно функциями информационного характера.

Особенно настаивали на этом сужении задач Международного Секретариата представители немецких профсоюзов, которые прямо заявили, что конституция Германской империи не допускает подчинения германских общественных организаций и союзов каким-либо об'единениям, находящимся за пределами Германии.

Надо вообще указать, что в довоенную эпоху германские профессиональные организации пользовались преобладающим влиянием среди союзов других стран благодаря своему численному росту, дисциплинированности и мощным союзным кассам. Берлин единодушно был выбран местопребыванием Международного Секретариата Труда, и генеральный секретарь Всегерманского Об'единения Профсоюзов Карл Легин был избран руководителем Международного Секретариата.

Вообще последние десятилетия перед войной являлись эпохой гегемонии германского рабочего движения. Германия переживала тогда период быстрого расцвета капитализма, и германские рабочие, не выходя из рамок строгой легальности, могли отстаивать улучшение своего материального положения. Даже Фридрих Энгельс, друг и соратник Карла Маркса, писал тогда, что германская социал-демократия наживает на легальности румяные щеки. Разумеется, в устах Фридриха Энгельса эти слова насчет выгод легального пути имели временное значение, но более молодые германские социал-демократы, уже забывшие эпоху «закона против социалистов», склонны были думать, что время революционных потрясений кончилось навсегда, и что германский пролетариат, постепенно завоевывая большинство голосов в рейхстаге, мирным путем придет к социализму. Да и о мирном завоевании социализма мало

кто думал. В эту эпоху родилась знаменитая формула: «движение — все, цель — ничто».

Цель завоевания социализма практически отбрасывалась. А движение сводилось к следующему. Социал-демократическая партия превратилась в чисто избирательную организацию, думавшую только о приобретении голосов на выборах. Само собой разумеется, что для приискания симпатий мелкобуржуазных слоев избирателей социал-демократы все более и более свертывали красное знамя революционного марксизма и проповедывали лишь проведение социальных реформ.

Что касается союзов, то у них отрыв от социализма пошел еще дальше. Дальше будничной борьбы за повышение зарплаты или сокращение рабочего дня союзы не шли. Да и в области чисто экономической борьбы союзы стремились избегать революционных массовых выступлений и предпочитали локализировать стачки на тех предприятиях, где они возникали.

Накопление крупных денежных средств в союзных кассах стало альфой и омегой профессиональной мудрости. Именно поэтому союзы старались избегать всяких стачек, носящих более или менее всеобщий характер, так как стачки эти бывают связаны с опустошением союзных касс.

Экономическое процветание Германии давало возможность капиталистам улаживать столкновения с рабочими полюбовными — относительно полюбовными — соглашениями. Классовая борьба не принимала особенно обостренных форм. «Фатерланд» — германское отечество — и его процветание стало для верхов германского пролетариата основой благосостояния рабочего класса.

Если все вообще германские квалифицированные рабочие имели в эти годы тенденцию довольствоваться теми подачками, которые уделяла им буржуазия с своего барского стола, то профессиональное служилое сословие превратилось в особую касту, вполне приспособившуюся к буржуазному строю. Секретари и служащие союзов не знали над собою непосредственного гнета капиталистов, им не грозили ужасы безработицы, они работали в гигиенических условиях, и мысль о революционных переворотах была им психологически не свойственна. Это были

типичные мелкие буржуа, хотя и сочувствовавшие стремлениям рабочих повысить свое материальное и культурное существование, но ограниченные в своем кругозоре рамками германского буржуазного государства.

Совершенно по типу германских профсоюзов шло союзное строительство почти во всех странах Центральной Европы и Скандинавии. Датские, шведские и австрийские профсоюзы, так же как и германские, шли под полинявшим знаменем социал-демократии, при чем во всех этих странах, так же как и в Германии, руководители профессионального движения составляли самое правое крыло социал-демократической партии.

В англо-саксонских странах (Англии и Соединенных Штатах Северной Америки) профессиональное движение отстало еще больше. Цеховщина там господствовала еще больше, чем в Германии, и отрыв профдвижения от общих задач рабочего класса был почти абсолютный. Союзы центральной Европы были как-никак связаны с социал-демократической паритей, т.-е. дошли до понимания необходимости создания самостоятельной политической партии пролетариата (хотя бы умеренной партии). Английские же и американские профсоюзы чурались всякой политики и считали возможным поручать защиту своих прав буржуазным депутатам. Только в самые последние годы перед войной английские трэд-юнионы на опыте убедились в необходимости самостоятельного политического представительства и приступили к созданию Рабочей Партии, которая в настоящее время выросла в огромную силу.

Что касается романских стран (Франции, Италии, Испании), то там в ходу был синдикалистский тип профессионального движения. В основе его лежало отрицательное отношение к умеренной и оппортунистической деятельности социалистических партий. Синдикалисты отстаивали самостоятельность профессиональных организаций, при чем главной задачей профсоюзов они считали ведение революционной экономической борьбы. Всеобщая стачка представлялась им наилучшим оружием для низвержения капиталистического строя.

В области организационного строительства союзов они были противниками всякой централизации, высказывались

против создания богатых союзных касс, усматривая в немецком типе союзов угашение всякого революционного духа. Но эта революционность французских союзов нередко имела только внешний характер. Союзы были сравнительно малочисленны, и их резолюции о всеобщей стачке имели сплошь и рядом характер деклараций без практического применения, так как широкие массы рабочих за этими резолюциями не шли. Те же союзы, которые имели более массовый характер (горнорабочие, железнодорожники и печатники), были проникнуты самым умеренным духом. Они принимали положения синдикализма о независимости профсоюзов от политических партий и о недопустимости централизма в союзном строительстве, но придавали этим положениям трэд-юнионистский смысл. Социалистические партии они критиковали не слева (как революционные синдикалисты), а справа, а централизм они отбрасывали для того, чтобы Всеобщая Конфедерация Труда не навязывала им революционных директив. Во внутренней же своей организации эти союзы отстаивали централистские тенденции.

Мы не имеем в виду в настоящем труде давать историю международного профессионального движения вообще и рассматриваем его лишь под углом зрения создания Единого Интернационала Профсоюзов. Мы дали эти краткие сведения о характере профессионального движения до войны для того, чтобы читатель мог понять, почему зачатки международной организации профессионального движения не оказались достаточной опорой против вовлечения рабочих в братоубийственную бойню, затеянную империалистами Антанты, с одной стороны, государств Центральной Европы — с другой.

Полное отсутствие революционного духа в большинстве союзов, внутренняя слабость тех союзов, которые сохранили революционные идеалы братства международного пролетариата, мелкобуржуазная ограниченность профессиональной бюрократии, — все это об'ясняет нам, почему в трагические дни 1914 года рабочие массы оказались в идеологическом плену буржуазного патриотизма, а вожди профсоюзов повсюду вошли в священный союз национальной обороны и с усердием, достойным лучшего применения,

стали звать рабочих к войне до победного конца над рабочими и крестьянами других стран.

Интернационал профсоюзов, так же как и Второй Интернационал социалистических партий, в годы войны перестал существовать. Правда, со стороны профсоюзов нейтральных стран делались попытки восстановления Интернационала, но реальных результатов они не давали. Вожди профсоюзов воюющих стран относились ко всем этим попыткам с недоверием, усматривая в них лишь замаскированную интригу враждебной коалиции держав, направленную к срыву патриотического настроения рабочих масс.

Останавливаться на этих попытках нет смысла [1]. Гораздо важнее отметить эволюцию настроения пролетариата, которая произошла в годы войны. Патриотический угар, которым были охвачены массы, под влиянием жестоких уроков войны, стал мало-по-малу рассеиваться. Среди рабочих стало расти возмущение поведением своих вождей, которые пропагандировали полный отказ рабочих от защиты своих классовых требований во имя пресловутой национальной обороны. Рабочие поняли, что они стали жертвой обмана, и все их жертвы способствуют только накоплению прибылей пушечных фабрикантов и военных поставщиков. Защита своих классовых интересов, требование скорейшего заключения мира и восстановления Интернационала стали основной платформой проснувшихся рабочих масс.

Следует отметить две существенные вехи на этом пути освобождения рабочих от гипноза войны. Это — Циммервальдская и Кинтальская конференции. Первая состоялась в 1915 году, вторая в 1916 году в Швейцарии. В обеих конференциях участвовали меньшинства социалистических партий и профессиональных союзов, стоявшие на интернационалистической точке зрения. На этих конференциях сложились уже основные течения, с которыми приходилось иметь дело в конце войны и после нее.

---

[1] **Ознакомиться с этими попытками и вообще с развитием международного профессионального движения в годы войны можно в моей книге „Профессиональные союзы Западной Европы в годы войны“. Изд. „Труд и Книга“.**

Ленин, который присутствовал на этих конференциях в качестве представителя большевистского течения Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, отстаивал необходимость лозунга гражданской войны, как средства не только покончить войну империалистическую, но и использовать окончание войны для начала борьбы за полное освобождение пролетариата от капиталистического ига. Но наши меньшевики - интернационалисты с Мартовым во главе (другая группа меньшевиков, так наз. «оборонцы», стояла на точке зрения продолжения империалистической войны до победного конца) и значительная часть западно-европейской оппозиции не выходили за пределы требования скорейшего заключения мир за восстановления разорванных связей между пролетарскими организациями воюющих стран.

Мы не имеем в виду в настоящей книге останавливаться подробно на истории военных группировок в рабочем движении, и укажем лишь, что уже к середине войны наметились три основных течения социалистической мысли: 1) сторонники войны до победного конца — после войны они восстановили Второй Интернационал, 2) сторонники превращения империалистической войны в войну гражданскую за низвержение капиталистического строя и установление диктатуры пролетариата — из этих элементов образовался после войны по призыву русских большевиков Коммунистический Интернационал и 3) промежуточная группа, стоявшая за скорейшее окончание войны, но не выходившая за рамки «демократии» и не выдвигавшая лозунга гражданской войны и диктатуры пролетариата — из нее образовался, просуществовавший до 1923 года, так называемый 2½ Интернационал (Венский).

Об этих трех интернационалах нам еще придется говорить в дальнейшем — их взаимная борьба в достаточной степени отразилась и на судьбе Интернационала Профсоюзов, — сейчас же вернемся к развитию профессиональных организаций.

Освобождение пролетариата от вавилонского пленения социал-патриотической идеологии отразилось не только на тяге рабочих к восстановлению интернационала и окончанию братоубийственной бойни, но и на их стремлении

возобновить свою классовую борьбу против капиталистов. В начале войны, когда значительная часть пролетариата главных воюющих стран Европы оказалась под ружьем, профессиональные союзы почти перестали существовать как боевые организации пролетариата. Остались только верхушки, которые проповедывали гражданский мир внутри страны и войну во вне, и занимались лишь полублаготворительной деятельностью по организации столовых для семейств рабочих, призванных на войну.

С 1916 года наметился резкий перелом. С одной стороны, правительства поняли, что без усиленной фабрикации снарядов нельзя выиграть войну, и должны были снять с фронта значительную часть рабочих и направить их на заводы военного снаряжения. Распыленный было пролетариат снова спаялся в своей обычной производственной обстановке. У капиталистов была тенденция использовать затруднительное положение этих мобилизованных на военных заводах рабочих, чтобы платить им гроши и получать сказочные барыши. Всякое выражение неудовольствия для этих крепостных рабочих каралось отправкой на фронт. Само собой разумеется, что это приводило только к усилению классовой вражды. Что же касается немобилизованных рабочих, число которых также сильно выросло по сравнению с первыми годами войны, то о них и говорить не приходится: они нимало не были расположены давать себя стричь во славу национальной обороны.

Рабочее движение, хотя и не принимало резких форм, ширилось и крепло. Военные власти старались улаживать все конфликты миром, чтобы не создавать атмосферы недовольства в стране. Профессиональные организации численно выросли и к концу 1917 года во многих странах превысили довоенные размеры. В 1918 году это стало почти общим правилом. В Англии число членов трэд-юнионов достигло в 1917 году 5.546.000, в 1918 году — 6.632.000. Что касается Франции, то в то время как до войны вся Всеобщая Конфедерация Труда насчитывала 350—400 тысяч человек, в 1918 году отдельные федерации, как например, федерации металлистов и железнодорожников насчитывали по 200 тысяч человек (для обеих этих федераций это означало увеличение в пять раз по сравнению с довоенным вре-

менем). В Германии мы наблюдаем следующее движение числа членов:

в 1913	году	число	членов	равнялось	2.573.718
„ 1914	„	„	„	„	2.075.759
„ 1915	„	„	„	„	1.159.497
„ 1916	„	„	„	„	966.705
„ 1917	„	„	„	„	1.106.757
„ 1918	„	„	„	„	1.664.991

Только невероятный пресс кайзерского правительства препятствовал росту союзов Германии за довоенные пределы, но и там число членов почти удвоилось по сравнению с 1916 годом. Зато в 1919 году, после свержения Гогенцоллернов, число членов Всегерманского Об'единения Профсоюзов сразу подскочило до 5 миллионов.

Если во время войны классовая борьба все же сдерживалась отчасти мерами принуждения, отчасти воздействием социал-патриотических вождей профессионального и партийного движения, то после заключения перемирия рабочие массы потребовали возмещений за пережитые ими страдания. В странах победительницах рабочие требовали своей доли в победе, о благодетельном значении которой им четыре года пели сладкогласные тенора меньшевистских вождей, в странах побежденных почти везде произошло крушение монархии и рабочие ждали от новых республик удовлетворения их классовых чаяний.

Совершенно особняком стояла Россия. Она вышла из войны и не принадлежала ни к числу победителей, ни к числу побежденных в империалистической схватке. Она произвела у себя революцию, отдавшую в руки рабочих и крестьян земли, фабрики, заводы, государственную власть. Она вела бешеную борьбу против своей буржуазии, организовавшей огромные белогвардейские армии на деньги буржуазных государств Запада. Она служила предметом дикой ненависти со стороны буржуазной прессы всех европейских государств. Она была отделена от всего мира цепью блокады и даже дессантных отрядов империалистических хищников.

Но, несмотря на все это, западно-европейский пролетариат выражал стихийное сочувствие Октябрьской революции в России. Советская Россия, выдерживавшая все удары изнутри и извне, стояла перед ним как далекий, но яркий маяк социальной революции. Плохо осведомленный о том, что собственно происходит в России, рабочий класс Европы все же окружал Советскую Россию ореолом мученичества за идею освобождения рабочего класса всего мира. Голодная, разутая, окровавленная Советская Россия высилась как смертная угроза для мировой буржуазии и как обетованная страна для рабочего класса всего мира.

Брожение среди рабочих Европы было огромное. Профессиональные союзы во всех странах стали естественным центром притяжения для рабочих масс. В 1919 году число членов профсоюзов в Англии достигло 8.081.000 человек, в Германии—5.470.000 человек, во Франции—1.350.000 человек, в Италии, подошло к 1 миллиону. Цифры неслыханные в довоенные годы. Забастовки следовали за забастовками. Во всех странах бастовали миллионы людей. Социализация и рабочий контроль стали излюбленными лозунгами рабочих. На всех рабочих собраниях принимались резолюций с выражением сочувствия Советской России.

Буржуазия проявила изрядную растерянность. Она спешно шла на уступки рабочим, чтобы избегнуть судьбы российских капиталистов и помещиков. 8-часовой рабочий день был проведен почти повсюду: в одних странах в законодательном порядке, в других —путем коллективных договоров рабочих с предпринимателями. Профсоюзы повсюду были признаны официальными выразителями воли рабочих. О каких-либо покушениях на право коалиции (т.-е. право союзов и стачек) больше нигде не было слышно.

Вот в этой-то атмосфере растерянности буржуазии и стихийного под'ема рабочего класса вожди профессионального движения воюющих стран, еще недавно обвинявшие друг-друга во всех смертных грехах и призывавшие к войне до полного уничтожения противника (т.-е. до полного истребления пролетариев противной стороны), поспешили приступить к восстановлению Интернационала Профсоюзов.

Создание Амстердамского Интернационала.

Надо сказать, что еще до окончания мировой войны, в 1917 году, когда Советская Россия выдвинула лозунг справедливого мира без аннексий и контрибуций, движение в пользу окончания войны — а, значит, и восстановления международных связей пролетариата (у рабочих обе эти идеи были тесно связаны) — приняло широкие размеры. Даже наиболее патриотически настроенные представители профсоюзных верхов поняли, что сохранять прежнюю позицию «все для войны» больше не приходится. Тактика их несколько видоизменилась. Они стали подчеркивать, что в принципе и они за справедливый мир, что и они хотят покончить с войной и воссоздать рабочий интернационал, стали даже предлагать некоторые практические меры в этом направлении, но делали это в такой форме, чтобы все их начинания были неприемлемы для противной стороны. Так как обе стороны в глубине души сохраняли прежнее отношение к вопросам национальной обороны, то делать это было очень легко. Все попытки созыва международных конференций, делаемые по инициативе (прямой или через посредство нейтральных стран) стран Антанты, были неприемлемы для союзов стран Центральной Европы, и обратно.

По инициативе профсоюзов нейтральных стран в 1917 г. возник вопрос о созыве профсоюзной конференции в Берне для ликвидации старых споров и создания нового интернационала. Инициативу эту поддержали (а, может быть, и секретно инспирировали) профсоюзы стран германской коалиции. Именно поэтому профсоюзы стран Антанты бойкотировали Бернскую конференцию.

Конечно, официально выдвигались другие мотивы. Французы сослались на отказ правительства в выдаче им паспортов, бельгийцы заявили, что они не сядут за один стол с немцами, пока те не уведут своих войск с бельгийской территории, американцы и англичане сослались на недопустимость переговоров с немецкими профсоюзами, пока те не заклеймят официально своего правительства за проводимую им подводную войну и террор по отношению к оккупированным областям.

При таких условиях Бернская конференция могла только принять решение о том, что она не компетентна решать вопрос об ответственности того или иного правительства за войну (на этом настаивали немцы), и вынести благое пожелание о том, чтобы представители профессиональных организаций были приглашены на будущий мирный конгресс для участия в выработке пунктов мирного договора, особенно в его социально-политической части. Эта робость Бернской конференции в разрешении всех жгучих вопросов, связанных с окончанием войны, нежелание выдвинуть какой-либо действенный лозунг, выразились также в том, что Бернская конференция ни словом не обмолвилась о русской революции, хотя, именно, влияние последней обострило у всех рабочих желание бороться против войны.

Только в июле 1919 года, когда война была уже окончена, оказалось возможным созвать в Амстердаме конференцию, на которой были представлены профсоюзы нейтральных и всех почти воюющих стран как англо-французской, так и германской коалиции.

Вот состав первого амстердамского конгресса [1]).

Представленные страны	число организованных
Америка	3.600.000
Англия	4 750.000
Франция	1.500.000
Германия	5.460.000
Бельгия	450.000
Чехо-Словакия	230.000
Дания	255.000
Голландия	265.000
Австрия	500.000
Люксембург	21.000
Норвегия	122.000
Испания	150.000
Швеция	235.000
Швейцария	200.000
Итого	17.738.000

Как мы видим, на конгрессе не было представителей итальянских и русских профсоюзов. Первые отсутствовали по случайным причинам, о приглашении вторых орга-

[1]) Таблица эта заимствована из книги Юзефовича — „Интернацинал профессиональных союзов". Москва 1921. Издание Межсовпрофа.

низаторы Амстердамского конгресса не подумали. Да и в их расчеты вовсе не входило приглашать на конгресс представителей нашего ВЦСПС, ибо позиция последних спутала бы все карты бывших проповедников войны до победного конца, ныне ставших внезапными поклонниками братской солидарности рабочих всех стран.

А основная мысль организаторов нового Интернационала заключалась, прежде всего, в об'явлении взаимной амнистии. Все они чувствовали, что пролетариат не простит им их военных грехов, и потому поспешили протянуть друг другу руки и об'явить друг друга невиновными по части социал-патриотизма.

Но даже и эта точка зрения не была проведена до конца. Следуя за правительствами в деле войны, профсоюзные вожди и в период заключения мира отражали правительственную точку зрения. Амстердамский конгресс явился сколком с Версальского мира. Характер конгресса и принятые им резолюции должны были дать пролетарское благословение победительнице Антанте. Так, конгресс принял резолюцию о том, что ответственность за войну падает всецело на Германию, а, следовательно, и на германских социал-демократов, поддерживавших своего кайзера. Социалисты же и профработники Антанты смывали с себя обвинение в пособничестве империализму.

Что касается Советской России, то Амстердамский конгресс ограничился бессодержательной резолюцией на тему о том, что профсоюзы должны стремиться к снятию с нее блокады. Дать действенный, боевой лозунг борьбы против империалистической политики Антанты вообще и ее разбойничьего отношения к России, в частности, Амстердамский Конгресс не решился. В конце-концов ведь его вдохновили Альбер Тома и Вандервельдэ (сами они в конгрессе не участвовали, так как не представляли профессиональных организаций), которые сами подписывали Версальский мир.

И та же «союзническая» ориентация сказалась и в выборе центральных органов Амстердамского Интернационала. Прежде всего, местопребывание их было перенесено из Берлина на нейтральную почву в Амстердам. В президиум Исполкома были выбраны: председателем — один из

наиболее реакционных вождей английского трэд-юнионизма Эпльтон, вице-председателями — ренегат французского синдикализма Жуо и бельгиец Мертенс. Представителям «побежденной» Германии было предложено место одного из секретарей, но они предпочли отказаться от этой подачки, и секретарями были выбраны представители голландских профсоюзов Удегест и Фиммен.

Поражение Германии в империалистической войне нашло, таким образом, свое отражение в составе центральных органов Амстердама.

Что касается социально-политической программы нового Интернационала, то она всецело отражала заботу «победителей» и «побежденных» спасти капиталистический мир от окончательного краха путем социал-реформистского штопания.

Мы уже указывали в предыдущей главе на то настроение, которое царило в Европе после заключения перемирия: стихийное возмущение пролетариата, полная экономическая неразбериха и растерянность правительств во всех странах как победивших, так и побежденных. В этих последних господство буржуазии было совершенно поколеблено. Даже сравнительно умеренные историки этого периода, вроде каутскианца Нестрипке, признают, что первые месяцы после падения Гогенцоллернов фактическая власть в Германии находилась в руках пролетариата. Но социал-демократы и вожди профсоюзов поспешили отказаться от наследства. Почти сейчас же после ноябрьского переворота 1918 года вождь германских профсоюзов Карл Легин подписал с представителем капиталистов Стиннесом договор, по которому капиталисты обязуются признавать профсоюзы законными представителями рабочего класса и соблюдать восьмичасовой рабочий день на своих предприятиях, а профсоюзы признают за капиталистами право собственности на их предприятиях. Договор этот фактически спас германскую буржуазию в первые смутные моменты революции. Затем социал-демократы передали власть Учредительному Собранию и назначенному им правительству. Вначале правительство это было социал-демократическим, но затем буржуазия постепенно вытесняла их из правительственной цитадели.

В странах Антанты положение буржуазии после войны было прочнее, но и там брожение в рабочих массах было огромное. Проведение социальных реформ и там было предохранительным клапаном против социальной революции. К тому же, вожди профсоюзов, которые в годы войны с увлечением занимались организацией национальной обороны, после войны (особенно во Франции и Бельгии) усиленно занялись «восстановлением страны». Классовая точка зрения была забыта окончательно, и профсоюзные вожди взяли на себя роль воссоздателей экономического благополучия капиталистических государств и носителей «национального» интереса.

Именно так подошел к вопросу и Амстердамский Конгресс. Он совершенно обошел вопрос о социально-революционных задачах пролетариата, он умолчал о Советской революции в России, а остановился лишь на вопросах рабочего законодательства в рамках буржуазного государства. Но и в этом отношении он не пошел далеко, не развернул широкой программы, не поставил в порядок дня ни вопроса о фабзавкомах, ни вопроса о рабочем контроле (эти реформы в тот момент могли бы сыграть революционную роль), а занялся мелочной критикой посвященных рабочему законодательству пунктов Версальского мира.

Центральным же пунктом деятельности конгресса было решение об участии представителей профессиональных союзов в Международном Бюро Труда при Лиге наций и Вашингтонской конференции этого Бюро. Так как в основе деятельности этого Международного Бюро Труда лежало сотрудничество между тремя его составными элементами (правительственные делегаты, капиталисты, рабочие), то решение Амстердамского конгресса было как бы символом того, что сотрудничество классов ляжет и в основу всей деятельности Амстердамского Интернационала. И именно решение об участии профсоюзов в Международном Бюро Труда вызвало негодование левых элементов профессионального движения и породило оппозицию, на деятельности которой мы остановимся в дальнейшем.

Но амстердамцы плохо выполнили бы свою роль, если бы вполне открыто признали себя агентами буржуазии внутри рабочего класса. Надо было хотя для видимости по-

говорить и о социализме, чтобы внушить к себе доверие со стороны рабочих. Была принята резолюция о несостоятельности капиталистического способа производства и необходимости перейти к социализации средств производства. Но, конечно, требование социализации не было для амстердамцев платформой практической борьбы. Нет, социализация рекомендовалась, так сказать, в принципе: «по мере роста и упорядочения народного хозяйства». Само собой разумеется, что никакого практического значения лозунг социализации при такой постановке вопроса иметь не мог, так как несмотря на потуги реформистских вождей профдвижения и социалистических партий в некоторых странах буржуазия предпочитала «упорядочивать» народное хозяйство сама, предоставляя господам соглашателям одну только функцию: идейное обуздание пролетариата.

Совершенно так же, как к вопросу о социализации, Амстердам подходил и ко всем актуальным вопросам борьбы. Так Исполнительное Бюро Амстердама приняло резолюцию о том, «чтобы состояние войны окончательно уступило место состоянию мира», но кроме принятия этой благочестивой резолюции никаких мер боевого характера против войны не приняло. В активе Амстердама имеется, впрочем, еще одна благочестивая резолюция: «о международном распределении сырья между народами», но и она не была предметом практической политики, а должна была лишь засвидетельствовать всему миру, что амстердамские вожди стремятся наладить хозяйственную жизнь на основах братства народов. Само собой разумеется, что никто этой резолюции в серьез не принял и через некоторое время она была совершенно забыта.

Стоит отметить следующие выступления Амстердама в этот первый период его деятельности. Это попытка бойкота Венгрии в период свирепствовавшего там белого террора, попытка демонстрации 21 июля 1919 года и манифест к пролетариату о необходимости борьбы за прекращение польско-советской войны в 1920 году. Все эти попытки очень характерны для амстердамского пацифизма.

Когда по поручению Антанты Чехо-Словакия и Румыния своими армиями задушили просуществовавшую пять месяцев Венгерскую Советскую Республику, и возникшее

там правительство «верховного правителя» адмирала Хорти установило режим белого террора, Амстердам выступил с призывом к пролетариату воздействовать на свои правительства в смысле бойкота белогвардейского правительства Хорти, «чтобы помешать истреблению лучших мужчин и женщин Венгрии». Это было одним из самых активных выступлений Амстердама, но и оно было слабо проведено в жизнь. Но самое интересное в этом то, что примыкавшие к Амстердаму венгерские вожди профдвижения заключили с правительством Хорти соглашение, в котором, между прочим, имелся пункт о воспрещении всяких организаций железнодорожников и сельско-хозяйственных рабочих. Другой пункт этого соглашения подчинял забастовочную борьбу решениям третейских судов, что на деле дало возможность венгерской буржуазии подавлять всякую стачечную борьбу ссылками на необходимость передачи вопроса в третейские суды, которые к тому же не функционировали.

Правда, это соглашение было заключено несколько позже, но уже один этот факт показывает, как мало действенности было в призывах к бойкоту правительства Хорти, если наиболее заинтересованные в нем секции Амстердама считали для себя возможным заключать с Хорти политические соглашения, — к тому же тайные соглашения, — приводившие к ограничению свобод профессионального движения.

Не имела действенного характера и кампания Амстердама, связанная с демонстрацией 21 июля 1919 года. Демонстрация эта, решение о которой было принято Амстердамом под давлением революционно-настроенных итальянских рабочих, должна была пройти под лозунгами: демобилизации, борьбы с дороговизной, амнистии и, главное, прекращения интервенции союзников в гражданскую войну в России. Такого рода международная демонстрация, как отправный пункт борьбы против интервенции, могла бы иметь большое значение.

Но Амстердамский Интернационал и его секции менее всего думали об активной борьбе. Они ни в какой мере не собирались связать это выступление с забастовочной волной, разлившейся тогда по всему материку Европы. В самый последний момент Всеобщая Конфедерация Труда

Франции об'явила об отмене демонстрации, убоявшись связанных с ней революционных возможностей, так как настроение французского пролетариата было в этот момент крайне повышенным. Этим самым международная демонстрация была сорвана. Бастовали только итальянские рабочие, но их выступление надо поставить в актив не Амстердамскому Интернационалу, а итальянской социалистической партии, которая входила тогда в III Интернационал.

Наконец, и третье выступление Амстердама с призывом бойкотировать подвоз военного снаряжения в Польшу в 1920 году, когда она вела войну с Советской Россией, не имело практического характера. Очень любопытно то обстоятельство, что Центральная Комиссия польских профсоюзов ему не подчинилась и принимала самое деятельное участие в нападении польских панов на Советскую Россию. Но Амстердамский Интернационал не обратил никакого внимания на это нарушение международной дисциплины, так как ему нужно было лишь официально проявить свои, якобы, «интернационалистские» чувства, действительная же защита рабоче-крестьянской республики, путем величайших страданий и жертв отстаивавшей свое существование, не входила в его расчеты.

Хотя эта соглашательская политика Амстердама и не могла не вызвать оппозиции наиболее боевых элементов рабочего класса Европы, все же этот период (1919—1920 годы) надо признать периодом расцвета Амстердамского Интернационала. Дело в том, что практическая почва для сотрудничества с буржуазией и выторговывания для пролетариата тех или иных социальных реформ тогда имелась. Буржуазия была слишком ослаблена войной и слишком напугана Октябрьской революцией в России, чтобы вести против пролетариата резкую наступательную политику. Посредническая роль профсоюзных руководителей была очень важна для буржуазии, чтобы ввести рабочее движение в русло мирной работы в рамках капиталистического строя.

Почти во всех странах удалось провести восьмичасовой рабочий день. Борьба за заработную плату шла в направлении приспособления роста заработной платы к росту дороговизны. Необходимость постоянной борьбы за повы-

шение заработной платы толкала рабочих в ряды профессиональных союзов. Численность последних, начавшая возрастать уже в последние годы войны, достигла в 1920 году рекордных цифр, с тех пор еще ни разу не превзойденных в рабочем движении. В Германии число членов Всегерманского Об'единения Профсоюзов достигло 7.890.000 человек, в Англии превысило 8 миллионов человек, во Франции Всеобщая Конфедерация Труда насчитывала к маю 1920 г. 2.300.000 членов, Итальянская Всеобщая Конфедерация Труда—свыше 2 миллионов человек, Испанская Конфедерация—900.000 человек. Даже в маленькой Бельгии число членов союзов, примыкавших к Синдикальной Комиссии Рабочей Партии, превысило 600.000 человек.

Все эти цифры относятся только к наиболее крупным общепрофессиональным центрам этих стран. Но росли и всякие другие профессиональные об'единения: так, в Бельгии число членов католических союзов достигло почтенной цифры в 200.000 человек; в Италии Союз Итальянских Синдикалистов также насчитывал тогда до 300.000 человек; в Испании рядом с Конфедерацией существовал реформистский Всеобщий Союз Испанских Рабочих, насчитывавший в это время до 250.000 чековек. В Германии помимо Всегерманского Об'единения Профсоюзов, об'единявшего так называемые «свободные» (социал-демократические) союзы, имелись еще христианские и либеральные (гирш-дункерсвские) союзы, также об'единявшие в эти годы не менее двух миллионов человек.

Процент организованности рабочих был, таким образом, в 1919—1920 году необычайно велик. Вся эта масса рабочих, хлынувшая в профсоюзы, не прошла достаточной ни профессиональной, ни социалистической школы, и была склонна довольно послушно следовать за профсоюзными вождями, лишь бы последние обеспечили ей некоторое повышение жизненного уровня. Так как все эти годы наблюдался неизменный рост дороговизны, то уже одна борьба профсоюзов за повышение зарплаты в соответствии с ростом цен на жизненные припасы создавала им известную популярность среди рабочих.

Очень большую роль играло и официальное положение профсоюзных верхушек. Все лидеры Амстердама были близ-

ко связаны с социалистическими партиями, а эти партии играли очень заметную роль в правительственных кругах первого послевоенного периода. В Германии, Бельгии и Швеции социал-демократы участвовали в правительстве, во Франции, Италии и Англии правительства считались с социалистическими деятелями и лидерами профсоюзов, как с законными представителями рабочего класса, и сплошь и рядом шли им на уступки. В этих трех странах лидеры рабочего движения фактически играли роль не то министров без портфеля, не то правительственных комиссаров при рабочих организациях.

Для отсталых слоев рабочего класса, впервые приобщившихся к рабочему движению, эта связь их лидеров с буржуазными правительствами служила не предметом нападок за соглашательскую политику, а скорее, наоборот, придавала известный вес всем их выступлениям. Предательская роль этих лидеров выяснилась лишь позднее, когда буржуазия окрепла и от уступок перешла к прямому нападению на рабочий класс, обезоруженный стараниями лидеров в первые годы после заключения мира. А пока что, пролетариат оказывал кредит и разговорам немецких социал-демократов о «социализации», и стараниям бельгийских социалистов провести так называемую скользящую скалу (т.-е. автоматическое приспособление ставок зарплаты к товарному индексу), и широковещательным манифестам французских синдикалистов о национализации железных дорог и создании при Всеобщей Конфедерации Труда Высшего Экономического Совета, который в союзе с техниками и кооператорами должен постепенно перестроить промышленность на социалистических основаниях.

Надо указать, что в 1917—1920 годах значительно сгладились различия типов рабочего движения во всех странах. Как английский трэд-юнионизм, так и французский синдикализм сильно приблизились к германскому социал-демократическому типу союзов. В Англии установилась тесная связь трэд-юнионов с Британской Рабочей Партией, и борьба за постепенное овладение парламентской машиной буржуазного государства вошла в обиход трэд-юнионизма, как один из его непременных составных элементов.

Очень любопытную эволюцию пережил и французский

синдикализм. Его отрицательное отношение к политическим партиям и к использованию правительственной машины демократии отошло в область преданий. Наоборот, создалось тесное сотрудничество вождей Конфедерации с социалистической партией. Рядом документов теперь установлено, что, например, генеральный секретарь федерации железнодорожников Бидегарэ вел усиленную агитацию за проведение в парламент Альбера Тома, бывшего социалистического министра военных снаряжений во время войны и директора Международного Бюро при Лиге наций после войны.

Забыта была и старая синдикалистская теория насчет всеоб'емлющего значения всеобщей стачки, как средства низвергнуть капиталистический строй и поставить на его место социалистическое общество. Самый тип профсоюзной структуры во Франции изменился. Создались централизованные федерации, руководящие органы которых, так же как и центральный орган Конфедерации, получили значение подлинных руководящих органов рабочего движения. Это, разумеется, было отступлением от старой синдикалистской формулы: «синдикат автономен в федерации, федерация автономна в конфедерации». От этой автономии не осталось и следа. Ярким показателем этого внутреннего перерождения французского синдикализма может служить хотя бы тот факт, что уже с конца 1920 года руководители Конфедерации стали поговаривать об исключении из Конфедерации всех синдикатов, не подчиняющихся решениям центральных органов.

Подведем некоторые итоги. В первые два года после войны Амстердамский Интернационал достиг значительного процветания. Численность профсоюзов необычайно выросла. Сами профессиональные организации приобрели довольно однородный реформистский социал-демократический характер. Влияние вождей было очень сильно как среди значительной массы рабочих, так и среди буржуазных партий и правительственных органов.

И все же в этом величественном организме, об'единявшем около 20 миллионов рабочих, была скрытая внутренняя болезнь, обрекшая его в последующие годы на полное бессилие. И это понимали передовые элементы рабочего класса, среди которых уже в 1919—1920 годах стала обра-

зовываться революционная оппозиция. Но об этой оппозиции мы поговорим в следующей главе.

Оппозиция против амстердамского соглашательства.

Оппозиция внутри Амстердамского Интернационала или, вернее, внутри секций этого Интернационала в отдельных странах — явилась прямой наследницей той оппозиции, которая сложилась внутри союзов в годы войны. Но ряды оппозиции после войны перестроились. Дело в том, что оппозиция военного периода об'единяла все элементы рабочего класса, недовольные затянувшейся войной. Тут были и будущие коммунисты, которые стремились борьбу против империалистической войны превратить в исходный пункт борьбы за низвержение капиталистического строя и создание пролетарского государства, и анархисты всех видов и толков, и меньшевики-интернационалисты, которые хотели поскорее вернуться к сомнительному благополучию мирного буржуазно-демократического уклада жизни, и, наконец, просто рядовые рабочие, не зараженные никакими измами и стремившиеся освободиться от гнета чуждой пролетариату войны за гегемонию той или иной коалиции империалистов.

В 1915—1916 году все эти элементы выступали совместно. Самое робкое выражение протеста против войны представлялось актом невероятной смелости и сплачивало вокруг себя всех недовольных. Но положение начало изменяться с конца 1916 года, когда довольно значительные массы пролетариата успели уже целиком освободиться от патриотической идеологии, и перед ними встал вопрос о формах прямой борьбы против войны. Произошла всеобщая передвижка группировок. С 1917 года даже верхи профсоюзных организаций уже не могли больше стоять на точке зрения безусловного приятия войны и вынуждены были распространяться перед массами о своей любви к миру. С другой стороны в рядах оппозиции также произошла дифференциация.

В общем и целом, недовольство противников войны пошло по двум руслам: коммунистическому и меньшевистско-

интернационалистическому. В международном масштабе оппозиционные течения делились между Коминтерном и Интернационалом 2½. Это, конечно, относится к партийным группировкам, но профессиональные группировки были, если не формально, то фактически — с ними тесно связаны.

Первый конгресс Коммунистического Интернационала состоялся в Москве в марте 1919 года. Представительство на нем носило (кроме Российской Коммунистической Партии) случайный характер: делегаты конгресса представляли скорее коммунистически настроенные группы, чем сложившиеся партии. Тут были представители Австрии и Венгрии (главным образом, бывшие военнопленные, ознакомившиеся в России с идеями коммунизма), балканских стран, Италии, Франции и Германии. Но несмотря на немногочисленность представительства значение этого инициативного конгресса было огромно. Советская революция в Венгрии воочию показала западно-европейским рабочим, что волны коммунизма перелились уже за рубеж России.

Тяга к Коминтерну после 1919 года была огромная. Почти во всех странах старые социалистические партии стали принимать резолюции о выходе из Второго Интернационала. Такое решение было принято французской Социалистической Партией, германской Независимой Социалистической Партией, английской Независимой Рабочей Партией. Молодежь, не дожидаясь, пока старые партии завершат свою эволюцию к Коминтерну, образовывала свои коммунистические группы и партии. Итальянская Социалистическая Партия заявила о своем присоединении к Коминтерну.

Все эти коммунистические группировки, конечно, не могли игнорировать профессионального движения, тем более, что профсоюзы охватывали тогда большинство промышленных рабочих. Так как профсоюзы находились в руках завзятых реформистов, то среди коммунистов появилось было довольно сильное течение за выход из старых союзов и образование революционных союзов на новых основах. Такое решение одно время было даже принято германской коммунистической партией, но против этого уклона высказались все самые видные деятели мирового коммунистического движения. Как известно, книга Ленина

«Детская болезнь левизны» направлена именно против этого уклона. Ленин указывал, что коммунисты должны ставить своей целью не создание маленьких партий кружкового типа, а создание массовых партийных организаций, живущих с пролетариатом одной жизнью и могущих руководить его боевыми выступлениями. При таких условиях выход из старых профсоюзов означал бы самоубийство коммунистической партии, как массовой организации.

Перед коммунистами стала задача завоевания профсоюзов, принадлежащих к Амстердамскому Интернационалу. Задача борьбы с Амстердамом была много труднее, чем борьба со Вторым Интернационалом. От последнего откалывались одна за другой все партии, отходя то к Коминтерну, то (впоследствии) к 2½ Интернационалу. Но правые верхи Амстердама держались непоколебимо, опираясь на мощный бюрократический аппарат союзов, обладавший силой внутреннего сопротивления всяким покушениям на его господство. Профсоюзы стали главной цитаделью реформизма. Обращаясь к французским рабочим, Ленин писал в это время:

«Последним прибежищем социал-демократов являются ныне именно профессиональные союзы. II Интернационал, как политическая организация, развалился, как карточный домик, а новый Амстердамский Интернационал желтых профессиональных союзов является еще значительной базой для социал-предателей.

Амстердамский желтый Интернационал больше, чем Лига наций, вреден и опасен сейчас для мировой революции. Через Легиных, Гомперсов и Жуо буржуазия пытается сделать из Амстердамского Интернационала профессиональных союзов такое же орудие своих грабительских целей, каким являлись социал-демократические партии всего мира в течение империалистической войны. Это налагает на нас, коммунистов, обязанность удесятерить свое внимание по отношению к профессиональному движению. Мы должны во что бы то ни стало вырвать эти профессиональные союзы из рук капиталистов и социал-предателей».

Точка зрения Ленина, сводившаяся к завоеванию профсоюзов коммунистами путем постепенного проникновения коммунистических ячеек во все поры профсоюзной жизни

без всякого раскола профессиональных рабочих организаций, получила преобладание среди коммунистов и была окончательно принята II конгрессом Коммунистического Интернационала, состоявшимся в Москве летом 1920 года.

Но само собой разумеется, что коммунистические ячейки были не единственным ферментом брожения в амстердамских профессиональных союзах. Недовольство соглашательской линией амстердамских верхов приняло более широкие размеры и имело самые разнообразные корни в рабочей среде. Вот эти то корни недовольства, по крайней мере, наиболее важные из них, нам и следует проследить по отдельным странам.

Начнем с Франции, потому что внутри французской Всеобщей Конфедерации Труда оппозиция с самого начала приняла наиболее крупные размеры. Коммунистическая партия, как таковая, играла самую незначительную роль в образовании этой оппозиции. Дело в том, что старая социалистическая партия Франции после войны медленно эволюционировала влево: сперва, как мы уже указывали, приняла решение о выходе из Второго Интернационала, а в сентябре 1920 года — о присоединении к III Интернационалу. При этом произошел раскол, в результате которого во Франции сложились коммунистическая и социалистическая партии. Во всяком случае партия, как таковая, мало вмешивалась в профессиональное движение, руководители которого вдобавок были мало склонны получать указания от эволюционирующей влево социалистической партии.

Оппозиция шла из недр самой Конфедерации Труда. Революционное крыло синдикалистов, разумеется, с неудовольствием глядело на то, как верхи Конфедерации пытаются сочетать синдикалистскую фразеологию с самой заурядной трэд-юнионистской практикой. Во главе этого течения стояли Монатт и Росмер, руководители газеты «Ла Ви Увриер» (Рабочая Жизнь), а также Монмуссо, один из вождей федерации железнодорожников. Все они отчасти идейно, отчасти организационно примыкали к существовавшему тогда во Франции Комитету Третьего Интернационала, который не носил чисто партийного характера, а об'единял как коммунистические, так и революционно-синдикалистские элементы. Монатт и Монмуссо были привле-

чены к суду вместе с Лорио и Савариным (первыми организаторами коммунистической партии во Франции) по делу о «заговоре» против благополучия республики, а Росмер был отправлен революционным меньшинством Всеобщей Конфедерации Труда на II конгрес Коммунистического Интернационала, в котором и принял самое живое участие.

На Лионском конгрессе Всеобщей Конфедерации Труда в 1919 году оппозиция собрала около трети голосов. Оппозиция — в том числе и анархо-синдикалисты, впоследствии стремившиеся отмежеваться от всякого соприкосновения с Коминтерном, — находилась под безусловным влиянием русской революции и противопоставляла большевистские методы борьбы тому приспособлению к буржуазному строю, которым вдохновлялись руководители Конфедерации. Так, анархо-синдикалист Вердье сказал на Лионском с'езде, что задачей момента является организация всеобщей стачки, а целью — захват власти. «Только захват власти даст возможность осуществить нашу заветную мечту — организацию производства не в интересах отдельных лиц, а для блага всех». «Вот рациональный метод организации рабочего класса, и им вдохновлялись русские революционеры», — заявил Вердье.

Оппозиция критически относилась к утопическим планам Жуо, Мерргейма и других вождей Конфедерации «восстановить» Францию путем создания Верховного Экономического Совета и проведения частичных национализаций, справедливо указывая, что все эти меры могут иметь значение лишь при наличии власти в руках революционного пролетариата. Интересно отметить, то вся эта оппозиция в 1919 году смотрела на Коммунистический Интернационал, как на общий революционный центр как для партийных, так и для профессиональных организаций. Представитель оппозиции Росмер, как мы уже отмечали, был делегирован ею на с'езд Коммунистического Интернационала.

Так же относились к Коммунистическому Интернационалу и другие революционно-синдикалистские организации: Испанская Конфедерация Труда, которая в отличие от Французской Конфедерации сохранила после войны свой революционный пыл, на Мадридском с'езде в 1919 году с энтузиазмом приняла резолюцию о присоединении к III Ин-

тернационалу. Аналогичное решение принял и Итальянский Союз Синдикалистов. Обе эти организации также командировали в 1920 году своих делегатов в Москву, но делегаты эти несколько опоздали к II конгрессу Коммунистического Интернационала.

Что касается Итальянской Конфедерации Труда, то она пережила после войны любопытную эволюцию. Сама Конфедерация возглавлялась членами Итальянской Социалистической Партии и была связана с партией союзным договором. Партия же итальянская, которая во время войны стояла на резко-антимилитаристской позиции, сблизилась за это время с революционными течениями, и в 1919 году примкнула к Коммунистическому Интернационалу. Но присоединение носило характер скорее стихийного влечения влево, чем продуманного принятия коммунистической программы и тактики. В партии оставалось много элементов, весьма далеких от какого бы то ни было коммунизма. И именно главари Конфедерации оказались принадлежащими к правому крылу партии. Но даже эти правые элементы Итальянской Социалистической Партии, поддавшись общему течению, высказывались — по крайней мере, официально — против соглашательской политики амстердамских верхов и, в частности, против представительства профсоюзов в Между-Народном Бюро Труда. Представители Итальняской Конфедерации посетили Москву вместе с общепартийной итальянской делегацией на II конгрессе Коммунистического Интернационала.

В Англии после войны профессиональное движение в целом стало медленно эволюционировать влево. Правда, верхушки английского профдвижения в эти годы, разные Томасы и Эппльтоны, превратились в подлинных «министров его величества», но рабочая масса и частью многие официальные органы усвоили себе боевой подход к задачам профессионального движения. Так, произошло слияние ряда цеховых союзов в производственные: образовались три крупных производственных союза — горнорабочих, железнодорожников и транспортников. Союзы эти даже заключили между собою так называемое «Тройственное Согласие», которое представляло собою прямую угрозу мирному существованию буржуазного общества, так как ставило всю

экономическую жизнь Англии в зависимость от образа действия этого «Тройственного Согласия». А оживленная стачечная борьба английских рабочих наводила британскую буржуазию на грустные размышления по поводу возможного выступления «Тройственного Согласия». Но деятельности последнего и его вождей мы коснемся несколько позже, когда будем говорить о знаменитой стачке английских углекопов в 1921 году.

Очерк оппозиционных течений в Англии был бы неполон, если бы мы не остановились на возникшем еще в конце войны движении так называемых «фабричных старост» (шоп стюартов). В связи с отказом официальных органов союзов от ведения забастовок на заводах военного снаряжения в годы войны, во главе забастовочного движения стали фабричные старосты, или фабрично-заводские комитеты. Руководители этого движения после войны были склонны перестроить все профессиональное движение на основе революционных фабзавкомов, противопоставляя их реакционному руководству трэд-юнионов. Впоследствии, после 1921 года, движение это ослабело, но в первые два года после войны оно пользовалось довольно большим успехом среди английских, особенно шотландских рабочих.

Переходя к Германии, приходится указать, что там послевоенная оппозиция в профессиональном движении шла по линии борьбы с политикой социал-демократического усмирителя пролетариата палача Носке. Недовольство против этого курса высказывалось как рабочими, принадлежавшими к независимой социал-демократической партии, так и рабочими коммунистами. Что касается оппозиции независимцев, то она не носила резкого характера, и лидеры этого течения скорее словесно критиковали политику профсоюзных помощников Носке и Шейдемана, чем вели против нее действительную борьбу. Что же касается коммунистов, то, как мы уже указывали, в первый год после войны они стали было на позицию создания самостоятельных союзов («унионов»), и несколько таких унионов было создано. Когда коммунистическая партия переменила тактику, то эти унионы все же сохранились, не желая ни в коем случае подчиняться Всеобщему Германскому Об'единению Профсоюзов. Из этих унионов наиболее крупными являлись

Унион Моряков и Унион Рабочих Физического и Умственного Труда (Гельзернкирхен), пользовавшийся довольно большим влиянием среди горнорабочих Рурской области.

Мы видим, таким образом, что во всех странах уже к 1920 году сложились группировки, поставившие себе целью борьбу против соглашательской политики Амстердамского Интернационала. Из этих группировок одни стояли вне организаций, примыкающих к Амстердаму, другие же составляли, так сказать, внутреннюю оппозицию. К числу первых нужно отнести Испанскую Конфедерацию, Итальянский Союз Синдикалистов, германские унионы; к числу вторых — оппозицию внутри Всеобщей Конфедерации Труда Франции, Всеобщего Германского Об'единения Профсоюзов и не вполне определившиеся левые группировки в английском рабочем движении.

Все эти революционные и полуреволюционные группировки образовались в Западной Европе вне какого бы то ни было непосредственного воздействия «Москвы». Это были годы почти полной изоляции Советской России и строжайшей блокады ее с суши и с моря. И если теперь амстердамские лидеры любят об'яснять раскол в мировом профессиональном движении воздействием «московских агентов», то это надо об'яснить только их плохой памятью на исторические события.

Хотя — что греха таить — есть за Москвой вина, и не малая. Только не та, которую ей приписывают амстердамские лидеры. Она действительно содействовала усилению революционных идей в западно-европейском пролетариате, но вовсе не рассылкой своих агентов, якобы подымавших рабочих против амстердамских руководителей. Москва воздействовала на пролетариат Запада своим примером. Как ни скудны были сведения, проникавшие в Европу о положении Советской России, как ни старалась буржуазная пресса сетью всякой лжи и клеветы отвратить умы европейских рабочих от подражания московскому примеру, но Советская Россия даже у умеренных слоев пролетариата была окружена ореолом революционного героизма, и имена Ленина и Троцкого были на устах у всех европейских рабочих.

Нам приходилось уже указывать на ту стихийную тягу к Коминтерну, которая охватила все социалистические круги Европы в 1919—1920 годах. (На своем II конгрессе в 1920 году Коминтерну пришлось уже вырабатывать знаменитое 21 условие приема в его ряды, чтобы не допустить разжижения его революционной физиономии полуреформистскими элементами). Тяга эта была по существу данью уважения рабочих Западной Европы той героической революционной борьбе, которую вели тогда рабочие Советской России против своей и иноземной буржуазии, желавшей золотом и железом сломить мощь первой рабоче-крестьянской республики.

Поскольку эта бешеная борьба рабочих Советской России против капиталистов всего мира представляла собою резкий контраст с политикой сотрудничества классов, проводимой амстердамскими вождями, постольку она являлась, конечно, ферментом брожения внутри об'единяемых Амстердамом профессиональных организаций. Но если уже необходимо искать виновника появления оппозиционных группировок в Амстердаме, то этим виновником надо признать скорее всего руководящую группу Эппльтонов-Жуо-Легиных, в основе деятельности которых лежало принесение классовых интересов пролетариата в жертву так называемым «национальным интересам» соответствующих стран, или попросту сказать, в жертву буржуазии, всеми силами хотевшей сохранить в неприкосновенности основы своего господства: государственную власть и владение средствами производства — землей, фабриками, заводами. Именно это забвение классовых интересов пролетариата и отказ от их революционной защиты и служили основной причиной появления оппозиции внутри Амстердама и создания враждебных ему профессиональных группировок вне его.

Самое брожение среди европейского пролетариата об'ясняется полной неустойчивостью экономического положения во всех европейских странах. Эта неустойчивость порождала беспрерывную стачечную борьбу. Вот характерные цифры о размерах стачечного движения за одно только первое полугодие 1920 года:

	Число стачечников	число потерянных дней
Германия	1.866.350	18.201.660
Италия	1.781.230	21.650.000
Франция	1.186.670	19.358.100
Соединенные Штаты	958.700	11.787.400
Испания	224.700	11.630.100
Австралия	203.400	17.602.000
Англия	117.040	6.925.900
Швеция	180.070	4.779.170
Бельгия	175.940	2.090.440
Австрия	97.540	902.900

Эти цифры достаточно красноречиво свидетельствуют о том, что рабочее движение Европы представляло собою в первые два года после войны бурлящий котел. Появление при таких условиях оппозиционных группировок совершенно естественно. Наоборот, было бы необ'яснимо, если бы эти возбужденные неустанной борьбой за существование, пережившие четыре года губительной войны, рабочие массы безропстно подчинялись бы усилиям вождей направить это волнующееся море классовых страстей в спокойное русло мирной борьбы за постепенное улучшение условий существования.

В предыдущей главе мы указывали на то, что уступки, которые растерявшаяся буржуазия делала рабочим после войны, в значительной степени оправдывали в глазах пролетариата мирную деятельность амстердамских руководителей. Но дело в том, что буржуазия очень скоро дошла до предела приемлемых для нее уступок. С одной стороны, идя по пути уступок, она ни на минуту не была склонна пожертвовать в пользу пролетариата хотя бы копейку из своего «законного» барыша, с другой стороны, даже на минимальные уступки буржуазия шла лишь под давлением страха перед гневом пролетариата. Но поскольку социал-демократы меньшевики обуздывали этот гнев и жажду борьбы у пролетариата, постольку и охота буржуазии итти по пути реформ и соглашений становилась меньше. Социал-демократы и реформистские вожди профсоюзов сами уничтожали источник их силы и влияния в правящих кругах буржуазии, сотрудничества с которой они так искали.

Обе эти причины, понижавшие реформаторский пыл буржуазии, стали оказывать особенно сильное действие, начиная с 1920 года. В большинстве стран Европы появились первые признаки промышленного кризиса. Промышленность, державшаяся военными заказами, нелегко могла перейти на мирные рельсы. Кризисы вообще являются неизбежным спутником развития капитализма, но на этот раз кризис осложнился общей экономической неурядицей, расстройством денежной системы в большинстве европейских стран и перекройкой географической карты всего мира, что нарушало установившиеся пути внешних сношений. Наконец, выбытие из мировой экономической системы российского государственного организма также приводило к еще большему обострению кризиса.

Кризис этот охватил почти все страны Европы, породив необычайную безработицу 1920—1921 годов. Только Германия и Австрия избежали общей участи, так как необычайное падение валюты этих стран содействовало росту экспорта их продуктов за границу, а значит и росту германской и австрийской промышленности. Но положение рабочих в этих странах было от этого не лучше, ибо всю тяжесть обесценения денег пролетариат нес на своих плечах, получая неизменно падавшие бумажные деньги. Если в Германии до 1922 года этот процесс падения валюты шел с некоторой постепенностью, то в Австрии крона уже в 20—21 году упала почти до нуля, а значит до нуля почти опустилась и заработная плата рабочих.

Что касается стран победительниц, где удержалась относительно высокая валюта (хотя и она пала значительно ниже своего золотого паритета), то там со второй половины 1920 года развилась необычайная безработица, на почве которой капиталисты, оправившиеся от пережитого ими в в первые годы после войны испуга, перешли в наступление.

Но прежде чем перейти к этому новому периоду в борьбе пролетариата с капиталом, мы должны остановиться на образовании летом 1920 года в Москве временного Международного Совета Красных Профессиональных и Производственных Союзов, (сокращенное наименование Межсовпроф).

Образование временного Международного Совета Красных Профсоюзов.

Мы уже указывали, что с 1919 года Москва становится местом паломничества всех революционеров мира, а Коммунистический Интернационал — средоточием надежд и упований рабочего класса. Летом 1920 года Москву посетили итальянская и английская профессиональные делегации, не говоря уже о нескольких стах участников конгресса Коминтерна, из которых некоторые (от германской независимой с.-д. партии и французской социалистической партии) прибыли с информационными целями, так как партии, делегировавшие их, не входили еще в Коммунистический Интернационал.

Значительная часть профессиональных организаций склонялась к тому, чтобы непосредственно войти в Коммунистический Интернационал, который должен был об'единить не только политические, но и профессиональные и кооперативные организации рабочего класса всего мира. Помимо синдикалистских организаций, о которых мы говорили в прошлой главе, и некоторые германские и английские союзы, стоящие на сравнительно левой позиции, проявляли определенные симпатии к Коминтерну.

16 июня 1920 года в Москве состоялось заседание инициативной группы левых деятелей международного профессионального движения. Присутствовали: Роберт Вильямс и Альфред Персель—от английских союзов, Д'Арагона, Бианки, Дугони и Коломбино — от профсоюзов Италии и, наконец, представители профсоюзов Советской России — Томский, Лозовский, Шмидт и Цыперович. Несмотря на довольно значительные расхождения во взглядах, собрание это пришло к общему заключению о необходимости создать новый центр революционного профдвижения, созвать международную конференцию революционных профессиональных союзов, выбрать комиссию для подготовки этой конференции и действовать в теснейшем контакте с Коминтерном.

В начале июля того же года в Москве состоялось другое, более многочисленное совещание представителей левых профессиональных организаций, посвященное тому же вопросу. Тут были представители профсоюзов Италии,

Болгарии, Юго-Славии, Франции, английских шонстюартов, германских унионов, организаций Индустриальных Работников Мира Америки и Австралии.

Значительная часть участников этого совещания принадлежала к числу представителей синдикалистских организаций. И на этот раз выяснились известные пункты расхождения между наиболее рьяными защитниками синдикалистских теорий и делегатами советских профсоюзов, стоявшими на чисто коммунистической точке зрения.

Эти расхождения отчасти относились к вопросу о диктатуре пролетариата, отчасти к вопросу о взаимоотношениях революционных профессиональных союзов с Коминтерном. Среди синдикалистов некоторые стояли на анархической точке зрения и с опаской относились к идее создания государственного организма, даже советского; другие считали нужным подчеркнуть, что органами диктатуры должны быть только профсоюзы, а не партия и не советы и т. п. Наконец, представители Итальянской Конфедерации Дугони, и отчасти Д'Арагона (о том, что они стояли на самом правом крыле итальянской социалистической партии, мы уже говорили) считали выдвигание идеи диктатуры пролетариата, как основной цели революционного профессионального движения, неудобным, так как значительная часть союзов состоит из беспартийных рабочих, не имеющих по этому поводу определенной точки зрения. Решительным сторонником диктатуры пролетариата, проводимой совместными действиями коммунистической партии и революционных профсоюзов, выступил представитель французских синдикалистов Росмер.

Уже в спорах о диктатуре пролетариата сказывалась, как мы видели, склонность некоторых синдикалистов противопоставлять революционные профсоюзы политическим партиям, в том числе и коммунистическим. Отсюда те же синдикалистские элементы делали вывод и о недопустимости непосредственного вхождения профсоюзов в Коммунистический Интернационал. Это говорило уже о некотором повороте во взглядах синдикалистов, так как в 1919 г. такие чисто синдикалистские организации, как Испанская Конфедерация Труда и Итальянский Союз Синдикалистов с

энтузиазмом принимали резолюции о вхождении в Коммунистический Интернационал.

В результате было принято решение о независимости революционного международного профсоюзного центра от Коминтерна, при сохранении, однако, тесного контакта с ним на почве революционной работы.

В итоге обоих совещаний в июле 1920 года за подписями Лозовского (ВЦСПС), Д'Арагона (Итальянская Конфедерация Труда), Пестанья (Испанская Конфедерация Труда), Росмер (революционное меньшинство Французской Всеобщей Конфедерации Труда), Шаблина (Всеобщее Об'единение профсоюзов Болгарии), Милкича (Югославянская Конфедерация Труда) и Микадзе (коммунистическое меньшинство профсоюзов Грузии) появилось воззвание об образовании временного Международного Совета Профессиональных Союзов.

В воззвании этом констатировалось, что Амстердамский Интернационал неспособен создать мощную организацию, которая привела бы пролетариат к победе социалистической революции, но в то же время осуждалась тактика ухода и раскола примыкавших к Амстердаму союзов.

В виду того, что нынешние руководители Амстердама любят указывать, что вся затея с созданием Профинтерна сводилась к расколу пролетарских сил в каждой стране, представляется очень важным отметить, что на самом деле точка зрения основателей Красного Интернационала Профсоюзов — и в особенности представителей ВЦСПС — была прямо обратная.

Временный Международный Совет включал в себя представителей некоторых международных организаций, которые никогда не входили в Амстердам; что же касается стран, где общепрофессиональные центры стояли на точке зрения Амстердамского Интернационала, то там революционным меньшинствам предлагалось только пропагандировать идеи Красного Интернационала, но ни в коем случае не раскалывать общепрофессиональных центров и не откалывать от них те союзы, которые стояли на революционной точке зрения.

Уже одна эта постановка вопроса показывает, как бе-

режно инициаторы создания Профинтерна относились к сохранению единства борющихся рядов пролетариата. Если же они считали возможным создать самостоятельный Красный Интернационал Профсоюзов (при чем допускалось только присоединение целостных общепрофессиональных сб'единений отдельных стран), то следует указать, что в некоторых странах (Советская Россия, Испания, Болгария, Югославия) эти общепрофессиональные центры никогда не входили в Амстердамский Интернационал, и со стороны последнего не принималось мер к вовлечению их в ряды Интернационала. Оставлять же эти революционные силы в распыленном состоянии профсоюзы Советской России, разумеется, не хотели.

Совершенно иначе отнеслись к вопросу о сохранении единства руководители Амстердамского Интернационала. В тех странах, где общепрофессиональные центры находились в руках их сторонников, они с самого начала стали на точку зрения недопустимости какой-либо пропаганды в пользу идей Красного Интернационала Профсоюзов. Они предпочитали расколоть профессиональное движение во всех странах, чем вести чисто идейную борьбу за свои принципы. Уже в 1920 году проявилась тенденция исключать из амстердамских профсоюзов всех сторонников Красного Интернационала Профсоюзов, хотя бы последние в области практической борьбы соблюдали все требования союзной дисциплины. Они не признавали за меньшинством права простой пропаганды своей точки зрения, что на практике означало раскол, так как именно массовый характер профессиональных организаций предполагает наличие в их рядах рабочих самых различных политических взглядов.

Первыми стали на путь репрессий против меньшинства руководители Французской Всеобщей Конфедерации Труда. Причина этой поспешности французских амстердамцев заключалась в том, что угроза мирного завоевания Конфедерации революционерами была там наиболее реальной. Хотя французские союзы сильно выросли в 1917—1920 годах и значительно централизовались, но у них все же не успел сложиться такой мощный бюрократический аппарат, как в германских союзах. Созданные оппозицией после

состоявшегося в сентябре 1920 г. Орлеанского конгресса Конфедерации Комитеты Революционных Синдикалистов повели организованную работу по всем союзам и скоро добились значительных успехов. Союз синдикатов департамента Сены (употребляя русские термины — столичный губпрофсовет) одним из первых оказался в руках оппозиции.

Это было в декабре 1920 года, а через две недели примеру парижских синдикатов последовали союзы Эльзас-Лотарингии. Это вызвало уже глухие угрозы со стороны реформистских руководителей Конфедерации по адресу «нарушителей мира и спокойствия» в конфедеральном болоте.

Для этих руководителей в Конфедерации все обстояло благополучно. Но рабочие иначе расценивали положение. Провал по вине конфедеральных вождей всеобщей забастовки в мае 1920 года повлек за собой массовое бегство из союзов. Если к маю 1920 года в Конфедерации было около двух с половиной миллионов членов, то уже ко времени Орлеанского конгресса (сентябрь 1921 г.), в Конфедерации осталось не более 600.000 человек. Возвращение профсоюзов на революционный путь было для Конфедерации вопросом существования, и руководители оппозиции выполняли лишь свой профсоюзный долг, борясь с охватившей рабочих апатией и зовя их к революционной борьбе.

В том же направлении действовали и общеэкономические условия. Промышленный кризис и связанная с ним безработица достигли во второй половине 1920 года невиданных после войны размеров. Буржуазия, ободренная майским поражением рабочих, решительно перешла в наступление. Соглашательские методы работы потеряли даже ту внешнюю видимость практических успехов, которую они еще имели в 1918—1919 годах.

Руководители же Конфедерации во всем винили оппозицию. Она-де подорвала силу Конфедерации внутренними спорами, хотя, как мы указывали, бегство рабочих из союзов и переход буржуазии в наступление ни в какой мере не могли быть об'ясняемы внутренней полемикой. Но Жуо, Мерргейм, Дюмулен и другие вожди Французской Конфедерации поспешили об'явить комитеты революционных синдикалистов «внутренним врагом», подлежащим удалению из Конфедерации. Уже в феврале 1921 г. Национальный Коми-

тет Конфедерации принимает резолюцию о праве департаментских об'единений и федераций исключать входящие в них отдельные союзы за агитацию против Амстердама.

Но резолюция эта не остановила работы меньшинства, и в апреле 1921 года союз строительных рабочих на своем с'езде в Дижоне большинством двух третей голосов принял резолюцию о необходимости бороться за вхождение в Красный Интернационал Профсоюзов. В мае месяце на с'езде федерации железнодорожников голоса разделились приблизительно пополам (оппозиция получила большинство 2 голосов) и реформисты откололись от нее и основали свою федерацию.

Раскол в федерации железнодорожников послужил началом общей раскольнической тактики реформистов. Они пришли к заключению, что если поворот общественного мнения французских рабочих пойдет и дальше тем же темпом, то через несколько месяцев огромное большинство не только рядовых членов Конфедерации, но и центральных органов профсоюзов и департаментских об'единений окажется в руках революционеров. Раскол представлялся им единственным средством сохранить за собой руководство Конфедерацией. Вдобавок и с расколом надо было спешить. Руководители Конфедерации учли партийный опыт. В конце 1920 года на конгрессе в Туре старая французская социалистическая партия большинством двух третей приняла резолюцию о присоединении к Коммунистическому Интернационалу. Реформисты откололись и сохранили «старую фирму», но не удержали за собой ни партийной кассы, ни газеты «Юманитэ», которая перешла в руки коммунистов.

Опасаясь подобной же судьбы, реформисты, стоявшие во главе Всеобщей Конфедерации Труда, на заседании ее Национального Комитета (соответствует нашему пленуму ВЦСПС), в мае 1921 года приняли резолюцию о необходимости очистить ряды Конфедерации от крамольников, причем окончательное решение предоставили с'езду. Но самый с'езд они постановили перенести с сентября на июль, так как опасались, что к сентябрю на стороне левых окажется безусловное большинство.

С'езд Конфедераци состоялся в июле месяце в Лилле через несколько дней после созыва учредительного кон-

гресса Красного Интернационала Профсоюзов. Мы вернемся к истории французского раскола в дальнейшем. Пока же отметим, что еще до того, как Профинтерн сложился в совершенно оформленную организацию, одна идейная пропаганда в пользу присоединения к нему послужила для амстердамцев основанием для тактики исключений и раскола

Менее резкие формы приняла борьба течений в других странах. Об'ясняется это тем, что часть профсоюзных центров там определенно стояла на революционной платформе и еще до появления Профинтерна отказывалась входить в Амстердамский Интернационал; в других же странах, наоборот, господство амстердамцев в общепрофессиональных об'единениях было настолько прочно, что они не считали нужным спешить с принятием репрессивных мер против оппозиции.

К числу первых принадлежали синдикалистские организации в Германии, Италии, Испании и латинской Америке, а также балканские профсоюзы, где амстердамское влияние было ничтожно. К числу вторых принадлежали центральные органы «свободных профсоюзов» в Германии и Австрии, генеральный совет трэд-юнионов в Англии. Что касается последнего, то необходимо указать, что там происходило медленное общее полевение рабочего движения, не принимавшее характера резкой внутренней борьбы. Так, в период 1918—1920 года там окрепла тенденция к «амальгамации» союзов, т.-е. к слиянию цеховых союзов в мощные производственные организмы. Создание «Тройственного Согласия» производственных союзов углекопов, железнодорожников и транспортников было кульминационным пунктом этого движения. Но и сопротивление профсоюзных вождей старой закваски было довольно сильно, и весь этот процесс развивался очень медленно.

Своеобразную позицию занимала Итальянская Конфедерация Труда. Как мы видели, она являлась вместе с ВЦСПС одним из инициаторов создания Красного Интернационала Профсоюзов. Но со второй половины 1920 г. она начинает менять позицию и выдвигает новую платформу: она борется за Профинтерн внутри Амстердама. Тактику, которую руководители красного профдвижения проводили внутри национальных организаций, чтобы не

вызвать раскола последних, вожди Итальянской Конфедерации распространяют и на отношение цельных национальных организмов к Интернационалу, хотя присоединение их к Амстердаму или Профинтерну и не вызывает никакого раскола.

Об'ясняется эта перемена внутренним сдвигом итальянских социалистов. Хотя партия примкнула к Коммунистическому Интернационалу еще в 1919 году, но внутри ее имелись и вполне реформистские элементы. Опорной базой последних была именно Итальянская Конфедерация Труда. Руководители последней фактически сорвали в сентябре 1920 года мощное движение итальянских металлистов, приведшее к захвату заводов. Партия настаивала на том, чтобы движение перевести в высшую фазу (захват заводов и аграрное движение за захват земель увенчать захватом государственной власти), но руководители Конфедерации заявили, что в таком случае они умывают руки и отказываются от участия в руководстве борьбой. Движение закончилось компромиссом — принятием государственного предложения о введении рабочего контроля на фабриках, но компромисс этот фактически равнялся поражению. Буржуазия, которая сама считала, что дни ее владычества в Италии сочтены, приободрилась и открыто перешла в наступление. Именно с этого момента начинается рост фашизма, приведший в следующем году к полному разгрому рабочих организаций Италии.

Наряду с ростом революционной оппозиции во всех странах, Амстердамский Интернационал потерпел в 1920 г. удар еще и с другой стороны. Американская Федерация Труда заявила о своем выходе из Амстердамского Интернационала, в виду его излишней революционности. Дело, однако, было не в «революционности» Амстердама, а в тесной зависимости Амстердамской Федерации Труда от правительства Соединенных Штатов. Господствовавшая тогда в Соединенных Штатах тенденция отхода от европейских дел (Америка не вошла в Лигу наций) толкнула и вождя Американской Федерации Труда, скончавшегося в 1924 г. Самуэля Гомперса, на уход из Амстердамского Интернационала. Гомперс опасался, что принадлежность Американской Федерации Труда к Амстердамскому Интернацио-

налу может привести федерацию к каким-нибудь политическим выступлениям, несогласным с общей политикой правительства Соединенных Штатов.

Так обстояло дело в профессиональных организациях в главнейших странах к лету 1921 года, когда собрался первый конгресс Красного Интернационала Профсоюзов.

Создание Красного Интернационала Профсоюзов.

После года подготовительной работы 3 июля 1921 года собрался первый конгресс Красного Интернационала Профсоюзов. 380 делегатов из 41 страны приняли участие в этом конгрессе. Это был успех, который превзошел самые оптимистические ожидания работников Временного Международного Совета, который был организатором этого конгресса. Участники конгресса представляли собою разношерстную массу, в которой самым причудливым образом переплетались самые разнообразные расы, народности, отрасли труда, исторические традиции. Все то, чем живет современное рабочее движение, нашло там свое отражение.

Но во всем этом многообразии было нечто единое, связывавшее между собою всех участников конгресса. Это — стремление направить рабочее движение на революционный путь, освободить его от гнета соглашательства с буржуазией, найти формы и методы самостоятельной классовой борьбы пролетариата.

Конгресс, которому впервые приходилось вырабатывать программу и тактику революционного профдвижения, проделал в этом отношении огромную работу, приняв почти единогласно резолюции по всем существенным вопросам рабочего движения. Наиболее оживленные споры завязались вокруг вопросов об отношении к амстердамским союзам и о взаимоотношениях между Профинтерном и Коминтерном.

Все делегаты сходились на том, что старые союзы необходимо реорганизовать по производственному принципу, и огромное большинство стояло за то, что их надо завоевать изнутри, а не разрушать. Только некоторые германские унионы да представители американского союза Индустриальных Работников Мира стояли за уход из старых

союзов. Представители этого течения указывали на то, что лидеры старых союзов погрязли в соглашательстве с буржуазией по уши, что в рабочем движении они играют чисто реакционную роль, и никакое сотрудничество с ними невозможно.

Против такого решения вопроса решительно выступили делегаты профсоюзов советских республик, которые указали, что нельзя заставить рабочих страдать за грехи своих руководителей. А от раскола пострадают именно рабочие массы, так как раскол ослабит возможность их сопротивления натиску капитала. Как бы реакционно ни были настроены руководители некоторых амстердамских союзов, но методическая пропаганда революционной оппозиции должна вырвать массы из-под влияния реакционных руководителей. Пример революционного меньшинства во Франции показал, что завоевание союзов для идей революционной борьбы возможно, а раз так, то именно на это завоевание должна быть направлена вся энергия сторонников Красного Интернационала в реформистских союзах.

В результате прений резолюция против раскола старых союзов и за постепенное завоевание их изнутри была принята огромным большинством. С такой же энергией, с какой конгресс требовал от общенациональных центров определенно решить вопрос, с кем они: с Амстердамом или с Профинтерном (в этом именно смысле был поставлен вопрос Итальянской Конфедерации, позицию которой мы охарактеризовали в прошлой главе), с такой же энергией конгресс требовал от отдельных союзов или частей союзов, чтобы они не порывали связи со своими профессиональными центрами, как бы ни была ненавистна им амстердамская позиция последних. Все требования союзной дисциплины в рамках национальных общепрофессиональных центров конгресс считал обязательными для красных союзов, хотя бы они входили в реформистские общепрофессиональные центры.

По вопросу о взаимоотношениях нового революционного интернационала профсоюзов с Коммунистическим Интернационалом, после пятидневных дебатов была принята резолюция, которая устанавливала принцип тесной органической связи Красного Интернационала Профсоюзов с

Коминтерном и взаимное представительство руководящих органов обоих интернационалов. Против этой резолюции голосовала часть французской делегации, которая хотя и считала нужным установление связи с Коминтерном, но высказывалась против того, чтобы эта связь имела определенное организационное выражение, в частности против взаимного представительства исполкома Коминтерна в испол-бюро Профинтерна и наоборот. Как ни страстны были подчас дебаты на конгрессе, но закончился он взрывом революционного энтузиазма, одушевлявшего всех его участников. Делегаты раз'ехались по своим странам с твердым намерением бороться за то, чтобы на следующий конгресс они могли явиться уже во всеоружии мандатов от официальных руководящих органов профдвижения. Активная революционная борьба должна была снискать им симпатии большинства профессионально организованных рабочих и стать путем к упрочению влияния Профинтерна на местах.

Работа, однако, оказалась очень трудной. Приходилось организовывать отпор наступлению капитала в условиях кризиса и безработицы, приходилось преодолевать сопротивление Амстердамского Интернационала, приходилось, наконец, изживать анархо-синдикалистскую оппозицию внутри самого Профинтерна. Молодая организация, однако, с честью вышла из всех этих испытаний.

Наступление капитала в 1921 году достигло своего апогея. Оно шло и по линии снижения заработной платы, и по линии уничтожения всех правовых завоеваний рабочего класса, достигнутых в послевоенное время, особенно восьмичасового рабочего дня. По существу же капиталисты метили еще дальше и стремились к тому, чтобы совершенно сломить силу профессиональных организаций. Наиболее крайними проявлениями этого наступления капитала была проводимая американскими капиталистами система «опен шоп» и появление фашизма в Италии.

Система «опен шоп» (по-русски это можно перевести словами «открытая мастерская») заключается в том, что предприниматель не только считает допустимым прием на фабрику рабочих нечленов союза и без разрешения союза (что противоречило практике, установившейся на многих промышленных предприятиях в Америке), но и требует от

рабочих подписку в том, что предприниматель будет иметь дело с каждым из них в отдельности, а не с союзом, как с представителем рабочей массы. Можете, если хотите, платить взносы в союз, но разговаривать с представителями союза я не буду, вот, что заявлял предприниматель и требовал соответствующей подписки от своих рабочих. Практически это означало полное уничтожение профсоюзов, как органов защиты рабочего класса.

О значении фашизма говорить не приходится. С конца 1921 года фашизм в Италии начал открытую войну против рабочих организаций. Разрушались профсоюзные клубы, сжигались кооперативы, громились коммунистические типографии. Карательные экспедиции фашистов полностью уничтожали союзные организации, особенно в деревнях. Федерация работников земли, насчитывавшая в начале 1920 года 900.000 членов, фактически перестала существовать. В больших городах рабочие иногда с оружием в руках отстаивали свои организации, но нормально работать эти организации не могли.

И такие же тенденции давали себя чувствовать и в других странах. Сложились фашистские организации в Германии, отчасти в Бельгии и Чехо-Словакии. Белый террор правительства свирепствовал в Испании и загнал в подполье могущественную Испанскую Конференцию Труда.

Как реагировал на наступление капитала Амстердамский Интернационал? Подчеркиванием своей лойяльности по отношению к буржуазным правительствам и словесными протестами. Так, Римский конгресс Амстердамского Интернационала в апреле 1922 года принял резолюцию о международной реакции, в которой говорится следующее: «...что касается немедленных действий для защиты интересов и социальных прав рабочих, конгресс предлагает национальным профессиональным центрам регулярно информировать Международную Федерацию Профсоюзов о положении в соответствующих странах. Международная Федерация Профсоюзов должна тогда принять все необходимые меры для моральной и материальной поддержки стран, наиболее пострадавших от натиска реакции».

Само собой разумеется, что такая резолюция является простой отпиской, так как никаких конкретных мер борьбы

с реакцией в ней не указано. Уже одно это обстоятельство указывало, что Римский конгресс, на котором были представлены не только 19 стран, но и 21 международное производственное об'единение, чувствовал свое внутреннее бессилие. В отдельных странах реформистские союзы, входившие в состав Амстердамского Интернационала, также оказывали лишь слабое сопротивление атакам буржуазии. Это об'ясняется, отчасти, конечно, невыгодным для рабочих соотношением сил в годы промышленного кризиса, но только отчасти. Ибо одной из причин слабости рабочих союзов было именно то обстоятельство, что все послевоенные годы реформистские союзы и об'единявший их Амстердамский Интернационал занимались угашением революционного духа рабочих, что сделало их совершенно беспомощными в тяжелую годину наступления капитала.

Иначе подошел к вопросу Красный Интернационал Профсоюзов. Уже в сентябре 1921 года он выдвинул целую программу мер практической борьбы. В эту программу входили следующие меры: 1) организация фабзавкомов, 2) вовлечение в стачки протеста рабочих, занятых в общественно полезных предприятиях, 3) борьба за рабочий контроль, 4) захват фабрик в случае локаутов и 5) и — это самое главное — создание единого фронта всех рабочих организаций.

Борьба за единый фронт стояла в центре внимания состоявшейся в феврале 1922 года сессии Центрального Совета Профинтерна. Но прежде, чем мы подробно остановимся на характере этой борьбы, мы должны вкратце охарактеризовать положение профессионального движения в главнейших странах в 1921 — 1922 годах, потому что вся деятельность Профинтерна была теснейшим образом связана с внутренним состоянием профессиональных организаций на Западе.

Мы начнем с Франции, так как там, как мы уже видели, создалась угроза раскола еще до первого с'езда Профинтерна. 16 июля 1921 года, еще до окончания работ конгресса Профинтерна, открылся Лилльский конгресс Всеобщей Конфедерации Труда Франции.

Руководители Конфедерации рассчитывали на этом с'езде использовать свое, с каждым днем падавшее, боль-

шинство, чтобы получить от с'езда мандат на расправу с меньшинством. Но большинство амстердамцев на этом конгрессе оказалось очень слабое: резолюции их собрали приблизительно 1.500 голосов против 1.350 голосов, поданных за оппозицию, группировавшуюся вокруг Центрального Комитета Революционных Синдикалистов. Вдобавок, и значительная часть делегатов, голосовавших с большинством, была определенно настроена против раскола, и Жуо с братией не удалось получить прямого мандата на исключение оппозиции. Была принята лишь туманная резолюция о необходимости соблюдать профсоюзную дисциплину.

С другой стороны, сами революционные синдикалисты были несколько ослаблены несогласием своим с резолюцией Профинтерна о взаимоотношениях последнего с Коминтерном. Это ловко использовал один из вождей Конфедерации, Дюмулен, который сказал, обращаясь к оппозиции: «если бы вы предлагали нам выйти из Амстердама, чтобы войти в Профинтерн, то это положение имело бы смысл; но вы сами опасаетесь войти в Профинтерн, так зачем же звать к уходу из Амстердама. Не может же французское профдвижение быть вне Интернационала».

В первый момент после Лилльского конгресса можно было считать вопрос о расколе похороненным. Но это значило бы не знать природы французских реформистов. Дав несколько улечься впечатлению от «мирной» позиции конгресса, они в сентябре месяце на заседании Национального Комитета Конфедерации вернулись к своей раскольнической позиции. Резолюцию конгресса о союзной дисциплине они стали толковать в смысле всякого запрещения работы оппозиции. В конце-концов, они вынесли резолюцию, в которой от оппозиции требовался отказ от созданной ими организации комитетов революционных синдикалистов. Сколько ни указывала оппозиция, что комитеты эти не претендуют на роль официальных руководящих органов союзов и являются лишь об'единением одного из союзных течений, сторонники Амстердама были неумолимы в своем требовании самоубийства оппозиции.

Эта особенность французских амстердамцев является в то же время сущностью общеамстердамского подхода к единству. Откажитесь от всяких попыток самостоятельного

участия в профессиональном движении, перестаньте существовать как определенное течение—хотя бы чисто идейное— и тогда мы согласимся разрешить вам вносить взносы в единую организацию. Вот что называют лидеры Амстердама своей защитой единства.

Само собой разумеется, что выставление подобных требований — особенно в период обостренной фракционной борьбы — означает прямую провокацию раскола. Но на это и шли Жуо, Дюмулен, Бидегарэ и другие вожди французского профдвижения. Большинством двух голосов на сессии Национального Ком. Конфедерации в сентябре 1921 г., т.-е. не имея даже морального авторитета подавляющего большинства — они потребовали от другой половины Конфедерации, чтобы та перешла на положение колонии, управляемой амстердамскими комиссарами и лишенной права выражать свое политическое мнение.

Оппозиция, понимая, что резолюция Национального Комитета есть прямая провокация раскола со стороны умирающего «большинства», всячески старалась на эту провокацию не поддаваться. Правда, небольшая часть оппозиции, анархисты, приветствовала раскол, как таковой, но большая часть революционных синдикалистов, находившаяся под известным влиянием Профинтерна, избегала даже намека на раскол. Но как говорят французы, «для единства необходимы две стороны», т.-е. единства не добьешься и его не сохранишь, если одна из сторон упорно этого единства не желает.

Неопределенное положение тянулось еще три месяца, но в конце-концов, в декабре 1921 года, оппозиция вынуждена была взять на себя инициативу созыва общеконфедерального конгресса, который должен был окончательно решить вопрос. Верхи Конфедерации, учитывая то обстоятельство, что большинство его очень спорно, от созыва конгресса отказались и об'явили, что все организации, которые примут участие в самовольном конгрессе, будут исключены из Конфедерации.

Профинтерн принял все меры, чтобы помешать расколу французского профдвижения. От имени последнего Лозовский отправил в последний момент Амстердамскому Интернационалу следующее радио:

Всеобщая Конфедерация Труда Франции накануне раскола. Это означает, по существу, раскол всех союзов, что может нанести непоправимый ущерб рабочему классу Франции, ослабив его сопротивляемость бешеному натиску реакционной буржуазии.

Считая, что раскол во Франции может принести только пользу буржуазии, Исполнительное Бюро Красного Интернационала Профсоюзов предлагает созвать специальную конференцию в составе представителей Амстердамского Интернационала, большинства и меньшинства французской Всеобщей Конфедерации Труда, и Красного Интернационала Профсоюзов для предотвращения раскола французского профдвижения. Сообщите срочно, путем радио, время и место этого совещания».

В ответ на это радио секретарь Амстердама Удегест заявил, что: «то, что происходит во Франции, есть прямое следствие действий Исполкома Коминтерна» и предложил Лозовскому добиться отсрочки созываемого французским меньшинством конгресса. Под этим условием Удегест соглашался предложить Бюро Амстердама устроить конференцию с делегатами Профинтерна (но не французского профсоюзного меньшинства).

Ответная телеграмма Удегеста в Москве получена не была, и Исполнительное Бюро Профинтерна узнало о решении Амстердама лишь в январе месяце, после того как созываемый оппозицией конгресс единства уже состоялся. Да если бы Профинтерн и получил эту телеграмму своевременно, то трудно было бы остановить выступление французской профсоюзной оппозиции, так как с Профинтерном в этот момент она была связана только идейно, а не организационно.

Конгресс единства состоялся в Париже в конце декабря. Несмотря на запрещение конфедеральных верхов, в конгрессе приняло участие более 1.600 синдикатов, т.-е. абсолютное большинство синдикатов, представленных на Лилльском конгрессе в июле того же года. Участники конгресса сделали последнюю попытку обратиться к бюро Конфедерации с предложением примирения и даже выразили готовность распустить комитеты революционных синдикалистов, но конфедеральное бюро, которое только и ждало раскола,

осталось глухо и немо ко всем обращениям конгресса единства.

В результате конгресса во Франции образовалась Унитарная Всеобщая Конфедерация Труда. Раскол завершился. Правда, руководители Унитарной Конфедерации все же хотели оставить открытым мост для восстановления единой конфедерации, и заявили, что их организация носит лишь временный характер, и что если бюро старой конфедерации в течение полугода примет постановление о созыве об'единительного конгресса, то они ликвидируют свою самостоятельную организацию и подчинятся всем постановлениям будущего конгресса. Но и это предложение амстердамскими руководителями Французской Конфедерации было оставлено без ответа. Раскол стал совершившимся фактом.

Это оформление раскола имело тем более вредное влияние, что оно повело и к появлению параллельных организаций на местах. До сих пор к тому или иному течению обычно примыкали местные организации целиком, и оба течения имели географически раздельные сферы влияния. После же оформления раскола оба течения начали лихорадочно создавать свои союзы в тех местах, где они прежде были слабы. Это означало раскол по всей линии.

Подводя итоги расколу французского профдвижения, приходится сказать, что он был преднамеренно провоцирован реформистскими руководителями Конфедерации, при чем Амстердам не сделал ни одной попытки остановить раскольническую работу Жуо с братией. Профинтерн, наоборот, не только непосредственно удерживал находившихся под его влиянием работников меньшинства от опрометчивых шагов, но и — пренебрегая вопросами престижа — старался воздействовать и на Амстердам, чтобы он со своей стороны удержал от раскола своих сторонников во Франции.

Другая страна, где дело дошло до раскола, была Чехо-Словакия. Надо сказать, что вполне единым профессиональное движение в Чехо-Словакии не было никогда. Оно дробилось как по национальному признаку, так и по политическому. Наиболее крупным из всех об'единений было Чехо-Словацкое Об'единение Профсоюзов, насчитывавшее к началу 1921 года 822.000 членов. Но уже к концу того же

тсда число членов этого об'единения упало до 624.000 человек. Уход членов об'ясняется неудачным руководством лидеров этого об'единения и недовольством рабочих масс. Целый ряд союзов перешел в руки оппозиции и высказался за присоединение к Красному Интернационалу Профсоюзов: союз сельско-хозяйственных рабочих, союзы строительных рабочих, кожевников, химиков, деревообделочников, торговых служащих и др. Во многих союзах оппозиция имела явный перевес, хотя еще не успела завоевать руководства организацией.

Реформисты немедленно стали на путь раскола и стали организовывать параллельные союзы, хотя завоеванные оппозицией союзы продолжали оставаться в рядах Чехо-Словацкого Об'единения Профсоюзов. Разумеется, это вызвало соответствующую реакцию и в революционных союзах, среди которых стало развиваться течение за разрыв с старыми союзами. Это течение нанесло вред самому революционному движению. Так, на чрезвычайном с'езде чехо-словацких профсоюзов в январе 1922 г. оппозиция могла бы одержать победу, если бы союз сельско-хозяйственных рабочих не отказался принять участие в конгрессе, что лишило оппозицию главнейшей опоры (союз сельско-хозяйственных рабочих по числу членов составлял около трети всего Чехо-Словацкого Об'единения Профсоюзов).

Неучастие союза сельско-хозяйственных рабочих дало победу в руки амстердамцев. Последние воспользовались этой победой, чтобы провести резолюцию о репрессивных мерах против оппозиции и толкнуть их на раскол. Это обстоятельство заставило Исполнительное Бюро Профинтерна вмешаться и призвать своих сторонников в Чехо-Словакии к воздержанию от каких-либо шагов, могущих повести к расколу профдвижения. Созванная по инициативе Профинтерна профсоюзная конференция меньшинства (в июне 1922 г.) постановила повести широким фронтом борьбу против раскольничекой тактики амстердамцев. Решено было во всех профсоюзах Чехо-Словакии (независимо от национальности и политического направления членов данного союза) вести агитацию за воссоединение всего чехо-словацкого профессионального движения в единую могучую организацию.

Для борьбы же с исключениями (Чехо-Словацкое Об'единение Профсоюзов успело уже к этому времени исключить из своих рядов оппозиционный союз деревообделочников) конференция постановила, что исключенные ни в коем случае не должны мириться с фактом своего исключения, а, наоборот, всеми силами добиваться обратного приема и продолжать платить членские взносы.

Протест конференции против исключения союза деревообделочников был подписан целым рядов союзов, с общим числом членов 300.000 человек. Но в ответ на этот протест Генеральная Комиссия чехо-словацких профсоюзов только усилила репрессии и исключила из об'единения оппозиционный союз химиков.

Стало очевидно, что Генеральная Комиссия твердо решила устранить все оппозиционные организации, что практически означало раскол, так как подлежащие исключению союзы составляли около половины всего Чехо-Словацкого Об'единения Профсоюзов. Сохранение единства стало невозможным. Исключенные образовали «Союз исключенных», а оппозиция в целом потребовала созыва в октябре 1922 г. чрезвычайного конгресса профсоюзов. Генеральная Комиссия в созыве конгресса отказала, и созванный оппозицией конгресс повел к образованию самостоятельной организации, принявшей название Межнационального Об'единенного Союза и вступившей в состав Красного Интернационала Профсоюзов.

В других странах дело обошлось без раскола. Но повсюду этот печальный исход был избегнут только вопреки желаниям верхов национальных профессиональных центров. Как ни тяжело было положение рабочего движения в этот период, когда наступление капитала шло бешеным темпом во всех странах, руководители профдвижения всю свою энергию направляли не на борьбу с капиталом, а на травлю коммунистов.

В Германии коммунистам и революционным элементам профдвижения вообще удалось завоевать целый ряд отдельных союзных организаций, создав себе опорную базу в движении фабзавкомов. Но именно эти успехи оппозиции и вызвали стремление верхов исключать «крамольников» из союзов. Только тщательным соблюдением даже мелоч-

ных требований союзной дисциплины оппозиция сумела избежать применения этой угрозы в массовом масштабе. Но отдельные исключения были довольно часты. Тем не менее, оппозиция не только не призывала к образованию отдельных союзов, но настаивала на том, чтобы исключенные всю свою энергию направили на обратный прием в союзы.

Из организаций, не входивших в Общегерманское Объединение Профсоюзов, в состав Профинтерна входили Союз Моряков и Унион Работников Физического и Умственного Труда. Обе эти организации вели самую упорную борьбу с капиталом, стараясь в то же время установить контакт в боевой работе с реформистскими союзами. Эта тактика «единого фронта» проводилась почти всегда вопреки воле вождей реформистских союзов и лишь под давлением рабочих масс.

В Италии период 1921—1922 года ознаменовался почти полным разрушением рабочих организаций фашистскими бандами. Профессиональной борьбы в узком значении этого слова почти не было. Профсоюзы только отстаивали свое право на существование, иногда с оружием в руках. Число членов Конфедерации упало с 2 миллионов до 500.000, да и то эта цифра может быть принята лишь с большими оговорками. Конец 1922 года ознаменовался захватом государственной власти фашистами, вождь которых Бенито Муссолини стал министром-президентом и фактическим диктатором Италии.

Период белого террора настал и в Испании. Испанская Конфедерация была загнана в подполье. Вожди же Конфедерации, анархо-синдикалисты, не придумали в этих обстоятельствах ничего иного, как провести откол Конфедерации от Профинтерна. Решение это было проведено без спроса членов организации и представляло собой в сущности самовольный акт анархо-синдикалистских лидеров. Но сторонники Профинтерна были в Испании все же довольно многочисленны и активны. Работа их была направлена не только на возвращение революционных союзов Испании в лоно Профинтерна, но и на выпрямление пути испанского профдвижения. Дело в том, что лидеры анархо-синдикализма вместо упорной борьбы за открытое существо-

вание союзов, довольствовались тактикой индивидуального террора, проводимого консперативными террористическими группами. Само собой разумеется, что эта тактика являлась полным отрицанием принципа массовой пролетарской борьбы. Борьба за революционизирование союзов, как массовых организаций, и составляла главное содержание деятельности сторонников Профинтерна в Испании, которые организовались в Комитеты Революционных Синдикалистов, ведших революционную пропаганду как в Конфедерации, так и во Всеобщем Союзе Испанских Рабочих (организация, примыкающая к Амстердамскому Интернационалу).

В Англии рабочее движение за описываемый период также потерпело ряд поражений. Наиболее серьезным из них был провал забастовки углекопов весной 1921 года. Одной из главных причин неудачи явился отказ лидеров Тройственного Согласия (об'единявшего союзы железнодорожников, транспортников и горнорабочих) поддержать борющихся углекопов. День, когда лидеры Тройственного Согласия приняли это предательское решение, до сих пор зовется у английских рабочих Черной Пятницей. Наибольшая ответственность за это поражение ложится на вождя железнодорожников Томаса, который в то же время состоял председателем Амстердамского Интернационала.

За этим поражением последовал ряд других. Во многих случаях рабочие сдавали свои позиции без боя. Безработица достигла невероятных размеров. Около 4 миллионов рабочих оставалось без работы. Эта огромная армия безработных, конечно, оказывала на рынок труда давление в смысле понижения заработной платы. Профсоюзы с трудом справлялись своими функциями оказания помощи безработным и стачечникам. Рабочие стали разочаровываться в союзах вообще, сваливая на профдвижение, как таковое, неспособность его руководителей. Но, разумеется, у части рабочих это наступление капитала вызвало рост революционного настроения. Оппозиция стала складываться в ряде союзов. Увеличились и симпатии к Профинтерну, но децентрализация оппозиции не давала ей возможности широко развить эту работу.

Тем не менее, деятельность оппозиции давала реальные результаты. Сдвиг влево, наметившийся в английском рабо-

чем движении еще с последних лет войны, заметно усилился. Не только рядовые рабочие, но и многие видные работники профдвижения стали отдавать себе отчет, что не путем соглашений, а лишь упорной классовой борьбой профессиональные организации могут отстоять достигнутый материальный и моральный уровень жизни и итти дальше вплоть до того момента, когда все средства производства перейдут в руки рабочих и отпадет необходимость бороться с эксплоатацией капитала. Наиболее глубокие корни новое левое течение пустило среди федерации горнорабочих в ее местных отделах.

В общем и целом, период времени между первым и вторым конгрессом Профинтерна ознаменовался усиленным нападением капитала на рабочий класс. Реформистские вожди союзов, об'единенных вокруг Амстердама, не оказали этому наступлению должного отпора. Эта бездеятельность амстердамских союзов в связи с необычайным ростом безработицы вызвала широкое недовольство рабочих масс профсоюзами во всех почти странах. Это недовольство выразилось отчасти в пассивном бегстве из союзов, отчасти в усилении революционной оппозиции в союзах. Вожди союзов в этих трудных обстоятельствах все внимание свое устремили не на устранение основной причины недовольства масс (соглашательский курс вождей), а на устранение оппозиции путем исключения и провоцирования расколов. Благодаря выдержке Профинтерна и его сторонников, всеми силами боровшихся против раскола союзов на местах, амстердамцам удалось осуществить раскол только в двух странах: во Франции и в Чехо-Словакии.

Начало планомерной борьбы за единство.

Состоявшийся в ноябре 1922 года второй конгресс Красного Интернационала Профинтерна завершил процесс его внутренней консолидации. Из пропагандистского, по преимуществу, центра Профинтерн стал международной силой, могущей политически и организационно воздействовать на довольно широкие слои мирового пролетариата. В тех странах, где левые элементы профдвижения находились в меньшинстве, они сложились в вполне организован-

ные фракции с своим национальным центром, которые не выходя из рамок общесоюзной дисциплины могли все же идейно воздействовать на все движение в целом. Во всех почти производствах создались примыкающие к Профинтерну Международные Комитеты Пропаганды, которые работали над революционизированием рабочих своего производства во всех странах, а внутри производственных интернационалов отстаивали включение русских союзов и других революционных союзов.

На втором же конгрессе Профинтерна состоялось окончательное присоединение к нему Унитарной Конфедерации Труда Франции. В предыдущей главе мы изложили уже, как произошел раскол, в результате которого сложилась Унитарная Конфедерация. Но молодая красная организация пережила вначале довольно большой внутренний кризис. Руководство попало в первый момент в руки анархо-синдикалистов, которые желали превратить Унитарную Конфедерацию из широкого массового об'единения рабочих в сектантский союз единомышленников.

Все их усилия были направлены на то, чтобы ввести в программу Унитарной Конфедерации пункт об отрицании всякого государства, в том числе и государства советского, осуществляющего диктатуру пролетариата. В области организационной они высказывались против централизации, за разделение власти общеконфедерального центра и центральных органов отдельных союзов между областными местными об'единениями. Это, конечно, означало бы огромный шаг назад в истории рабочего движения. Революционные синдикалисты, находившиеся под влиянием Профинтерна, повели против этого анархического сектантства решительную борьбу и на состоявшемся в июле 1922 года Сент-Этьенском конгрессе Унитарной Конфедерации одержали полную победу. Тремя четвертями голосов конгресс отверг домогательства анархистов, передал руководство Конфедерацией в руки сторонников Профинтерна и высказался в принципе за присоединение к Профинтерну при условии изменения в его уставе пунктов относительно связи между Профинтерном и Коминтерном.

Второй контресс Профинтерна пошел в этом отношении навстречу Унитарной Конфедерации и внес соответ-

ствующие изменения в свой устав. В результате этого счастливого решения, делегаты Унитарной Конфедерации и Итальянского Союза Синдикалистов немедленно заявили о безоговорочном присоединении представляемых ими организаций к Красному Интернационалу Профсоюзов.

Присоединение Унитарной Конфедерации явилось крупным успехом для Профинтерна. Унитарная Конфедерация стала движущей силой французского профдвижения. Число членов ее неизменно увеличивалось. В самый момент раскола в Унитарную Конфедерацию вошло около 350.000 человек, в старой реформистской конфедерации осталось около 250.000, вне обоих конфедераций осталось некоторое количество автономных союзов (наиболее значительным из них явилась федерация чиновников) с общим количеством членов в 150.000 человек. Присоединение к Профинтерну и устранение анархистов от руководства движением дало импульс к усилению боевой активности Унитарной Конфедерации, которая выросла не только в отношении числа членов (дошедшего к 1924 г. до 450.000 человек), но и по своему моральному авторитету во французском пролетариате.

Конец 1922 г., когда состоялся второй конгресс Профинтерна, явился в то же время переломным моментом в истории мирового рабочего движения. Промышленный кризис, свирепствовавший в 1920—1921 годах, в 1922 г. пошел на убыль, в связи с чем несколько ослабел нажим капитала в области оплаты труда. Зато значительно усилился натиск на правовые условия труда и профсоюзной деятельности. Оживление промышленности повело и к возрождению империалистических замыслов буржуазии. Окрепшая промышленность искала рынок сбыта своих продуктов и пыталась захватить источники сырья. Вместе с возрождением империализма усилилась и чисто политическая реакция. Фашистская идеология стала необычайно популярна среди правящих кругов буржуазии.

В начале января 1923 года французские войска оккупировали Рурскую область. В воздухе пахло новыми войнами. Борьба с опасностью войны и против мировой реакции стала главным лозунгом рабочего движения. Красные союзы всех стран удвоили свою антимилитаристическую

агитацию. Амстердамский Интернационал отделывался фразами. Накануне занятия Рура в Эссене состоялось совещание революционных организаций Германии и Франции. Помимо коммунистических партий Германии и Франции, там были представители Унитарной Конфедерации Труда Франции и примыкающих к Профинтерну профессиональных организаций Германии. По возвращении во Францию лидеры Унитарной Конфедерации были арестованы по обвинению в государственной измене. Впрочем, через несколько месяцев правительству Пуанкарэ пришлось их выпустить за недостаточностью обвинительного материала.

Унитарная Конфедерация сразу приобрела во французском пролетариате престиж подлинного боевого вождя против реакции. Ее роль в этом отношении была подчеркнута еще тем обстоятельством, что она нисколько не собиралась сделать борьбу против мирового фашизма и против опасностей войны своей монополией, а, наоборот, звала реформистские союзы и социалистическую партию составить с нею и компартией единый пролетарский блок. Но вожди социалистов и реформистских союзов неизменно отклоняли все эти предложения, и на все предложения Унитарной Конфедерации отвечали неизменно, что не желают иметь с ней никакого дела. Отчасти реформистов толкали к этому фракционные соображения (желание подчеркнуть, что только их конфедерация является законной представительницей французского пролетариата), отчасти же в этом играло роль их нежелание круто выступать против политики Пуанкарэ. На империалистические выступления Пуанкарэ они предпочитали аппелировать к Лиге наций, прекрасно понимая, что Лига наций является орудием Антанты.

Если Унитарная Конфедерация Труда и профинтернские организации вообще борьбу против империализма считали нужным вести, главным образом, в странах, представлявших очаг империализма (в эпоху оккупации Рура — во Франции и Бельгии) и орудием борьбы выдвигали международную солидарность рабочих и установление единого фронта между всеми пролетарскими организациями, то Амстердамский Интернационал и примыкающие к нему союзы, наоборот, перемещали центр тяжести в иную сторону.

Так, немедленно после оккупации Рура, 15 января 1923 г. Исполбюро Профинтерна предложило Амстердаму «немедленно начать переговоры о совместных действиях для предотвращения новой войны». Амстердамский Интернационал не откликнулся на это предложение и принял следующую резолюцию: «немедленно снестись со всеми примыкающими к нему национальными центрами для того, чтобы обсудить возможность решительного выступления и принять подготовительные меры для предполагаемых действий. Одновременно с этим бюро Амстердамского Интернационала предостерегает рабочих от всякой идущей с другой стороны попытки предпринять необдуманные и неподготовленные выступления. В особенности же он настоятельно призывает германских рабочих не давать себя использовать для националистических «шовинистических выходок».

Резолюция эта для Амстердама очень характерна. Сперва словесная угроза «решительных действий», затем предостережение против «необдуманных выступлений», наконец, перенесение внимания на Германию, тогда как протест против оккупации Рура должен был бы исходить в первую голову от французских и бельгийских рабочих. Но реформистские союзы в этих государствах молчали.

Более того, они срывали выступления унитарных союзов. Так 6—8 февраля вспыхнула забастовка горняков сперва Эльзас-Лотарингии, а затем всей Франции. Забастовка была об'явлена Унитрной Федерацией Горнорабочих и имела целью использовать в интересах французских рабочих благоприятную экономическую ситуацию, создавшуюся в связи с фактическим прекращением добычи угля в Рурской области. Реформисты, запуганные воем буржуазии, что забастовка эта является при данных обстоятельствах «явно не патриотическим делом», поспешили сорвать общефранцузскую забастовку путем гнилого компромисса.

Бездеятельность амстердамских организаций была одинакова как в политической, так и в экономической области. Реформистские союзы не давали рабочим использовать возможностей, открывшихся для них, в связи с оживлением промышленности в некоторых странах. В других странах, как, например, в Германии, где финансовое положение приняло совершенно угрожающий оборот, и рабочие получали

за свой труд совершенно обесценившиеся бумажные марки, реформисты прилагали все усилия к угашению революционного возбуждения пролетариата.

Не встречая отклика со стороны амстердамских организаций в деле организации отпора поднявшей голову мировой реакции, Профинтерн вместе с Коминтерном образовали Международный Комитет Действия и созвали весной 1923 года международную конференцию во Франкфурте для борьбы с опасностью войны и мировым фашизмом. Социалистические партии и примыкающие к Амстердаму союзы также были приглашены на эту конференцию, но лишь отдельные с.-д. организации Германии приняли в ней участие. Зато коммунистические организации и красные союзы были широко представлены и приняли ряд практических решений по проведению боевого сопротивления захватническим актам империалистов. Франкфуртская конференция отправила также специальную делегацию к Амстердамскому Интернационалу на предмет привлечения его к совместной борьбе с реакцией. Но представители Амстердама ограничились указанием на недопустимость для них вести переговоры с организациями, не признающими принципов Амстердама.

Пассивность Амстердама в деле защиты рабочего класса от натиска капитала и в организации борьбы против империализма, его упорный отказ от создания единого фронта с революционными организациями, — все это вызвало сильное недовольство в рядах стоящих под его знаменем рабочих. Недовольство это было настолько значительно, что даже в верхах Амстердама стал намечаться сдвиг в сторону более левой политики и об'единения с красными союзами, организованными внутри Красного Интернационала Профсоюзов.

Глашатаем этого зарождавшегося «левого крыла» стал один из секретарей Амстердама, Эддо Фиммен. Вскоре после оккупации Рура он выступил в Гамбурге с речью, в которой самым пессимистическим образом обрисовал состояние международного рабочего движения. «Во Франции, стране, которая одержала самую блестящую победу, пролетариат бессилен более, чем когда-либо... Всеобщая Конфедерация Труда в беспомощном состоянии... В Англии

более двух миллионов рабочих обречены на все ужасы безрабтицы... Германский пролетариат страдает от голода и живет в нищете, которой он не знал никогда раньше... И такое же положение создается в политической области»...

В апреле месяце в Лондоне состоялась конференция из представителей ВЦСПС и Генерального Совета трэд-юнионов. После серьезного делового обсуждения вопроса о единстве конференция выпустила общую декларацию, в которой была одна оценка создавшегося международного положения, делающего установления единства в рабочем лагере необходимой задачей момента, и намечены меры к практическому проведению в жизнь начал единства в профдвижении. В числе этих мер следует отметить прежде всего постановление о создании об'единенного совещательного комитета из представителей профессионального движения Великобритании и СССР для руководства борьбой за единство.

На конференции была оглашена также декларация английской делегации, в которой последняя заявляет, что она еще раз предложит Амстердамскому Интернационалу созвать конференцию с представителями ВЦСПС для обсуждения вопроса о путях к созданию единого Интернационала профсоюзов. В случае отказа Бюро Амстердамского Интернационала созвать эту конференцию, «генеральный совет возьмет на себя созыв конференции и попытается обеспечить международное единство, использовав свое посредническое влияние между движением СССР и Бюро Амстердамского Интернационала».

С своей стороны ВЦСПС обратился с вторичным предложением к Амстердамскому Интернационалу созвать конференцию по вопросу о восстановлении единства профдвижения. Обращение это, проникнутое искренним желанием добиться соглашения и лишенное каких бы то ни было полемических выпадов, является последней попыткой воздействовать на добрую волю Амстердама. Если и это обращение не будет иметь успеха, то начнется новая глава в истории борьбы за рабочее единство: английские трэд-юнионы, помимо Амстердама выступили вместе с профсоюзами СССР об'единителями мирового профдвижения.

---

*) **Текст декларации, принятой на лондонской конференции, дан в приложении, помещенном в конце книги.**

Переходя к борьбе против войны, Фиммен указывает, что «приходится с горечью констатировать, что мировой пролетариат не оправдал после оккупации Рура тех надежд, которые на него возлагались... Коммунистическая пресса пишет: Амстердамский Интернационал бессилен. Я признаю это, но и Московский Интернационал не в лучшем положении... Положение печально в обоих лагерях... Пусть же рабочие и лидеры обеих сторон проникнутся сознанием серьезности положения и приложат все усилия к тому, чтобы об'единить действительно весь рабочий класс в общей борьбе, революционной пролетарской борьбе против буржуазии».

В статье, помещенной в голландской газете «Хет Фолк» от 9-го февраля, тот же Фиммен констатировал: «Рабочий класс спит. Он нерешителен, вял, неподготовлен и не в состоянии предпринять решительное международное выступление, цель которого шла бы дальше его собственных непосредственных интересов. Виноваты ли в этом вожди? Да и нет. Если рабочий класс не активен, то тут не виноваты или во всяком случае, не главным образом виноваты вожди. Точно так же, как каждая страна имеет то правительство, которого она заслуживает, рабочий класс имеет тех вождей, которых он заслуживает... Но все же вожди не невиновны. Это они, вожди, на конгрессах выражали прекрасные, великие мысли, принципы, идеалы в прекрасных, великих словах... Они обязались затем внушить эти мысли рабочим, и своего долга в этом отношении они не выполнили»...

Таким образом, Эддо Фиммен — вопреки казенному оптимизму амстердамских лидеров — констатировал, что не все обстоит благополучно в рабочем лагере, что виной этому (пусть, отчасти) является несоответствие между парадными фразами амстердамских вождей на конгрессах и их действительным руководством борьбой, что Амстердамский конгресс бессилен, и что единение с Профинтерном (который, по мнению Фиммена, тоже бессилен без Амстердама) является залогом оздоровления мирового рабочего движения.

Совершенно определенно высказался на этот счет Фиммен на конгрессе чехо-словацких железнодорожников 15 мая

1923 года: «Несмотря на все ошибки большевиков, мы не можем забыть ни на один момент, что Советская Россия— позвоночный столб мирового рабочего движения. Если бы Советская Россия пала, рабочее движение в Европе было бы раздавлено. Пролетариат всех стран должен создать единый фронт для защиты Советской России... Если этот единый фронт нам создать не удастся, все будет погублено: социализм, прогресс человечества, весь рабочий класс... День, когда Москва и Амстердам об'единятся, будет днем триумфа мирового пролетариата».

Фиммену, который был также секретарем Международной Федерации Транспортников, удалось добиться того, чтобы эта федерация вступила в переговоры с русскими союзами. Надо сказать, что как Профинтерн, так и об'единенные вокруг ВЦСПС русские союзы, сразу очень сочувственно отнеслись к проповеди Фиммена, тем более, что она, с оговорками, которые были неизбежны в устах ответственного работника Амстердама, повторяла те мысли насчет единого фронта, которые они высказывали уже давно.

23 — 24 мая 1923 года в Берлине состоялась конференция Международной Федерации Транспортников, с участием представителей наших союзов. От Исполнительного Комитета Международной Федерации Транспортников присутствовали: Фиммен, Вильямс, Доринг и Бидегарэ, советские железнодорожники были представлены Андреевым, советские моряки — Ачкановым и ВЦСПС — Лозовским.

На конференции был принят ряд резолюций, направленных к осуществлению единого фронта. Одна из этих резолюций гласит: «Твердо решив победить существующее в движении транспортников разделение рядов, одушевленные горячим желанием образовать в интересах пролетариата всех стран единую и непоколебимую силу, представители Международной Федерации Транспортников и Всероссийского Союза Транспортников обращаются ко всем рабочим транспорта, к железнодорожникам и морякам всех стран, каковы бы ни были их политические убеждения, с призывом начать совместную борьбу против войны и реакции».

Другая резолюция говорит о том, что «Советская Рос-

сия является последним оплотом против растущей реакции во всех странах», и что единый фронт всех рабочих должен быть направлен к ее защите от натиска капиталистов. (Надо помнить, что это происходило в эпоху Керзоновского ультиматума, когда все мировые хищники ощетинились против Советской России).

Но при этом следует указать, что резолюции эти были приняты с небольшой оговоркой: для вступления в силу они должны быть утверждены Генеральным Советом Международной Федерации Транспортников. И тут сказалась застарелая ненависть амстердамских вождей к делу единства рабочего движения.

Когда резолюции Берлинской конференции стали известны, Унитарная Федерация железнодорожников Франции поспешила заявить, что хотя она не была представлена на конференции, она целиком присоединяется к ее решениям и считает их для себя обязательными. Совершенно иной подход был у реформистской федерации транспортников, вождь которой Бидегарэ присутствовал на Берлинской конференции. Он знал, что единый фронт транспортников должен повести в конце-концов к об'единению французских профсоюзов, и в частности, к слиянию обеих федераций железнодорожников. Это означало бы конец его владычества, так как Унитарная Федерация Железнодорожников была почти вдвое многочисленнее, чем реформистская федерация.

Также недружелюбно отнеслись к решениям Берлинской конференции и германские вожди транспортников, усматривавшие в этих решениях порицание всей их раскольнической деятельности. Только Вильямс, представитель английских транспортников, лойяльно отстаивал решения Берлинской конференции. Французские же и немецкие реформисты приложили все усилия к тому, чтобы свести на нет об'единительные решения, принятые в Берлине.

Берлинская конференция подверглась усиленному обстрелу со стороны Амстердама. На заседании 30—31 мая 1923 года бюро Амстердамского Интернационала заявило: 1) что оно слагает с себя всякую ответственность за решения Берлинской конференции, 2) что оно готово вступить в сношения с русскими профессиональными организациями,

но не с красными организациями в других странах, так как они откололись от Амстердама, и 3) что единство может быть осуществлено только в рамках официальных организаций каждой страны.

Смысл этого решения был ясен: Амстердам был против всякого изжития раскола в тех странах, где раскол этот произошел; с ВЦСПС же Амстердам готов разговаривать при условии, чтобы он отказался от всякой поддержки революционных союзов в других странах, т.-е. отказался бы от своих революционных и интернационалистских убеждений.

На заседании Генерального Совета Международной Федерации Транспортников 17—18 июня Бидегарэ выступил в защиту позиции Амстердамского Интернационала. В результате была принята ублюдочная резолюция, которая, хотя как будто и одобряла берлинские решения, но на практике свела их к нулю, так как предварительным условием единого фронта выставляла отказ всех красных союзов от полемики с Амстердамом, а также выставила совсем уже нелепое условие, чтобы русские союзы боролись внутри СССР против опасности фашизма и войны, как будто там могла быть малейшая опасность подобного рода.

Таким образом, большинство лидеров Амстердама решило в корне пресечь все об'единительные попытки Фиммена. Положение Фиммена в Амстердаме стало невозможным, и в начале ноября 1923 года ему пришлось подать заявление об отказе от поста секретаря Амстердамского Интернационала. Но при этом он подчеркнул, что попрежнему будет бороться внутри Амстердама за единство.

Накануне своего ухода с должности секретаря Амстердама он дал интересное интервью, в котором доказывал, что единый фронт необходим для спасения мирового рабочего движения, и что этот единый фронт вполне осуществим при доброй воле обеих сторон. Что касается этой доброй воли, то наличность ее Фиммен признал со стороны Москвы. Доказательство искренности ВЦСПС и Профинтерна Фиммен усматривает в намерении их при определенных условиях (об этом мы будем говорить в дальнейшем) отказаться от международных комитетов пропа-

ганды, организованных внутри производственных интернационалов.

Что касается Амстердама, то Фиммен признал, что единый фронт мог бы легко быть осуществлен, если бы Амстердам изменил свою позицию. Вот его слова: «Будущее рабочего класса зависит от событий в Германии. Если бы Амстердам предложил германским рабочим осуществить единство своей борьбы, то единый фронт был бы проведен так в Германии, так и в других странах» [1].

Как отнесся к этому об'единительному течению Профинтерн? 25 июня — 2 июля 1923 г. состоялась 3-я сессия Центрального Совета Красного Интернационала Профсоюзов, посвященная, главным образом, организационно-практическим вопросам профдвижения. Сессия эта, так же как и Фиммен, констатировала полное банкротство реформистской тактики: «профсоюзы оказались не в состоянии где бы то ни было оказать действительное сопротивление наступающему капиталу и сдержать ухудшение экономического положения пролетариата. В особенности же бессилие реформистов дало себя знать в тот момент, когда разразился рурский конфликт и когда реформистские профсоюзы, как и в 1914 году, не сумели противопоставить хищническим притязаниям капиталистов и опасности новой империалистической войны тактику подлинной классовой борьбы».

Какой же выход видел Профинтерн из создавшегося положения?

«Мало-мальски успешная борьба против опасности новых войн и фашистской реакции, — говорит резолюция сессии, — может вестись только при создании единого фронта. Совместные действия рабочих всех направлений являются также предпосылкой успешной экономической борьбы и противодействия наступающему капиталу. Единый фронт есть шаг к восстановлению единства национального и международного профдвижения. Это нужно сделать ясным каждому пролетарию. Центральной задачей в этой области является организационное построение единого фронта. В этом смысле примером мо-

---

[1]) См. „Юманитэ“ от 1 ноября 1923 г.

жет служить международная конференция во Франкфурте и международная конференция транспортников».

В этой резолюции важно отметить, что проведением единого фронта Профинтерн стремится не только усилить боеспособность рабочих, но и расчистить путь к восстановлению единства профдвижения. Значение этого пункта важно потому, что Амстердам и примыкающие к нему организации (в особенности французские реформисты) имели обыкновение отвергать все обращения к ним со стороны красных союзов об установлении единого фронта под тем предлогом, что единый фронт, в сущности, только освящает раскол. Ибо, говорили амстердамцы, единый фронт может быть установлен только между раздельными организациями, а мы, мол, этой раздельности не признаем. Восстановите единство профдвижения, и единый фронт окажется ненужным.

В устах амстердамцев эта аппелляция к единству была, разумеется, только демагогической отговоркой. Ибо для единства надо было подготовить почву, и, конечно, совместная борьба с капиталом рабочих, принадлежащих к конкурирующим союзам, создавала почву для подлинного и прочного организационного единства. Амстердамцы, с одной стороны, делали восстановление единства невозможным, требуя от революционных профорганизаций самоликвидации, т.-е. политического самоубийства, а, с другой — отвергали единый фронт под тем предлогом, что он заслоняет вопрос о единстве.

Об'единительные тенденции Профинтерна ярко сказались, как это отметил в выше цитированном интервью Фиммен, в вопросе о международных комитетах пропаганды. Создавая эти комитеты, Профинтерн менее всего хотел создать конкурентов существующим производственным интернационалам. Резолюция 3-й сессии Профинтерна еще раз подчеркнула, что основной задачей революционных союзов и созданных ими комитетов пропаганды является усиление пропаганды единства и революционизирование международных производственных об'единений. «Они должны, — говорится в резолюции, — решительно бороться против раскалывания профдвижения и исключения революционных элементов».

А, главное, резолюция требует включения в производственные интернационалы всех без исключения союзов данного производства. «По достижении этой цели, — говорит резолюция 3-й сессии, — комитеты пропаганды должны быть распущены». И это решение вовсе не было парадной фразой, направленной к тому, чтобы создать видимость стремления Профинтерна к единству.

Уже в декабре 1923 г. Профинтерн постановил распустить международный комитет пропаганды работников просвещения, так как существующий Парижский Интернационал педагогов включает в свой состав все союзы работников просвещения независимо от направления. С этим фактом интересно сопоставить поведение Амстердамского Интернационала, которому именно эта революционная и проникнутая стремлением к единству позиция Парижского Интернационала педагогов оказалась не по вкусу. Амстердам затеял образование нового интернационала работников просвещения исключительно из союзов реформистского направления. Противодействие союзов, входящих в Парижский Интернационал, пока не дало возможности осуществить эту раскольническую попытку Амстердама.

Несмотря на то, что все производственные интернационалы примыкают к Профинтерну, все красные союзы, и всероссийские союзы в особенности, начали упорную кампанию за включение их в состав этих интернационалов. Но попытки эти встретили упорное сопротивление со стороны Амстердама, который к вопросу о восстановлении единства был равнодушен, а во включении русских и других красных союзов усматривал лишь опасность занесения революционной заразы в производственные интернационалы.

Вот какая резолюция была принята по этому поводу Бюро Амстердамского Интернационала на заседании 8 ноября 1923 года:

«1. Международные производственные секретариаты обязуются не принимать никаких окончательных решений по общим вопросам, выходящим из пределов специальных производственных интересов, а также по специальным вопросам, касающимся интересов других профессиональных орга-

низаций, без совещания с Советом, или хотя бы с Бюро Интернационала.

2. Основным принципом считается положение, что к международным производственным об'единениям могут примыкать лишь такие организации, которые: а) состоят членами национального общепрофессионального об'единения, примыкающего к Интернационалу Профсоюзов (подразумевается, Амстердамскому. **С. Г.**), б) не примыкают ни в какой форме к какому-либо другому интернационалу, в) не входят в национальный профсоюзный центр, занимающий враждебную позицию по отношению к Интернационалу Профсоюзов (Амстердамскому. **С. Г.**).

Принятие этой резолюции, закрывающей двери производственных интернационалов всем красным союзам, явилось со стороны Амстердама ответом на некоторый успех, одержанный сторонниками единства незадолго до того. А именно, в октябре 1923 г. русский союз пищевиков был принят в интернационал пищевиков на Брюссельском конгрессе последнего. Далее, благодаря настойчивости русского союза Бюро Интернационала пищевиков 22 апреля 1924 года постановило на будущем конгрессе видоизменить свой устав в смысле возможности принятия и других красных союзов, не входящих в Амстердамский Интернационал. С своей стороны русский союз и Профинтерн постановили распустить Международный Комитет Пропаганды пищевиков [1]).

Можно считать, таким образом, установленным, что в вопросе о производственных интернационалах, красные союзы, примыкающие к Профинтерну, проводили линию единства самым добросовестным образом, и если сейчас мы не имеем еще единых производственных интернационалов, то в этом виновато только упорное нежелание вождей Амстердамского Интернационала.

Желание Профинтерна сохранить единство национальных обще-профессиональных центров — даже в ущерб своим организационным завоеваниям — видно также из следующих фактов.

Когда Французская Унитарная Конфедерация выступила с предложением реформистской конфедерации устро-

[1]) См. „Юманите" от 1 ноября 1923 г.

ить об'единительный с'езд всех французских профсоюзов и положить конец расколу, Исполнительное Бюро Профинтерна на заседании 14 февраля 1923 года официально заявило, что «Профинтерн будет только приветствовать об'единение обеих конфедераций, при чем он не ставит условием этого об'единения организационное присоединение к Профинтерну революционной части профдвижения, если она останется в меньшинстве на об'единенном с'езде».

В интересах единства Исполбюро Профинтерна в феврале 1923 г. предложило своим сторонникам в Финляндии отказаться от немедленного присоединения к Профинтерну, хотя в результате произведенного среди членов профсоюзов референдума, большинство $^2/_3$ высказалось за вхождение в Красный Интернационал Профсоюзов. Причина этого отказа заключалась в том, что реформистское меньшинство угрожало расколом, и Профинтерн предпочел поступиться своими организационными выгодами, лишь бы сохранить единство финляндского профдвижения.

Аналогичное решение принял Профинтерн и по отношению к синдикалистской голландской организации «Национальный Рабочий Секретариат», где большинство стояло за присоединение к Профинтерну, а меньшинство — за присоединение к Берлинскому анархо-синдикалистскому Интернационалу.

Наконец, по отношению к норвежским профсоюзам, где большинство было за Профинтерн, представители Профинтерна не считали нужным форсировать хода этого присоединения, опасаясь, что для реформистского меньшинства это окажется предлогом для раскола норвежского профдвижения. Вопрос был передан на референдум, который дал 7.500 голосов за организационное присоединение к Профинтерну и 15.000 голосов за «свободное сотрудничество с Профинтерном». Это последнее предложение было внесено Секретариатом норвежского об'единения профсоюзов с недавно скончавшимся Оле Лианом во главе. Только влиянием последнего приходится об'яснить принятие этой ублюдочной резолюции, да и то, надо указать, что в референдуме из 90 тысяч организованных норвежских рабочих участвовало только 23.000.

Отметим также отношение Профинтерна к балканским союзам. Там влияние Профинтерна было преобладающим. Болгарские союзы с самого возникновения Профинтерна были его верными участниками и бойцами.

В Румынии Клаузенбургский конгресс в сентябре 1923 года дал большинство революционерам. 58.000 членов союзов высказались за Профинтерн, 35.000 — за Амстердам. Не желая признавать своего поражения, амстердамцы заявили об исключении всех сторонников Профинтерна и удалили их с конгресса при помощи полиции. Румынское правительство, правительство белого террора бояр-помещиков, с удовольствием оказало эту услугу румынским сторонникам Амстердама. Исключенные союзы образовали свой профсоюзный центр — Центральный Единый Совет Профсоюзов, который имел все основания считать себя официальным представителем румынского профдвижения.

Несмотря на свое большинство, несмотря даже на обращение амстердамцев к полиции, Исполбюро Профинтерна дало (6 дек. 1923 г.) своим сторонникам в Румынии следующую директиву:

«Центральный Единый Совет должен вести энергичную и постоянную борьбу за единство, не признавать решений Клаузенбургского конгресса (принятых после удаления красных. **С. Г.**) и требовать созыва чрезвычайного об'единительного с'езда, в котором должны принять участие все профессиональные организации, без различия направления. Впредь до осуществления единства, Центральный Единый Совет должен предложить реформистам единый фронт против буржуазной реакции, за экономические требования рабочего класса и т. д. В случае, если на предполагаемом Советом с'езде окажется, что присоединение к Профинтерну может послужить препятствием к об'единению, наши сторонники должны заявить о своей готовности не требовать этого присоединения».

Такую же директиву дало Исполбюро Профинтерна и своим сторонникам в Юго-Славии.

Мы рассмотрим в следующей главе дальнейшие фазы борьбы Профинтерна с Амстердамом за единство, сейчас же, вкратце, остановимся на роли Берлинского анархо-синдикалистского Интернационала, официально присвоив-

шего себе наименование «Международное Товарищество Рабочих» (так назывался основанный Марксом Первый Интернационал). Подробно останавливаться на нем нет смысла, так как роль его в международном рабочем движении ничтожна. Вся его деятельность сводилась и сводится к раскольнической работе в красных союзах.

Мы отметили в своем месте разногласия, происходившие между большинством участников конгрессов Профинтерна и анархо-синдикалистами. В основном, требования синдикалистов сводились к отказу от перманентной организационной связи между Профинтерном и Коминтерном. Сделанные Профинтерном на его втором конгрессе уступки в смысле желательного для синдикалистов изменения устава привели к тому, что наиболее влиятельные синдикалистские круги отказались от всякой оппозиции Профинтерну. В Унитарной Конфедерации Труда Франции взяло верх подлинно-революционное крыло синдикализма, которое вместе с компартией вело энергичную борьбу за революционизирование рабочего движения Франции, и вместе со всем Профинтерном боролось за единство профдвижения. В Испании на эту точку зрения стали наиболее влиятельные участники рабочего движения, в частности, все участники испанской делегации на первом конгрессе Профинтерна, представлявшие собою избранников Испанской Конфедерации в эпоху ее успеха.

Но та часть синдикалистов, которая стояла ближе к жидким анархистским группам, чем к массовым рабочим организациям, не удовлетворилась уступками, сделанными Профинтерном на втором конгрессе, и вела линию за создание самостоятельных анархистских профсоюзов. На рождество 1922 года по инициативе берлинских анархистов, не играющих, надо это подчеркнуть, абсолютно никакой роли в германском рабочем движении, был созван в Берлине конгресс, на котором было положено начало анархо-синдикалистскому интернационалу.

Сторонники этого интернационала в Испании привели к окончательному разложению Конфедерацию Труда, в Южной Америке, вместе с реформистами боролись против коммунистов и всех вообще революционных элементов проф-

движения, в других странах, кроме Франции, вообще, мало давали себя чувствовать.

Во Франции анархо-синдикалисты, возмущенные своим поражением на Сент-Этьенском конгрессе Унитарной Конфедерации Труда, повели внутри ее довольно ожесточенную борьбу против коммунистов и революционных синдикалистов. Но эта склонность анархо-синдикалистов к фракционной грызне только подорвала остатки их влияния в рабочих массах Франции. Буржский конгресс Унитарной Конфедерации Труда, состоявшийся в ноябре 1923 г., дал полную победу блоку коммунистов и революционных синдикалистов, получившему 978 голосов. Но и в числе 222 голосов, полученных оппозицией, только ничтожная часть принадлежала чистым анархо-синдикалистам. Но и это поражение не остановило анархистских лидеров, и в 1924 г. они произвели раскол Унитарной Конфедерации, образовав самостоятельную Федерацию Автономных Союзов Франции. Но организация эта совершенно ничтожна, так как только некоторое число синдикатов строительных рабочих последовало за раскольниками. На Унитарной Конфедерации уход этот нисколько не отразился, и число ее членов продолжает прогрессировать.

Так обстояло дело в международном профдвижении к началу 1924 года. Год этот был чреват крупными событиями в рабочем движении, и в частности усилением борьбы за единство. В ряды борцов за единство вступили организованной силой английские трэд-юнионы.

Английские союзы вступают в борьбу за единство.

Начало 1924 года ознаменовалось усилением демократически-пацифистских иллюзий среди мирового пролетариата. Победа так называемого левого блока на выборах во Франции, образование рабочего правительства в Англии, соц.-дем. министерство в Швеции, сравнительно левый результат германских выборов в начале этого года,—все это говорило, как будто, об ослаблении крайне-реакционных групп буржуазии. Меньшевики всех стран и народов за-

говорили о наступлении «новой эры» демократии, которая одновременно положит конец как фашизму, так и коммунизму.

Конечно, наиболее ярким проявлением «новой эры» было образование министерства Макдональда, в котором все посты кроме самых незначительных были заняты членами Рабочей Партии. Рабочая Партия, имея меньшинство в парламенте, пыталась проводить политику защиты интересов рабочего класса, не колебля основ буржуазного строя. Лидеры этой партии понимали, что не только осуществить преобразование общественного строя на социалистических началах, но и провести полностью ближайшие требования рабочего класса при буржуазном парламенте им не удастся. Но они рассчитывали, что они сумеют провести хотя бы некоторые законодательные меры в пользу безработных и удовлетворить жилищные нужды пролетариата. Этими двумя мероприятиями рассчитывали члены рабочего правительства снискать себе, с одной стороны, прочные симпатии рабочего класса, а с другой — доказать буржуазии свою деловитость и практичность.

Но именно потому, что погоня за двумя зайцами — завоеванием симпатий буржуазии и пролетариата одновременно — была неосуществима, Макдональд добился совершенно обратного результата: он обострил отношения между классами и искоренил в умах рабочих всякую мысль о возможности мирного сотрудничества классов.

Надо сказать, что английские рабочие массы вообще не были ослеплены иллюзиями коалиционного правительства с участием буржуазии. Именно поэтому Рабочая Партия образовала собственное правительство, не привлекая в него либералов, хотя вместе с последними она могла бы иметь большинство в парламенте. Между лидерами Рабочей Партии и массой была та разница, что лидеры рассчитывали на свою дипломатическую ловкость, чтобы дать рабочим хотя бы кое-что из их непосредственных требований, масса же ни о какой дипломатии не помышляла и твердо верила, что рабочее правительство призвано осуществить ее заветные желания.

Создание рабочего правительства окрылило широкие массы английского пролетариата и толкало его на откры-

тый путь борьбы. Рабочий класс Англии осмелел и полевел — он решил уничтожить следы поражений, понесенных им в период 1921—1923 годов. Вот почему приход Рабочей Партии к власти ознаменовался сильным оживлением классовой профессиональной борьбы. В то время как целый ряд видных членов рабочего правительства стоял за «классовое перемирие» на основе подписания долгосрочных коллективных договоров, профсоюзы начали борьбу за повышение заработной платы и улучшение общих условий труда.

Надо также указать на то, что образование рабочего правительства привело к обновлению руководящих кадров английского профдвижения. Дело в том, что многие профсоюзные лидеры вошли в состав министерства, а совместительства должностей уставы большинства союзов не допускают. В результате, произошли перевыборы союзных секретарей и вождей генерального совета английских трэд-юнионов. Вместо крайне реакционного вождя железнодорожников Томаса на пост председателя генерального совета трэд-юнионов был выбран Персель, один из сторонников левого крыла английского профдвижения. Генеральным секретарем федерации горнорабочих вместо вошедшего в состав правительства Ходжеса, одного из самых реакционных деятелей английского профдвижения, был выбран кандидат левых Кук, выдвинутый южно-уэльской организацией углекопов, всегда стоявшей на самом боевом фланге трэд-юнионизма.

Наконец, и еще один фактор сыграл большую роль в деле сдвига влево английских союзов и вступления их в ряды борцов за единство. Это—признание СССР, правительством Макдональда и открытие англо-советских торговых переговоров.

Рабочие массы Англии придавали чрезвычайно большое значение этим переговорам. Они не только считали полное устранение всяких спорных вопросов с великой Республикой Советов делом чести для английского пролетариата и выдвинутого им правительства, но и ожидали — не без основания, — что подписание торгового договора с СССР и предоставление ему займа будет содействовать оживлению английской промышленности и уменьшению безработицы.

Это устремление внимания английских рабочих масс в сторону СССР было еще усилено наличием среди советской делегации в Англии видных работников наших профсоюзов с тов. Томским во главе. Личное общение между советскими и английскими профработниками привело к укреплению между ними чувства взаимного уважения и тяги к установлению прочной организационной связи.

Все это, вместе взятое, привело к перемене позиции английского профдвижения. Из наиболее правого отряда международного рабочего движения, оно переместилось в левый центр. Создалась, конечно, внутри английского трэд-юнионизма целая градация оттенков от самых правых (Томас, Ходжес и др.), стоявших за мир с предпринимателями и сотрудничество с буржуазией как в экономической, так и в политической области, до самых левых, настроенных коммунистически. Имелся центр, настроенный сравнительно боевым образом и стоявший за единство международного рабочего движения, но не разделавшийся еще вполне с традиционными предрассудками английской трэд-юнионистской политики. И, наконец, имелось меньшинство, близкое к Профинтерну, которое, начиная с 1924 года, сделало ряд успехов, сумело создать свой выборный национальный центр и выработало платформу действия, оказывавшую влияние и на официальные круги руководителей британского профессионального движения.

Но все эти течения сравнительно мирно уживались под одной крышей, чему много способствовало то обстоятельство, что руководство генеральным советом трэд-юнионов оказалось в руках центра, который стремился сочетать тягу влево с традиционной осторожностью, присущей английской общественной жизни вообще.

Это изменение политической и экономической линии английского рабочего движения сыграло большую роль и в мировом профессиональном движении. Англичане примкнули к левому крылу Амстердама, во главе которого с 1923 г. стоял генеральный секретарь Международной Федерации Транспортников Эддо Фиммен. С фактом усиления левого крыла вождям Амстердамского Интернационала пришлось столкнуться на Венском конгрессе этого Интернационала, состоявшемся в июне 1924 года.

Вопреки желаниям Удегеста, Жуо и других правых руксй руководителей Амстердамского Интернационала в центре работ Венского конгресса стал так называемый «русский вопрос». Выбранный председателем конгресса председатель английской делегации Персель в первой же приветственной речи отметил необходимость об'единения международного пролетариата для защиты своих прав и высказался за вовлечение в международное рабочее движение рабочих СССР.

Это было определенным выпадом против официального курса Амстердамского Интернационала. В печатном отчете Амстердамского Интернационала подробно излагались переговоры с Профинтерном и ВЦСПС, при чем вывод Бюро Амстердама был следующий: «после последнего письма Томского, написанного в недружелюбном и оскорбительном тоне, считать переговоры с Профинтерном и ВЦСПС прерванными».

Но поддерживать эту точку зрения на конгрессе полностью вожди Амстердама уже не могли. Выступивший от имени английской делегации Бромлей, заявил, что предложение Бюро о разрыве переговоров с красными союзами неприемлемо. Английская делегация,— говорит Бромлей,— считает невозможным, чтобы советские профсоюзы не участвовали в общем профессиональном движении. Бромлей указывает, что несмотря на ведущиеся сейчас переговоры между Англией и СССР, носящие дружественный характер, отчуждение российских профсоюзов может неблагоприятно отразиться на экономическом положении Англии. Подчеркивая, что письмо Томского, адресованное президиуму Амстердамского Интернационала, предлагает переговоры продолжать,— Бромлей настаивает на принятии этого предложения и на возобновлении переговоров с профсоюзами СССР.

Предложение Бромлея поддержал от имени Международной Федерации Транспортников Фиммен. В своей речи он подчеркнул, что единство рабочего класса — необходимое условие успешной борьбы с реакцией и капиталистами. «Президиум Амстердамского Интернационала,— заявил Фиммен,— отказался ратифицировать соглашение Международного Об"единения Транспортников с союзами транспортни-

ков СССР. С тех пор прошел год, и Амстердамский Интернационал не сделал ничего для ликвидации противоречий, распыление рабочего класса продолжается, рабочий класс ослаблен. Реакция усилилась. Такое положение не может продолжаться. Амстердамский Интернационал должен искать сближения с СССР. Москва и Амстердам должны притти к соглашению. Целый ряд секретариатов международных производственных об'единений хочет сотрудничать с соответствующими союзами СССР. Даже президиум Амстердамского Интернационала должен был утвердить включение союза пищевиков в Международную Федерацию Пищевиков».

В заключение своей речи Фиммен заявил, что он от имени этих секретариатов настаивает на немедленном созыве новой конференции с участием представителей профсоюзов СССР.

Выступление Фиммена вызвало сильное негодование со стороны правых. Голландский делегат Ван-Дер-Валле заявил, что позиция Фиммена несовместима со званием ответственного работника Амстердамского Интернационала. Очень резко выступали против Фиммена представитель Бельгии Мертенс и германский делегат Грассман, упрекавший Фиммена чуть ли не в предательстве. В свою очередь английские делегаты прерывали речь Грассмана возгласами: «А где Роза Люксембург? Где Карл Либкнехт?», намекая этими возгласами на то, что они считают германских с.-д. руководителей союзов морально ответственными за смерть этих двух борцов революции.

В речи Фиммена помимо вопроса о союзах СССР был косвенно затронут также вопрос о роли производственных интернационалов внутри Амстердамского Интернационала. Политическое расхождение между Фимменом и вождями Амстердама привело к постановке вопроса об организационной автономии производственных интернационалов и их представительств в президиуме Амстердамского Интернационала. В частности, с этим вопросом был связан вопрос о праве производственных союзов принимать в свою среду русские союзы.

Руководителям Амстердама пришлось в этом вопросе пойти на некоторые уступки левому крылу. Было решено, что три представителя от производственных интернационалов

налов будут введены в президиум Амстердамского Интернационала с правом совещательного голоса. За это предложение высказалось 16 стран (голосование производилось по странам), против голосовали: Франция, Бельгия, Голландия, высказывавшиеся против представительства производственных интернационалов, а также Англия, делегаты которой требовали для представителей производственных интернационалов не совещательного, а решающего голоса в президиуме.

Оппозиционное настроение производственных интернационалов сказалось также в том, что своими представителями в президиум они послали Фиммена, Кука и Смита, из которых первые два принадлежат к левому крылу.

При таком настроении Венского конгресса правым руководителям Амстердамского Интернационала было невозможно целиком провести свою первоначальную линию отказа от каких-либо переговоров с ВЦСПС и Профинтерном. Надо было изыскать какой-либо компромисс, который дал бы известное удовлетворение левым, и в то же время не дал бы возможности реально проводить политику единства. Удегест, Жуо и К° проявили в этом отношении достаточную дипломатическую ловкость и довольно умело «околпачили» левое крыло.

По отношению к производственным интернационалам была принята резолюция, дающая им представительство в президиуме Амстердама, но зато эти интернационалы обязались признать Амстердам единственным международным общепрофессиональным об'единением и согласовать с ним все свои выступления, выходящие за пределы их непосредственной деятельности. По вопросу о принятии советских профсоюзов было решено, что в принципе в производственные интернационалы могут приниматься только союзы, признающие программу Амстердамского Интернационала. В случае, однако, если секретариаты этих производственных интернационалов захотят все же принять русские или иные профсоюзы, не примыкающие к Амстердаму, они должны предварительно столковаться с президиумом Амстердама.

Внешне это представляло собою уступку, ибо категорическое запрещение принимать русские союзы было отме-

нено. На практике же принятие русских союзов в отдельные производственные интернационалы должно быть согласовано с общей политикой Амстердама по отношению к союзам ВЦСПС и Профинтерну. Как показала последующая практика, вожди Амстердама и после Венского конгресса препятствовали вхождению союзов СССР в производственные интернационалы. Победа левого крыла в этом вопросе оказалась, таким образом, призрачной. Положение, пожалуй, даже ухудшилось, так как международные производственные союзы признали формально свою зависимость от Амстердама.

По существу так же был разрешен и вопрос о единстве вообще. Все зубры Амстердама выступили с горячими возражениями против предложения англичан о возобновлении переговоров с красными союзами. Удегест, Грассман (от германских профсоюзов), Мертенс (от бельгийских) заявили, что борьба с Профинтерном должна оставаться главнейшей задачей Амстердамского Интернационала, а потому не может быть и речи о единстве с Профинтерном или с какими-либо входящими в него национальными профессиональными центрами. Однако, настойчивость англичан заставила правое крыло стать на путь компромисса.

После горячих дебатов была принята резолюция, в которой выражается сожаление, что советские профсоюзы вследствие отказа признать устав Амстердамского Интернационала все еще находятся вне этого международного об'единения профсоюзов. «Конгресс предлагает, — гласит далее резолюция, — Бюро Амстердамского Интернационала принять, по мере возможности, меры к вовлечению в международное профессиональное движение советских профсоюзов без ущерба, во всяком случае, для авторитета Амстердамского Интернационала — и неизменно придерживаясь основных статутов и постановлений Амстердама».

Резолюция эта, по существу, являлась полной победой правого крыла, так как вопрос о единстве в мировом масштабе в ней не был даже поставлен, а принятие советских профсоюзов связывалось фактически с их уходом из Профинтерна, иначе говоря с ослаблением других красных союзов, входящих в Красный Интернационал Профсоюзов. Ле-

вое крыло Амстердама не уловило, однако, подлинного смысла этой резолюции, и только Фиммен настаивал на устранении пункта, по которому от советских профсоюзов требуется фактическая капитуляция перед Амстердамом. Но английская делегация, принявшая за чистую монету лицемерное из'явление желания принять советские профсоюзы в Амстердамский Интернационал, голосовала за общую резолюцию.

Оценка этого решения Амстердама дана Фимменом в апрельском номере «Известий Международной Федерации Транспортников», хотя хронологически она и предшествовала Венскому конгрессу. Но, последний, как мы уже указывали, в основном подтвердил отрицательное отношение вождей Амстердама к единству с красными союзами.

В статье этой, останавливаясь на требовании, чтобы русские профсоюзы для принятия в Амстердам предварительно признали программу и устав Амстердама, Фиммен писал: «Оставляя в стороне вопрос о преходящей природе всяких правил, а также о том, не требуют ли исправления сами правила и программа международного об'единения профсоюзов, я не допускаю мысли, что комитет Амстердамского Интернационала, или кто бы то ни было, может быть столь наивным, чтобы предположить, что на подобной основе возможно какое-либо соглашение с русскими. Предполагается, чтобы одна из сторон диктовала другой условия, совершенно неприемлемые для любого лица или организации, которая сохранила бы самоуважение и не желала бы показаться смешной. Если бы комитет задался целью сделать невозможным всякий обмен мнениями с русскими, если бы он заранее пожелал задушить всякую попытку об'единения и сотрудничества, то он не мог бы придумать более подходящей резолюции».

Последующие события показали, что большинство Амстердамского Интернационала использовало принятую в Вене резолюцию для борьбы против единства. Само собой разумеется, что союзы СССР не могли войти в Амстердамский Интернационал, отказавшись от всех тех революционных идей, за которые они боролись все время, и подчинившись безоговорочно требованию о признании всех

резолюций и постановлений Амстердама, принятых без их участия и во многих случаях вопреки точке зрения советских профсоюзов.

Резолюция Венского конгресса по существу требовала от советских профсоюзов полной капитуляции и отказа от созданного ими Красного Интернационала Профсоюзов. Вожди Амстердама рассчитывали, что если советские профсоюзы пойдут на все их условия, то они ослабят своим уходом из Профинтерна другие входящие в него красные союзы, которые будут предоставлены собственной судьбе. Если же советские профсоюзы откажутся стать на этот путь капитуляции, то амстердамцы обвинят их в отсутствии подлинного стремления к единству.

Вопрос этот был передан на рассмотрение III конгресса Профинтерна, состоявшегося в июле 1924 года. Общее отношение к этому вопросу выразил докладчик по вопросу о единстве, генеральный секретарь Унитарной Конфедерации Труда Монмуссо. Он заявил, что красные союзы требуют созыва об'единительного мирового конгресса профсоюзов, при чем они обязуются, если окажутся в меньшинстве, подчиниться всем его постановлениям. Такое же обязательство должна дать и противная сторона. Но строго соблюдая союзную дисциплину в действии, обе стороны сохраняют право вести идейную борьбу и защиту своих взглядов.

«Мы не хотим липового единства, — сказал Монмуссо, — мы хотим единства, созданного методами, соответствующими началу рабочего демократизма в профессиональном движении и обычным нормам союзной дисциплины, принятым во всех союзных организациях.

Русские союзы не пойдут в Амстердам; русские союзы, так же, как и Унитарная Конфедерация и все другие революционные союзы, останутся в Профинтерне. Но русские союзы, в качестве союзов, примыкающих к Профинтерну, вместе с другими делегатами нашего конгресса, предложат Профинтерну, когда все подготовительные меры будут закончены, когда массы почувствуют, что единство является необходимым, обратиться к Амстердамскому Интернационалу с заявлением, что мы не хотим единства по клочкам, что мы хотим добиться настоящего между-

народного единства. И это заявление будет повторяться на всех рабочих собраниях».

Выступивший после Монмуссо председатель ВЦСПС Томский заявил о своем полном согласии с его словами и подчеркнул, что предложение единства со стороны красных союзов не есть маневр, направленный против Амстердама, а важнейшая проблема рабочего движения.

«Профинтерн строился русскими союзами, — сказал т. Томский, — и до сих пор никто не может упрекнуть русские профсоюзы в том, что они нарушили линию Профинтерна или Коминтерна. Ни один шаг русские профсоюзы до сих пор не делали и не сделают в будущем без ведома и санкции Профинтерна. Мы за единый Интернационал, но пока существует Профинтерн, он существует в лице его конгресса и того исполнительного органа, который вы изберете; русские профсоюзы, как и всякий революционный союз, входящий в Профинтерн, не сделали и не сделают ни одного шага без согласия Профинтерна и Коминтерна».

В то же время тов. Томский подчеркнул, что профсоюзы СССР не собираются взрывать Амстердамский Интернационал, их предложения единства — искренни, но они боролись и будут бороться внутри единого Интернационала, когда он создастся, за торжество революционных идей и против реформистской тактики.

Принятую по вопросу о единстве III конгрессом Профинтерна резолюцию приводим в виду ее важности целиком.

«Третий конгресс Профинтерна попрежнему в интересах классовой борьбы в международном масштабе и успешного отражения натиска капитала, подтверждая свои прежние решения о необходимости борьбы за создание единого рабочего фронта, считает своим долгом еще раз подтвердить свое решение вести свою работу в этом направлении.

Ни на минуту не прекращая своей решительной борьбы со всякими проявлениями реформизма в международном рабочем движении, беспощадно вскрывая всю предательскую его сущность, неутомимо раз'ясняя это всем рабочим, не понявшим еще сущности реформизма, как тормоза в освободительной борьбе пролетариата, III конгресс считает в интересах концентрации пролетарских сил и един-

ства руководства борьбой рабочих против экономического наступления капитала и фашистской реакции, наиболее актуальной задачей своей деятельности,—развитие широкой кампании в рабочих массах за единство международного профессионального движения.

Эта кампания за единство, в первую голову, и, главным образом, снизу, развиваемая в широких массах, должна поставить перед ними во весь рост и с полной отчетливостью вопрос о создании единого интернационала профсоюзов.

Одним из следующих шагов в этом направлении, после соответствующей подготовки масс, мог бы быть созыв «Об'единительного Интернационального конгресса Профсоюзов», на котором должны быть представлены организации, примыкающие к обоим Интернационалам (Москва и Амстердам), на основе пропорционального представительства, для выработки общего устава и создания исполнительных органов нового Об'единительного Интернационала. Конгресс считает, что только этим путем можно осуществить одновременное и полное слияние параллельных организаций.

Во исполнение этого конгресс считает полезным войти через своих представителей в сношение с Амстердамским Интернационалом и британскими трэд-юнионами, представители которых выступают внутри Амстердама, как сторонники Интернационала.

Однако, ставя интересы международного рабочего движения и осуществление его единства выше вопросов формального характера, конгресс считает, что отдельные профессиональные организации, входящие в Профинтерн, не должны упускать ни одного благоприятного случая для переговоров с Амстердамским Интернационалом или с его отдельными частями по вопросу об осуществлении единства и единого фронта, при непременном согласии в каждом отдельном случае со стороны Профинтерна и под его руководством.

Конгресс единодушно считает, что попрежнему, каждый, имеющий международное значение, решительный шаг со стороны всякой организации, входящей в Профинтерн, может быть совершен лишь с санкции и под руководством Профинтерна.

Конгресс выражает уверенность, что неутомимая пропагандистская раз'яснительная работа в массах и организация их под лозунгом единства международного движения создадут необходимые предпосылки для осуществления в ближайшем будущем и организационного оформления единого рабочего фронта против международного капитала.

Третий конгресс Профинтерна, не считая возможным ограничиться только декларацией единства, постановляет создать комиссию единства мирового профдвижения из 17 человек, которая должна повести под руководством исполбюро Профинтерна решительную борьбу в указанном выше направлении. Настоящая комиссия вся целиком или отдельные члены по поручению должны вступить в контакт с английскими трэд-юнионами, поднявшими на с'езде Амстердамского Интернационала вопрос о единстве, изучить состояние профдвижения в тех странах, где движение за единство наиболее сильно, и вступить, в случае необходимости, в переговоры с Амстердамским Интернационалом в указанных в настоящей резолюции целях и пределах.

Да здравствует единство международного профессионального движения».

Совместная борьба английских и советских профсоюзов за единство.

Резолюция III конгресса Профинтерна рекомендовала, как мы видели, профсоюзам СССР вступить в контакт с английскими союзами для совместной борьбы за единство. Директива эта была выполнена. По приглашению английских трэд-юнионов делегация профсоюзов СССР прибыла на состоявшийся в сентябре 1924 года конгресс английских трэд-юнионов в Гулле.

Делегация профсоюзов СССР встретила в Гулле восторженный прием. В то время как Удегест, Альбер Тома

и американская делегация сорвали довольно жидкие аплодисменты, при появлении советских делегатов зал буквально неистовствовал. С'езд трэд-юнионов устроил настоящую дружественную манифестацию представителям советского профдвижения.

Уже один этот факт свидетельствовал о том сдвиге, который произошел в умах английских профработников за последние годы. Полевение английского профдвижения сказалось на ряде резолюций Гулльского конгресса. Конгресс принял резолюцию о реорганизации профсоюзов на производственной основе вместо господствовавшего прежде цехового принципа профессиональной структуры. Контресс сделал ряд шагов в направлении централизации движения и к усилению авторитета генерального совета конгресса трэд-юнионов. Меры эти соответствовали желаниям английского левого меньшинства. Точно также в духе левого меньшинства была принята «хартия требований», главные пункты которой сводятся к следующему: национализация копей, железных дорог и помещичьих земель; рабочий контроль; рабочая неделя в 44 часа; установление для каждой профессии минимума, ниже которого не может опускаться заработная плата; борьба с безработицей и жилищным кризисом и т. д.

По вопросу о единстве выступил один из вождей самого левого коммунистического крыла английского профдвижения, Гарри Поллит, который внес резолюцию о том, чтобы Генеральный Совет взял на себя инициативу по созыву международной конференции для обсуждения вопроса о единстве. Резолюция эта была отвергнута. Но большинство выступавших ораторов, даже представители правого крыла, высказывали свои симпатии советским профсоюзам и выражали желание вовлечь их в русло об'единенного интернационала. Выступивший на Гулльском конгрессе с речью тов. Томский заявил следующее:

«Может ли кто-нибудь во имя единства требовать от российских рабочих, чтобы они отказались от идей, за которые они умирали и проливали кровь. Мы не можем отказаться от них. Тем не менее, все рабочие имеют общие интересы. Так об'единимся же на защите этих интересов и будем работать и бороться вместе. По-моему секре-

тарь Амстердамского Интернационала Удегест и некоторые другие не совсем правы, когда говорят, что для нас открыты двери. Не один раз были случаи, когда мы наталкивались на закрытые двери.

Результатом этого явилось образование нового профессионального Интернационала. Пусть некоторые пытаются игнорировать этот Интернационал, но он является фактом, а фактов игнорировать нельзя. Те, кто этот факт игнорируют, — нереальные политики. Существует новый интернационал профессиональных союзов, к которому примыкают наши профессиональные союзы, и по отношению к которому я лойялен. Поэтому никто из участвующих в дискуссии о единстве не должен говорить, что не может признать Профинтерна, об'единяющего 10 миллионов членов. Не будем ставить условий, а поставим вопрос о единстве профдвижения выше вопроса о достоинстве и создадим об'единенный интернационал профсоюзов для всех рабочих».

После речи тов. Томского председатель конгресса Перседь внес следующее предложение: «Я предлагаю конгрессу уполномочить Генеральный Совет через Амстердам приложить все усилия к тому, чтобы свести обе стороны». Предложение это было конгрессом принято.

Кроме того, Гулльский конгресс принял приглашение ВЦСПС, отправить английскую профсоюзную делегацию на VI всесоюзный с'езд профсоюзов СССР. Оценивая результаты работ Гулльского конгресса, тов. Томский уже тогда придавал большое значение этому ответному визиту английских профработников, визиту, который должен был чрезвычайно укрепить сближение советских и английских профсоюзов. (См. беседу с тов. Томским в «Труде», от 17 сентября 1924 года). 17

Пребывание английской профсоюзной делегации в пределах СССР оправдало надежды тов. Томского и составило дату в истории мирового рабочего движения. Заявления, сделанные английскими делегатами, вызвали необычайный шум в рабочих кругах всего мира.

Уже на открытии VI с'езда профсоюзов СССР, обращаясь к его участникам, тов. Перседь сказал: «Великую работу совершили вы, товарищи. Вы, руководители совет-

ских республик, вы, работники российского профессионального движения, эту работу совершили в интересах мирового пролетариата. Перечислить все, что вы сделали, трудно. Да будет нам дана сила увидеть подобного рода перемены в Великобритании!»

Эти слова, которые участниками нашего конгресса были приняты, хотя и с чувством заслуженной гордости, но, как нечто совершенно естественное, вызвали необычайное волнение в меньшевистских кругах всего мира. Вождь английского рабочего движения сказал, что английские рабочие должны последовать примеру русских большевиков, — это показалось германской соц.-дем. газете «Форвертс» совершенно невероятным событием, выдумкой советских газет. Пришлось тов. Перселю специально заявить, что он именно так оценивает значение успехов рабочих СССР.

Коснувшись вопроса о единстве, тов. Персель в той же приветственной речи к с'езду советских профсоюзов сказал: «Я вполне разделяю точку зрения тов. Зиновьева, что наступило время, чтобы подлинное единство в профессиональном масштабе стало совершившимся фактом. Единство должно быть именно подлинным, а не формальным, оно должно быть основано на антикапиталистических началах. Первое и главное дело с точки зрения британских союзов, — это свести стороны вместе для того, чтобы можно было как-нибудь столковаться, не искать формулу, а сговориться сразу, сойдясь на конференции без всяких предварительных условий. Оставить вне какой-либо международной профессиональной организации российские профсоюзы, то же самое, что исполнять шекспировского «Гамлета» без актера, играющего заглавную роль.

«Наше искреннее желание, — это сойтись с русскими союзами под одним и тем же международным знаменем. В рабочем классе нет, и не может быть иностранцев. Где бы ни находился рабочий класс, в каких бы условиях он ни существовал, наш долг, наша обязанность — об'единиться вместе с ним для уничтожения капитализма».

Нечего и говорить, что эти слова были приняты профработниками советских республик с величайшим одушевлением.

Через несколько дней с'езд с восторгом встретил весть

о том, что ВЦСПС и английская делегация пришли к принципиальному решению о создании англо-русского комитета единства. Само собою разумеется, что согласие английской делегации должно было еще получить ратификацию со стороны генерального совета английских трэд-юнионов, так как делегация не имела для этого достаточных полномочий.

Тов. Лозовский, генеральный секретарь Профинтерна, выступая на том же VI с'езде профсоюзов СССР, отметил значение этого факта в следующих словах: «Фактическое сближение между союзами СССР и Англии будет играть величайшую роль в создании действительного единства мирового профдвижения. Почему? Потому, что профсоюзы СССР являются фундаментом Профинтерна, а английские профсоюзы — фундаментом и основой Амстердамского Интернационала. И если происходит сближение между этими двумя важнейшими отрядами, то это означает серьезный поворот в политике мирового профдвижения, это означает начало новой эры, новой эпохи, означает исходный пункт для действительного создания органического единства».

Принятая по этому поводу VI с'ездом профсоюзов СССР резолюция гласит: «В виду того, что ускорение дела об'единения международного профдвижения получает всемирно историческое значение, особенно в виду надвигающейся полосы новой буржуазно-империалистической реакции в ряде крупнейших стран, VI с'езд считает своим долгом с своей стороны сделать все возможное в этом направлении.

VI с'езд считает своим долгом пойти в этом отношении навстречу намерениям Гулльского конгресса трэд-юнионов и с удовлетворением констатирует, что своим решением он, по заявлению находящейся в Москве делегации английских трэд-юнионов, удовлетворяет желаниям громадного большинства английских рабочих.

Чтобы координировать действия английского и российского профдвижения в деле борьбы за единство, VI с'езд дает полномочия ВЦСПС, после соответствующих переговоров с генеральным советом английских трэд-юнионов, образовать совместно англо-русский (СССР) комитет, задачей которого должно явиться согласование действий

профдвижения обеих стран в их борьбе за международное единство профдвижения».

Мы не станем останавливаться на всех подробностях пребывания делегации английских трэд-юнионов в СССР. Достаточно указать, что они не ограничились посещением с'езда и Москвы, но об'ехали все рабочие центры советских республик, побывали в Донбассе, на Украине, на нефтяных промыслах в Баку, об'ехали Грузию, осматривали заводы и рудники, жилища рабочих, изучали постановку профессиональной работы, знакомились с политической и культурной жизнью страны, побывали в тюрьмах и вынесли свое авторитетное мнение.

Заявления делегатов об успехах рабочих советских республик на хозяйственном и культурном фронтах, о тесном контакте между советской властью и населением, об улучшении материального положения рабочих, наделали за границей не меньше шума, чем их выступления в защиту об'единения международного профдвижения.

Меньшевистские круги Западной Европы (мы говорим не только о русских меньшевиках-эмигрантах, но и об их собратьях в социал-демократических партиях и реформистских союзах Западной Европы) всполошились. Английские делегаты, старые борцы, выросшие в традициях европейского рабочего движения, не только опровергли меньшевистские басни о разложении советской власти, о «диктатуре над пролетариатом» и тому подобный вздор, но и заявили недвусмысленно, что рабочие Европы должны у себя добиваться перестройки общественного строя на установившихся в СССР социалистических началах.

Во время торжественных проводов, которые ленинградский пролетариат устроил английским делегатам перед их от'ездом, последние категорически заявили, что о всем виденном они дадут полный доклад пославшим их английским рабочим и приложат все усилия, чтобы добиться единства вовлечения советских союзов в единый интернационал профсоюзов.

Вожди Амстердамского Интернационала поспешили принять контр-меры. Началась злостная агитация не только против советских профсоюзов, но и против английской делегации. В Англии, правые круги Рабочей Партии

использовали страницы буржуазной печати (главным образом, радикальную газету «Манчестер Гардиан») для всякого рода намеков на то, что английские делегаты не отражают мнения английского пролетариата, что своей проповедью об'единения с Москвой они вызовут раскол в Англии и тому подобное.

Но главным застрельщиком борьбы против об'единительной кампании английских союзов явились вожди германских союзов и центральный орган социал-демократической партии «Форвертс». Под влиянием этих вождей Центральное Правление Всегерманского Об'единения Профсоюзов обратилось к союзам других стран с циркулярным письмом, в котором указывало на опасность, грозящую Амстердамскому Интернационалу от московских переговоров между ВЦСПС и английской профсоюзной делегацией. Аналогичное решение приняли и швейцарские главари союзов, которые угрожали даже выходом из Амстердамского Интернационала, если последний станет на московскую присоединилась к циркулярному письму Всегерманского платформу. Центральная Комиссия польских профсоюзов Об'единения Профсоюзов с оговоркой, что формально инициатива должна была бы исходить от Бюро Амстердамского Интернационала, а не от общепрофессиональных центров отдельных стран.

В Скандинавии реформистские вожди профсоюзов поспешили созвать общескандинавскую профессиональную конференцию, на которой постарались провести резолюцию о необходимости восстановления единства путем присоединения к Амстердаму (финляндские и норвежские профсоюзы, как мы уже указывали, из Амстердамского Интернационала вышли и заняли дружественную по отношению к Профинтерну позицию). Несмотря на это Оле Лиан, вождь норвежских союзов, добился общей резолюции не о воссоздании единого Интернационала, куда могли бы войти и амстердамские, и профинтерновские профессиональные центры, а именно резолюции о желательности присоединения к Амстердаму. Но решение этой скандинавской конференции вызвало в Норвегии и Финляндии большие протесты.

Через правые круги Британской Рабочей Партии пускались в ход всевозможные средства нажима на Генераль-

ный Совет британских трэд-юнионов, чтобы он отказался от солидарности с своими делегатами, посетившими СССР. На председателя английской делегации Перселя сыпались потоки грязи. Правые амстердамцы тем более возмущались Перселем, что он в качестве представителя английского профдвижения занимал пост председателя Амстердамского Интернационала. Один из вождей голландского профдвижения писал даже по этому поводу: «если английское профдвижение не может позаботиться о том, чтобы на посту председателя Интернационала было приемлемое для всех сторон лицо, которое по своим взглядам и убеждениям стояло бы в центре движения, то профсоюзные центры вынуждены будут поискать председателя в какой-либо другой стране». Это означало не что иное, как требование правой фракции Амстердама лишить английское профдвижение его традиционного права выдвигать из своей среды председателя Интернационала, если англичане будут упорствовать на своем левом курсе.

Угрозы эти, впрочем, надо отнести к разряду безответственных. Секретарь Амстердамского Интернационала Удегест, хотя он и стоит на самом правом, раскольническом фланге Амстердама, предпочитал отделываться фразами, что Перселя не поняли, что в Москве извратили его заявления и т. п. Об'ясняется эта осторожность тем, что руководители Амстердама прекрасно понимают, что ссориться с английскими трэд-юнионами они не могут, так как последние являются финансовым стержнем Амстердамского Интернационала.

Руководители Амстердама поэтому предпочитают действовать против вождей английского профдвижения обходными путями. Выступают, как мы видели, представители отдельных входящих в Амстердам национальных профессиональных центров, якобы по собственной инициативе. Или же инициативу берут на себя связанные с амстердамцами деятели социалистических партий.

Одним из этих обходных движений против английской делегации явился созыв в январе 1925 года в Брюсселе об'единенного заседания Исполкомов Амстердамского и Второго Интернационалов. Предполагалось использовать влияние социалистических кругов Второго Интернационала на

Британскую Рабочую Партию, а через нее и при посредстве амстердамских кругов других стран на английскую профсоюзную делегацию. Смысл этого обходного движения вскрыл вождь бельгийских социалистов Вандервельде, который заявил буквально следующее:

«Мы хотели бы дать понять нашим друзьям из Интернационала Профсоюзов, насколько нас взволновала позиция, занятая английской рабочей делегацией или некоторыми членами ее по отношению к советскому правительству и III Интернационалу. Во время пребывания делегации в России, некоторые из ее членов и в частности Персель и Бромлей, говорившие от ее имени, сделали заявления, широко опубликованные затем большевистской печатью.

В заключениях деелгации и в некоторых речах, произнесенных ее членами, встречаются заявления, носящие определенно политический характер. Заявления эти, несомненно, должны иметь чрезвычайно досадное, чтобы не сказать губительное, влияние с точки зрения политических результатов.

В данный момент говорится об опыте в области единого фронта. Мы сделали такой опыт, и горек был этот опыт, ибо большевики очень своеобразно истолковывают тактику единого фронта. И после этого опыта мы видим, что большевики переносят свои маневры единого фронта с политической почвы на профессиональную.

Первым делом они попытались навязать свой Интернационал Амстердамскому Интернационалу, но потерпели полное поражение. В настоящий момент, переложив ружье на другое плечо и разочаровавшись в возможности разрушить Амстердамский Интернационал, они пытаются проникнуть в ряды последнего и внести в него зародыши разлада.

Мы вас достаточно знаем, чтобы понимать, что вы твердо решили защищаться. Однако, опасность, угрожающая нам и теперь угрожающая вам, является опасностью не только для Интернационала Профсоюзов, но и для всего рабочего движения в целом. Нам пришлось направлять все наши усилия в сторону достижения общих интересов и во имя этих интересов мы сообщаем вам теперь наши опасения. Все, что угрожает профессиональному движению, является в то же время угрозой движению

политическому, так, как, с другой стороны, всякая угроза политическому движению угрожает в то же время движению профсоюзному».

Маневр Вандервельде был, впрочем, довольно груб и легко мог бы быть истолкован, как прямая попытка повлиять на английское профессиональное движение «со стороны», т.-е. не от лица чисто профессиональных организаций. Пришлось поэтому вождю Французской Конфедерации Жуо, который проявил в данном случае большие дипломатические способности, чем его бельгийский друг, занять позицию невмешательства. Речь Жуо на Брюссельской конференции очень характерна.

«Мы вполне понимаем волнение в социалистических кругах,—сказал Жуо. Но в настоящий момент мы не считаем возможным занять определенную позицию по данному вопросу в виду того, что нам могут ответить, что Интернационал Профсоюзов недостаточно компетентен, что он говорит лишь от своего имени, и что если кто-либо и должен высказаться, то это совет английских трэд-юнионов и, может быть, также Рабочая Партия, к которой принадлежат члены делегации.

Мы не считаем возможным обсуждать этот вопрос. Мы примем к сведению сделанное заявление. Во всем, что нас касается, мы примем необходимые меры, чтобы добиться ясного положения. В заключение позвольте мне сказать и в частности указать Вандервельде, что ему нечего бояться за Интернационал. Что касается маневров в области единого фронта, то мы уже больше года переписываемся с русскими профессиональными об'единениями и, к вашему сведению, всегда отвечали им следующее: «Мы признаем необходимость рабочего единства; мы соглашаемся обсуждать этот вопрос с ВЦСПС, поскольку он является национальной группировкой русских профсоюзов. Но мы категорически отказываемся вести переговоры с Красным Интернационалом Профсоюзов, представляющим за исключением ВЦСПС лишь отколовшиеся элементы различных стран. Мы признаем, что Интернационал Профсоюзов должен сказать свое слово по поводу восстановления рабочего единства, но единство зависит, главным образом, от деятельности страны и в этом смысле мы намерены работать. Мы предло-

жили Интернационалу Профсоюзов высказаться по вопросу о восстановлении рабочего единства в различных странах, но мы считаем необходимым, чтобы в каждой стране, решение зависело от национального центра. Со своей стороны, мы никогда не согласимся восстановить единство, не ознакомившись предварительно сами с условиями, при которых это может быть сделано.

Итак, не бойтесь маневров в области единого фронта. Мы против них. Двери наши широко открыты для всех, желающих говорить с нами, но большевики, войдя через эти двери, должны будут заявить, что они оставили Красный Интернационал за порогом».

Маневр Вандервельде вообще провалился «из-за бури в Ламанше». Дело в том, что эта некстати для раскольников разразившаяся буря помешала Перселю и его товарищам во-время приехать в Брюссель, а в отсутствие «обвиняемых» осудить их Брюссельская конференция не решалась. Вопрос был поэтому смазан. Истинная же причина неудачи заключалась не в буре Ламаншской, а в той буре, которую вызвало бы осуждение английской делегации среди английского пролетариата. Успевшие прибыть в Брюссель делегаты Британской Рабочей Партии (не смешивать с делегатами Генерального Совета трэд-юнионов), хотя они вовсе не принадлежали к левому крылу английского рабочего движения, совершенно недвусмысленно заявили в Брюсселе, что ничьего постороннего вмешательства в английские профсоюзные дела они не допустят, и что поскольку в центре «обвинения» стоял так называемый русский вопрос, английские рабочие никогда не будут солидаризироваться с теми антисоветскими манифестациями, которые готовили в Брюсселе Вандервельде и его соратники.

Пришлось поэтому «русский вопрос» отложить, а обсуждение действий английской профсоюзной делегации передать на рассмотрение назначенной на 5—7 февраля сессии Генерального Совета Амстердамского Интернационала. На этой же сессии должно было обсуждаться и предложение ВЦСПС о созыве конференции из представителей ВЦСПС и Амстердама для обсуждения вопроса о единстве. Так как представители Амстердама неизменно заявляли что вопрос о единстве может стоять только в пределах резолюции их

последнего конгресса в Вене (русские могут просить о вхождении в Амстердам только на основе принятия его устава и всех его постановлений), что означало практическую невозможность сдвинуться с мертвой точки, то ВЦСПС и выдвинул проект конференции, которая носила бы лишь предварительный характер и наметила бы пути к восстановлению единства в будущем, при чем все решения этой конференции должны быть впоследствии утверждены компетентными органами, правомочными принимать окончательное решение.

Как держали себя английские профессионалисты в промежуток между посещением СССР (в декабре 1924 года) и февральской сессией Амстердамского Интернационала? Доклад делегации, посетившей СССР, получил одобрение Генерального Совета трэд-юнионов. Опубликованный сначала в сокращенном виде, а потом в виде отдельной книги, он дал весьма благоприятную оценку советского режима и произвел огромное впечатление на рабочие круги Англии.

Что касается вопроса о ратификации англо-советского комитета единства, то Генеральный Совет отложил обсуждение этого вопроса, желая предварительно использовать другие способы своего влияния в Амстердаме для того, чтобы добиться от Амстердамского Интернационала отказа от его непримиримой раскольнической политики.

Зато единогласно Генеральный Совет постановил на февральской сессии Совета Амстердамского Интернационала внести от своего имени предложение, совпадающее с предложением ВЦСПС о созыве предварительной конференции из представителей Амстердама и ВЦСПС для намечения путей к восстановлению международного единства профдвижения.

Вокруг этого предложения и завязался главный бой на февральской сессии Совета Амстердамского Интернационала. Расхождение между точкой зрения англичан и амстердамского большинства было полное. Секретарь Амстердамского Интернационала очень резко выступил против предложения ВЦСПС, прочитал целый обвинительный акт по адресу русских союзов, упрекая их в искренности, и в заключение предложил следующую резолюцию:

«Генеральный Совет Амстердамского Интернационала

сожалеет, что русские профсоюзы не хотят стать на почву пожеланий Венского конгресса Интернационала и признать постановления Интернационала. Генеральный Совет сожалеет также, что русские профсоюзы занимают по отношению к Амстердамскому Интернационалу и примыкающим к нему организациям враждебную позицию. Генеральный Совет полагает, что с его стороны было сделано все, чтобы привлечь русских к вступлению в Амстердамский Интернационал, и предлагает сообщить русским союзам, что вопрос исчерпан, и что дальнейшая переписка по этому поводу закончена».

Английским делегатам не стоило большого труда разбить эту аргументацию и отстаивать свое предложение о созыве конференции, которая, не имея обязательного характера, расчистила бы пути к восстановлению единства. В качестве дисциплинированных членов Амстердамского Интернационала, английские делегаты не могли требовать отказа от резолюции Венского конгресса, за которую они сами голосовали, но с тем большей энергией настаивали на созыве конференции, неформальный характер которой не мог противоречить решениям Венского конгресса.

Создалось положение, очень похожее на то, которое было в начале Венского конгресса. Противоречие между позицией англичан и Фиммена, с одной стороны, и правого большинства, с другой, было полное. Естественно, что большинство решило прибегнуть снова к приему показной уступки, чтобы этим добиться единогласия. Вместо резолюции Удегеста была выдвинута формула голландского делегата Стенхойса. Формула эта гласит:

«Генеральный Совет Международной Федерации Профсоюзов, ознакомившись с перепиской между Интернационалом и русскими союзами, поручает Бюро сообщить русским профсоюзам, что Амстердамский Интернационал готов допустить в свой состав русские профсоюзы, если последние выразят желание в этом смысле. Международная Федерация Профсоюзов заявляет далее, что она готова, по желанию русских союзов, устроить совещание в Амстердаме, как только русские профсоюзы выразят желание вступить в Международную Федерацию Профсоюзов».

Таким образом, Амстердам как будто бы выражает

готовность и принять профсоюзы СССР в свою среду, и устроить конференцию, на которой настаивают английские и советские профсоюзы. Но, тут имеется маленькое «но»: конференция созывается не без всяких условий, как этого требовали англичане, а, наоборот, от советских профсоюзов требуется, в качестве предварительного условия, выражение согласия на вхождение в Амстердам, отказавшись от своей связи с Профинтерном и красными союзами других стран. Иначе говоря, под примирительной внешностью резолюция Стенхойса скрывается возвращение к прежней непримиримой позиции Удегеста: никаких разговоров о международном единстве вообще, русские же профсоюзы могут быть приняты в Амстердам на началах полной их капитуляции перед Амстердамом.

Беспристрастную оценку этого маневра дала буржуазная английская газета «Таймс», которая писала: «Эта резолюция представляет собой гениальный пример словесного компромисса, но ни в коем случае не означает существенного изменения отношения Амстердамского Интернационала к русским профсоюзам».

Однако, ввести меньшинство в заблуждение насчет характера резолюции Стенхойса на этот раз не удалось. Пять участников Генерального Совета Амстердамского Интернационала (Персель, Бромлей, Броун — от английских трэд-юнионов, Кук — от Международной Федерации Горняков и Фиммен — от Международной Федерации Транспортников) голосовали против резолюции Стенхойса и за конференцию с профсоюзами СССР без всяких предварительных условий. Делегат от Скандинавии Мадсен голосовал за обе резолюции: и Стенхойса, и Бромлея. Это, конечно, свидетельствовало только о том промежуточном положении, которое занимают в вопросе о единстве скандинавские профсоюзы.

Таким образом, единогласия, на которое рассчитывали сторонники большинства, внеся резолюцию Стенхойса, они не получили. После этого они перестали рядиться в одежды примиренцев и в ряде интервью откровенно заявили, что резолюция Стенхойса ничем по существу от прежней позиции Амстердама не отличается. Удегест, например, прямо заявил, что он голосовал за резолюцию Стенхойса по-

тому, что ею даже усиливается значение прошлогодней резолюции Венского конгресса. Французский реформист Жуо и бельгийский — де-Брукер также подтвердили, что резолюция Стенхойса означает: 1) полное нежелание разговаривать с Профинтерном о единстве, 2) требование, чтобы русские, если они хотят, чтобы с ними разговаривали, заявили о своей готовности подчиниться всем постановлениям Амстердама и порвали бы с Профинтерном.

Прекрасную оценку этих требований дал Фиммен. Он заявил:

«Резолюция Исполкома Амстердамского Интернационала по вопросу об об'единении с ВЦСПС является шагом назад в вопросе о международном единстве профдвижения, так как она повторяет, по существу, старое предложение, чтобы советские профсоюзы приняли устав Амстердамского Интернационала. «Амстердамская резолюция» — не что иное, как любезное приглашение оставить на произвол судьбы все организации, входящие в Профинтерн; по существу, те, кто голосовал за эту резолюцию, уже признаются в этом откровенно на столбцах европейской печати. Это предложение является не только унизительным для русских, но и требует от них нечестного поступка. Если мы действительно хотим в интересах всех рабочих осуществить единство профдвижения, то во взаимоотношениях между Амстердамом и Москвой не должно быть ни победителя, ни побежденного. Это может быть достигнуто только путем принятия британского предложения о созыве конференции без всяких предварительных условий».

Таким образом, пока все попытки ВЦСПС добиться от руководящих органов Амстердама удовлетворительного ответа о восстановлении единства международного профдвижения не дали положительного результата. Но ни советские, ни английские профсоюзы не думают отказаться от дальнейшей борьбы за единство.

В ближайшем будущем соберется конференция из представителей ВЦСПС и Генерального Совета Трэд-юнионов, после которой начнется период совершенно согласованной борьбы союзов СССР и Англии за единство мирового профдвижения.

Итоги и перспективы.

Предыдущие две главы были посвящены, главным образом, выступлениям английских союзов в борьбе за единство. Но не надо думать, что в других странах 1924 год и начало 1925 г. не были отмечены аналогичными выступлениями. Но там положение изменилось сравнительно мало по сравнению с 1921—1923 годами.

В Германии руководители Всеобщего Германского Об'единения Профсоюзов были наиболее яростными противниками единства мирового профдвижения, как мы могли убедиться в этом из поведения германских делегатов на Венском конгрессе Амстердама и в эпоху пребывания английской делегации в СССР. Об'ясняется это обстоятельство тем, что руководители Всеобщего Германского Об'единения Профсоюзов все принадлежат к социал-демократической партии Германии, а в оппозиции господствуют коммунистические настроения. Между тем, для германских социал-демократов, вся тактика которых сводится к потугам добиться от буржуазных партий своей доли в правительственном пироге, коммунистическая партия является прямым врагом. Революционная проповедь коммунистической партии расшатывает самые основы соглашательской линии германских социал-демократов. Трудно, конечно, ждать от германских социал-демократов, волею которых 7.000 революционных рабочих стонет в республиканских тюрьмах Германии, сочувствия тому Интернационалу, в котором им пришлось б сидеть за одним столом с их прямыми политическими врагами.

Менее обостренно, но, во всяком случае, аналогично положение во Франции. Правда, руководители реформистской конфедерации не запятнали себя пока прямым соучастием в полицейских преследованиях революционных рабочих, но и они тесно связаны с социалистической партией, которая входит сейчас в правительственный блок. Французские социалисты смотрят поэтому на коммунистов, как на политических врагов, вдобавок, врагов тем более опасных, что они действуют в их собственном лагере и подрывают источники влияния социалистической партии среди широких масс населения. Поэтому, выступления социалистов в парламенте носят сплошь и рядом даже более

резко антикоммунистический характер, чем выступления представителей буржуазных партий.

К тому же, во Франции дело осложняется расколом профдвижения в самой стране. Единство Интернационала предполагает и единство профдвижения в отдельных странах, и потому для Жуо и его соратников вопрос о единстве Интернационала ставится под углом зрения об'единения Унитарной и реформистской конфедераций. А к этому об'единению вожди реформистской Конфедерации относятся очень несочувственно, так как знают, что Унитарная Конфедерация сильнее и, значит, сторонники последней будут иметь определенное преобладание в об'единенной конфедерации.

Унитаристы, наоборот, всячески отстаивают это об'единение. Но их предложения в этом отношении не встречают отклика со стороны реформистских вождей. Очень характерно заявление Жуо на пленуме Национального Комитета реформистской Конфедерации 17 марта 1925 года: «Международное рабочее движение не должно потерять своей нынешней физиономии, своего нынешнего характера. Я не соглашусь ни на какие компромиссы, и если рабочее движение должно потерпеть какие-либо изменения, то это будет без меня».

Смысл этих слов ясен. Независимо от всяких формальных соображений, Жуо против полевения международного рабочего движения. Он уйдет из Интернационала, если последний потеряет свой соглашательский характер. Надо по поводу этого заявления сказать, что, конечно, Жуо остался бы и в полевевшем интернационале, если бы у себя во Франции он мог бы рассчитывать сохранить бразды правления в профессиональном движении. Но именно потому, что шансов на это нет, именно потому, что об'единенная французская конфедерация заведомо найдет себе других вождей, Жуо и заявляет, что «если рабочее движение потерпит какие-либо изменения своего характера, то это произойдет без него».

Так же резко высказываются против единства и вожди Итальянской Конфедерации. Забыв о своем прошлом, забыв о том, что сам Д'Арагона подписывал некогда манифест о создании Профинтерна, забыв о том, что еще в

1921 году вожди Итальянской Конфедерации заявляли, что они будут бороться за идеи Профинтерна внутри Амстердама, Д'Арагона делает теперь заявления в духе Жуо о том, что дух Амстердама ни в коем случае не должен потерпеть никаких изменений. Побуждаемые фракционными ссображениями, руководители Итальянской Конфедерации совершают прямое преступление, стараясь расколоть конфедерацию в тот момент, когда итальянские рабочие вступают в период острой борьбы против фашизма. Принятое на последнем заседании Совета Итальянской Конфедерации решение об исключении коммунистов «за непочтительный тон по отношению к руководителям конфедерации» представляет собой очень печальный симптом настроения этих руководителей. Со стороны итальянских коммунистов требуется большая выдержка, чтобы не давать вождям конфедерации возможности произвести раскол итальянского профдвижения.

Это тем более важно, что в настоящий момент итальянское рабочее движение переживает полосу под'ема после трехлетнего оцепенения, в котором пребывали профсоюзы в годы разгула фашистских насилий. Всеобщая забастовка металлистов, вспыхнувшая сперва в Ломбардии, а затем перекинувшаяся в Пьемонт и Венецию, свидетельствует о боевом настроении итальянских рабочих. Фашизм переживает агонию, и сейчас идет спор о его наследстве. Итальянская социалистическая партия предпочитает в этот момент блокироваться с буржуазной оппозицией, а не с компартией. Старания социалистов направлены к тому, чтобы ликвидация фашизма не привела бы к взрыву революционного рабочего движения, а приняла бы форму мирного перехода к пресловутым «демократическим» формам правления.

Мы видим, таким образом, что поскольку вопрос о восстановлении единства мирового профдвижения зависит от воли теперешних вождей реформистских союзов, положение является почти безнадежным. Все они нисколько не думают о подлинных интересах борьбы рабочего класса и преследуют цель сотрудничества с левобуржуазными партиями и создания совместного с ними коалиционного правительства. Государственные соображения, «национальные интересы» для них дороже, чем классовые интересы пролета-

риата, толкающие его в сторону революционной борьбы за установление его классовой диктатуры.

И все же борьба за создание Единого Интернационала Профсоюзов должна закончиться победой сторонников единства. Дело в том, что рабочие, состоящие в реформистских союзах, в очень незначительной степени разделяют взгляды своих вождей насчет благодетельных последствий установления демократических и коалиционных правительств. К тому же, независимо от политических взглядов того или иного отдельного рабочего, все они готовы отстаивать свои классовые интересы, не взирая на политические комбинации их лидеров.

Этим обстоятельством в значительной степени об'ясняется решительная позиция английских трэд-юнионов в деле борьбы за единство. Дело в том, что Англия переживает сейчас период острой классовой борьбы. Во всех производствах надвигаются конфликты, могущие повести к самым серьезным фазам борьбы. Вожди большинства союзов Англии идут в этом отношении во главе организованных рабочих. Их профессиональная тактика заключается в подготовке к борьбе. А интересы этой борьбы диктуют им и призывы к единству мирового профдвижения. Когда секретарь английской федерации горнорабочих Кук выступает в защиту единства, то он делает это не только из абстрактных соображений о пользе последнего, но и потому, что он сознает, что горняки в одной стране могут вести успешную борьбу только в том случае, если горняки (и транспортники) всех других стран оказывают им активную поддержку. Это понимает Кук, как понимает это и всякий рядовой горняк.

В Англии в этом отношении нет никакого расхождения между массой и ее вождями. В других странах, как мы видели, этого единодушия нет. Вожди игнорируют интересы классовой борьбы, массы ведут ее, руководимые своим классовым инстиктом. И в эти моменты борьбы каждый рабочий непосредственно ощущает вред раскола и требует единства рядов пролетариата. Отсюда и выступления рабочих реформистских союзов в защиту единства.

Выступления эти очень часты. Так, начало 1925 года ознаменовалось в Германии организацией двух конферен-

ций фабзавкомов в защиту единства. Конференции эти (одна — Берлинская, другая — среднегерманская), хотя и были созваны по инициативе коммунистической организации революционных фабзавкомов, привлекли значительное число беспартийных и даже социал-демократических членов фабзавкомов. Отметим также, что в конце 1924 года Тюрингенский (Готский) отдел Всеобщего Германского Об'единения Профсоюзов принял платформу борьбы, об'единившую вокруг себя значительное число рабочих всех течений. Правда, руководители Всеобщего Германского Об'единения Профсоюзов не замедлили осудить готских профработников, но, разумеется, они не могли убить ни боевого настроения германских рабочих, ни их стремления сомкнуть в борьбе свои ряды.

Во Франции Унитарная Конфедерация выставила лозунг использовать созыв в сентябре месяце конгрессов обеих конфедераций для того, чтобы превратить их в общий об'единительный конгресс французских профсоюзов. Несмотря на отрицательное отношение к этому проекту реформистских вождей, ряд реформистских союзов на местах принял резолюции в этом смысле. В реформистской Федерации Книги (так называется во Франции Союз Рабочих Полиграфического Производства) движение приняло даже вполне организованный характер. В федерации этой сторонники единства образовали так называемый Комитет Бдительности, ставящий своей задачей борьбу за единство и за выпрямление общей линии французского профдвижения.

Разумеется, все эти выступления отдельных союзов сами по себе не смогут преодолеть организованного сопротивления вождей реформистского профдвижения. Но это сопротивление будет сломлено в ходе массовой борьбы, в момент под'ема, когда логика классовой борьбы заставит вождей реформистского профдвижения либо склониться перед волей революционного пролетариата, либо уйти из рядов рабочего движения в лагерь его открытых врагов. Судьба русских меньшевиков, некогда руководивших всем профдвижением России, является прообразом этой будущей судьбы меньшевиков западно-европейских, монополизировавших сейчас руководство Амстердамским Интернационалом.

Лучшие из этих вождей, те из них, кто не на словах, а на деле связаны с пролетарским движением, сумеют стать выше своих фракционных симпатий и принять участие в революционной борьбе рабочего класса под знаменем Единого Интернационала. Другие—те, кто в рабочем лагере выполняют лишь роль агентов враждебного класса, разумеется, предпочтут уйти из рядов рабочего движения, когда оно пойдет по пути настоящей классовой борьбы. Но так или иначе, с амстердамскими вождями или без них, с Жуо, Удегестами, Грассманами или без них, но пролетариат найдет свой классовый путь и будет бороться за свое окончательное освобождение под красными знаменами Единого Интернационала.

И когда эта цель будет достигнута, когда Единый Интернационал Профсоюзов станет во главе мирового профессионального движения, рабочие всего мира получат сознание своей мощи, и под их дружным напором рухнет ветхое здание капиталистического строя, зиждящегося на эксплоатации человека человеком.

УСТАВ

Красного Интернационала Профсоюзов.

ВВЕДЕНИЕ.

Классовая борьба уже давно достигла такой степени развития и остроты, а буржуазия, несмотря на жестокую конкуренцию на мировом рынке, настолько едина в своей ненависти к пролетарской революции и так сплочена в своей борьбе против малейших попыток пролетариата освободиться от эксплоатации, что для успешного ведения и завершения своей освободительной борьбы, рабочий класс должен выступать, как революционная классовая сила, не только в национальном, но и в международном масштабе. Эксплоатация международна, и поэтому борьба против нее должна носить международный характер. Все существовавшие до сих пор Интернационалы Профсоюзов в лучшем случае представляли собой Международное Статистическое Бюро для взаимной информации. Международный Секретариат Профсоюзов до войны был чисто информационной организацией: он не ставил себе никаких боевых, классовых задач. Интернационал Профсоюзов в Амстердаме еще менее соответствует требованиям эпохи, чем его предшественник. Первый занимался только информацией, а нынешний Интернационал занимается политикой и скверной, антирабочей, буржуазной политикой, — выдвигая идею классового сотрудничества, социального мира и мирного перехода от капитализма к социализму. Это по существу Интернационал противодействия освободительной борьбе рабочего класса. Интернационалу бессилия, путаницы и прислужничества перед буржуазией, каковым является желтый Амстердамский Интернационал, необходимо противопоставить Интернационал

революционного действия и активности, Интернационал, который вместе с Коминтерном организует рабочий класс для низвержения буржуазии, разрушения буржуазного государства, установления диктатуры пролетариата, захвата орудий и средств производства и водворения коммунизма. Боевой профессиональный Интернационал может быть построен только революционными классовыми союзами, для которых ясна цель и методы оборонительной и наступательной войны против своих классовых врагов. Задача, поставленная историей перед революционными союзами, требует максимальной концентрации сил, неслыханного напряжения и величайшей самоотверженности передовых и сознательных элементов рабочего класса.

I. Название.

Международный конгресс революционно-классовых Профсоюзов, об'единяющий революционно-профессиональные организации всех стран, постановляет создать постоянное международное об'единение революционных профсоюзов, которое будет называться «Красный Интернационал Профсоюзов».

II. Цели.

Красный Интернационал Профсоюзов имеет целью:

1) Организовать широкие массы рабочих во всем мире для низвержения капитализма, освобождения трудящихся от гнета эксплоатации и установления социалистического строя.

2) Вести широкую пропаганду и агитацию идей революционно-классовой борьбы, социальной революции, диктатуры пролетариата и массовых революционных действий с целью низвержения капиталистической системы и буржуазного государства.

3) Бороться против раз'едающей мировое профессиональное движение язвы соглашательства с буржуазией, идеи сотрудничества классов и социального мира и бессмысленных надежд на мирный переход от капитализма к социализму.

4) Сплотить революционно-классовые элементы мирового профессионального движения и повести решительную борьбу против Международного Бюро Труда при Лиге на-

ций, против Международной Федерации Профессиональных Союзов в Амстердаме, являющихся, благодаря своей программе и тактике, опорой международной буржуазии.

5) Координировать и согласовывать борьбу рабочего класса во всех странах и организовывать международные выступления каждый раз, когда это вызывается обстоятельствами.

6) Брать инициативу международных кампаний по поводу выдающихся фактов классовой борьбы, открывать подписку для помощи стачечникам в крупных социальных конфликтах и т. д.

III. Состав.

Членом Красного Интернационала Профсоюзов может быть всякая революционно-классовая экономическая организация, которая принимает нижеследующие условия:

1) Признание принципов революционно-классовой борьбы.

2) Проведение в жизнь этих принципов своей повседневной борьбой с капиталом и буржуазным государством.

3) Признание необходимости низвержения капитализма путем социальной революции и установления для переходного времени диктатуры пролетариата.

4) Признание и подчинение международной пролетарской дисциплине.

5) Признание и проведение в жизнь решений конгрессов Красного Интернационала Профсоюзов.

6) Разрыв с желтым Амстердамским Интернационалом.

7) Все организации, состоящие членами Красного Профинтерна, осуществляют единство действий согласно данных условий, со всеми революционными организациями и коммунистической партией страны во всех оборонительных и наступательных действиях против буржуазии.

IV. Международные с'езды.

Верховным органом Красного Интернационала Профсоюзов является международный с'езд революционно-классовых профсоюзов всех стран. С'езды происходят по возможности не реже одного раза в год. С'езды устанавливают общие принципы, программу, тактику и статуты, выбирают

руководящий орган и решают все вопросы, связанные с ориентацией Красного Интернационала Профсоюзов. Экстренные с'езды созываются по постановлению Исполнительного Бюро или по требованию организаций, об'единяющих не менее одной трети членов Красного Интернационала Профсоюзов.

Право представительства на с'ездах имеют все профессиональные производственные организации, принимающие программу Красного Интернационала Профсоюзов и выполняющие его директивы, при чем представительство организуется на следующих основаниях: национальные об'единения профсоюзов, которые имеют меньше 10 тысяч членов, получают на конгрессе совещательный голос. Национальные об'единения, имеющие от 5 тыс. до 20 тысяч членов, посылают 1 представителя с решающим голосом; от 20 тыс. до 50 тыс. — 2; от 50 тыс. до 150 тыс. — 4; от 150 тыс. до 300 тыс. — 6; от 300 тыс. до 500 тыс. — 8; от 500 тыс. до 700 тыс. — 10; от 700 тыс. до одного миллиона — 12. Свыше миллиона каждые следующие 500 тысяч имеют о д и н р е ш а ю щ и й г о л о с.

Международные революционно-классовые об'единения по профессиям или производствам имеют на с'езде каждое по два решающих голоса. Организованные меньшинства по странам имеют такое же представительство, при чем все организации страны, примыкающие к Красному Интернационалу Профсоюзов, составляют одну делегацию, внутри которой голоса делятся пропорционально количеству членов соответствующих организаций. Организованные меньшинства или фракции имеют представительство на с'ездах только в том случае, если общепрофессиональное об'единение данной страны не входит в Красный Интернационал Профессиональных Союзов.

V. Органы Красного Интернационала Профсоюзов.

Красный Интернационал Профсоюзов имеет два органа: Центральный Совет и Исполнительное Бюро.

Ц е н т р а л ь н ы й С о в е т. Центральный Совет составляется следующим образом:

Национальные Об'единения, имеющие от 5 тыс. до

50 тыс. членов, посылают 1 представителя с решающим голосом; от 50 тыс. до 300 тыс.—2; от 300 тыс. до 700 тыс.—3; от 700 тыс. до 2 миллионов — 4. Свыше 2 миллионов — 6.

Международные об'единения по профессиям и производствам посылают в Центральный Совет по одному представителю с совещательным голосом.

Центральный Совет является руководителем всей работы от с'езда до с'езда; принимает все решения, которые вызываются обстоятельствами; представляет Красный Интернационал Профсоюзов перед всем миром, выступая от его имени; сосредоточивает в своих руках все материалы, документы, касающиеся международного рабочего движения; распоряжается денежными средствами и международным фондом боевой солидарности, издает газеты и журналы на всех языках — одним словом, является полномочным органом, ведущим всю работу от одного мирового конгресса до другого.

Центральный Совет собирается не менее двух раз в год, занимаясь, главным образом, установлением и разрешением принципиальных вопросов, возлагая всю текущую работу на Исполнительное Бюро.

Исполнительное Бюро. Исполнительное Бюро избирается на конгрессе и состоит из 15 членов и составляется из представителей следующих стран: России—3 члена, Германии — 1, Франции — 1, Англии — 1, Северо-Американских Соединенных Штатов — 1, Италии — 1, Скандинавских стран — 1, Балканских стран — 1, Чехо-Словакии — 1, Испанских стран — 1, Польши — 1, Австралии — 1, Востока — 1.

Избранные члены Исполнительного Бюро могут быть отозваны или заменены заместителями только с согласия Исполнительного Бюро.

Исполнительное Бюро ведет всю работу Красного Интернационала Профсоюзов, оно устанавливает работу отделов и секций, издает официальный орган Красного Интернационала Профсоюзов, представляет Красный Интернационал Профсоюзов и Центральный Совет, там и когда это нужно, и подготовляет все вопросы для заседаний Центрального Совета. Исполнительное Бюро собирается не реже одного раза в неделю.

VI. Единство действий и единство организации.

Меньшинства общепрофессиональных и национальных центров, принадлежащие Красному Интернационалу Профсоюзов, отдельные организации, примыкающие к нему, обязаны во всех своих выступлениях согласовывать между собой свои действия. В случае, если в какой-нибудь стране Центральное Об'единение всех союзов, входит в Красный Интернационал, то никакие сепаратные организации в Интернационал войти не могут. Сочувствующие же Красному Интернационалу революционные организации обязаны войти в общепрофессиональное об'единение своей страны.

VII. Денежные средства.

1) Сторонники Птофинтерна, которые составляют меньшинство в профсоюзах, не примыкающих к Профинтерну, платят ежемесячный взнос в форме пропаганд-маркен.

2. Центр оппозиции, имеющийся в каждой стране, собирает эти членские взносы.

3) 5% общей суммы этих взносов посылаются в Исполнительное Бюро Профинтерна.

4) Национальные об'единения и организации, примыкающие к Профинтерну, платят 1% от всех поступлений членских взносов в местные (локальные) кассы.

VIII. Международный фонд боевой солидарности.

Международный фонд боевой солидарности составляется из особо отчисляемого 1% от общих поступлений в кассы примыкающих к Профинтерну организаций.

Фонд пополняется также и добровольными сборами.

IX. Связь с Международными Об'единениями по профессиям и производствам.

Красный Интернационал Профсоюзов включает в свой состав не только общепрофессиональные об'единения по странам, но и международные об'единения отдельных профессий и производств и Международные Комитеты Пропаганды. Международные профессиональные и производственные об'единения устанавливают свою связь с Красным Интернационалом Профсоюзов на международных с'ездах и

в Центральном Совете Профинтерна. Все Международные Об'единения работают при близком участии и непосредственном контроле и руководстве Исполнительного Бюро Красного Интернационала Профессиональных Союзов. Конференции и с'езды, организуемые Международными Комитетами Пропаганды, происходят по предварительному соглашению с Исполнительным Бюро Профинтерна.

X. Связь с Коминтерном.

В целях координации борьбы всех революционных организаций, Исполнительное Бюро может, если это требуется обстоятельствами:

1) Заключать соглашения с Исполнительным Комитетом III Коммунистического Интернационала.

2) Устраивать совместные заседания с Исполнительным Комитетом III Коммунистического Интернационала для обсуждения важнейших вопросов рабочего движения и для организации совместных выступлений.

3) Выпускать воззвания совместно с Коммунистическим Интернационалом.

XI. Исключение из состава членов.

Организации, примыкающие к Красному Интернационалу Профсоюзов, нарушившие в своей деятельности решения с'ездов и неподчиняющиеся постановлениям исполнительного органа, могут быть постановлениями Центрального Совета исключены, при чем для исключения требуется не менее двух третей голосов. В случае, если нарушение произведено руководящими органами того или иного об'единения, Центральный Совет Красного Интернационала Профсоюзов должен обратиться к членам этой организации, предложив им на специальной конференции или конгрессе обсудить конфликт, возникший между их руководящим органом и Красным Интернационалом Профсоюзов. Вопрос об исключении ставится на повестку дня Центрального Совета, только после того, как национальная конференция или конгресс данной организации выскажется по существу спорного вопроса. Исключенная организация имеет право апеллировать к ближайшему международному с'езду, который подтверждает или отменяет решение Центрального Совета.

XII. Внутренняя структура.

Красный Интернационал Профсоюзов, имеющий своей целью руководить борьбой пролетариата и информировать своих членов о положении дел в других странах, должен приспособить свой аппарат к выполнению этих задач. В этих целях Центральный Совет развертывает свой аппарат, организуя секции и отделы по мере необходимости.

Для нормального хода работ и тесной связи Красного Интернационала Профсоюзов с профессиональными рабочими организациями других стран, необходимо установить регулярную отчетность принадлежащих к нему организаций и периодические об'езды членами Центрального Совета важнейших стран, особенно в связи с возникающими крупными экономическими конфликтами.

XIII. Журнал, бюллетень и информация.

Красный Интернационал Профсоюзов издает свой орган на четырех языках (французском, немецком, английском и русском) и бюллетень на тех же языках. Помимо этих двух органов, имеющих задачей, как идейное руководство, так и систематическую информацию, Центральный Совет Красного Интернационала Профсоюзов должен обратить внимание на систему циркулярных писем и об'езды организаций. Все организации, примыкающие к Профинтерну, обязаны за свой счет получать и распространять среди своих членов соответствующее количество экземпляров Центрального органа Профинтерна.

XIV. Контрольная Комиссия.

Конгресс Красного Интернационала Профсоюзов выбирает Контрольную Комиссию из 5 лиц, задача которых— следить за правильностью прихода и расхода средств, давая систематические отчеты с'ездам.

XV. Местопребывание Красного Интернационала Профсоюзов.

Местопребывание Красного Интернационала Профсоюзов устанавливается конгрессом. Время и место конгресса определяется Центральным Советом.

УСТАВ

Международной Федерации Профсоюзов.

(Амстердамского Интернационала Профсоюзов).

I. Членство.

1. Международная Федерация Профсоюзов состоит из национальных профсоюзных центров отдельных стран, признающих в своем уставе тактику и цели Международной Федерации Профсоюзов.

2. Из каждой страны в Федерацию допускается лишь один национальный центр.

3. Профессиональное движение каждой страны, сохраняет свою автономию.

II. Местопребывание.

4. Местопребывание Международной Федерации Профсоюзов — Амстердам.

III. Цели.

5. Международная Федерация Профсоюзов имеет своей целью:

а) добиться единства международного рабочего класса путем усиления международных связей между профсоюзами всех стран;

б) оказывать поддержку Международным Секретариатам по Производствам, стоящим на почве Международной Федерации Профсоюзов;

в) содействовать стремлениям и интересам профессионального движения в национальном и международном масштабе;

г) проводить выступления, имеющие общий интерес для всех профсоюзов;

д) содействовать развитию международного социального законодательства;

е) содействовать культурно-просветительным стремлениям рабочих;

ж) предупреждение войны и борьбу с реакцией.

IV. Средства для достижения этих целей.

6. а) Тесное сотрудничество с примыкающими национальными центрами и с Международными Секретариатами по Производствам;

б) сотрудничество с другими организациями, поскольку это в интересах профессионального движения;

в) содействие профсоюзной агитации в отдельных странах по предложению соответствующего национального центра;

г) содействие профсоюзной агитации в странах, где профсоюзы еще не примкнули к М. Ф. П.;

д) разрешение конфликтов внутри профессионального движения;

е) составление статистики;

ж) собирание материалов по вопросам о профессиональном движении и о социальном законодательстве;

з) издание журнала и информационных материалов, имеющих значение для профессионального движения;

и) защита интересов рабочих при эмиграции и иммиграции;

к) содействие идеям третейского разбирательства и разоружения.

V. Руководящие органы.

7. Руководящие органы состоят из правления Бюро и из Исполнительного Комитета, обязанных руководствоваться при своей деятельности постановлениями конгрессов Международной Федерации Профсоюзов.

Правление.

8. Правление состоит из председателя и трех заместителей председателя и трех секретарей.

При каждом члене Правления имеется кандидат с правом решающего голоса, в лице члена Исполнительного Комитета, избранного от данной страны или от данной группы стран. Этот кандидат присутствует на заседаниях Правления в тех случаях, когда соответствующий член Правления отсутствует. В том же случае, если член Исполнительного Комитета также не может присутствовать на засе-

дании, то его заместитель в Исполнительном Комитете присутствует на заседании вместо члена Правления.

Исполнительный комитет.

9. Исполнительный Комитет состоит из:

а) членов Правления,

б) одного представителя от нижепоименованных групп стран:

1) Великобритании, Ирландии.
2) Франции.
3) Бельгии, Голландии, Люксембург.
4) Италии.
5) Испании, Португалии.
6) Австрии, Швейцарии.
7) Германии.
8) Чехо-словакии и Юго-Славии.
9) Скандинавских стран.
10) Венгрии, Болгарии, Румынии и других Балканских стран.
11) Польши, Латвии, Литвы и Эстонии.
12) России.
13) Канады и Соединенных Штатов.
14) Латинской Америки.
15) Африки.
16) Азии.
17) Австралии.

От групп стран 12—17 временно представители в Исполнительный Комитет не избираются.

Состав отдельных групп стран регулируется на каждом очередном конгрессе.

в) Из трех представителей Международных Секретариатов по Производствам.

10. К каждому члену Исполнительного Комитета выбирается кандидат.

В случае прекращения отношений какой-либо организации с Международной Федерацией Профсоюзов, член Правления или Исполнительного Комитета, представляющий эту организацию, автоматически выбывает.

Ревизионная комиссия.

11. Конгресс выбирает ревизионную комиссию для периодической проверки книг и документов Международной Федерации Профсоюзов. Члены этой комиссии, не входящие в состав Исполнительного Комитета, должны состоять из представителей организаций, примыкающих к МФП.

Конгресс.

12. Конгресс составляется из Исполнительного Комитета и представителей примыкающих национальных центров.

13. Все представители национальных центров должны проживать в той стране, которую они представляют, и быть там членами союзов.

14. Каждый представленный на конгрессе национальный центр имеет не менее одного голоса; если же число членов превышает 100.000—2 голоса, свыше 150.000—3 голоса, свыше 200.000—4 голоса, свыше этой цифры до 1 миллиона на каждые полных 200.000 членов по одному голосу, от 1 миллиона до 5 миллионов членов на каждые полных 500.000—по одному голосу, а свыше 5 миллионов на каждый полный миллион по одному голосу. Дробные доли не принимаются в расчет.

В основу исчисления числа членов кладутся очередные членские взносы, поступающие в кассу Международной Федерации Профсоюзов.

15. Голосования на конгрессе производятся посредством поднятия рук. Но по предложению одной четверти представленных на конгрессе голосов должно производиться поименное голосование.

VI. Заседания.

Правление.

16. Правление собирается на заседания не менее 6 раз в год. Во время заседания ведется протокол. Выписки из протокола заседания рассылаются всем членам Исполнительного Комитета и национальным центрам.

Исполнительный комитет.

17. Заседания происходят два раза в год, но Правление имеет право созыва чрезвычайных заседаний. Заседания

Исполнительного Комитета созываются только по предложению одной трети членов Исполнительного Комитета.

Приглашения и порядок дня очередных заседаний должны быть разосланы членам, по крайней мере, за месяц до этого. Во время заседания ведется протокол. Выписка из протокола заседания рассылается членам Исполнительного Комитета и национальным центрам.

18. Члены Правления и Исполнительного Комитета получают для участия в заседаниях путевые и суточные из кассы Международной Федерации Профсоюзов.

Конгресс.

19. Очередной Международный Конгресс Профсоюзов происходит каждые три года. Но чрезвычайные конгрессы могут быть созваны во всякое время.

20. Исполнительный Комитет определяет время конгресса, а также и его место, если это не было сделано на предыдущем конгрессе.

21. Предварительный порядок дня с обозначением времени и места очередного конгресса рассылается примыкающим национальным центрам и Международным Секретариатам по Производствам, по крайней мере, за шесть месяцев до начала конгресса. Правление устанавливает окончательный порядок дня.

Окончательный порядок дня вместе с докладами должен быть разослан национальным центрам и Международным Секретариатам по Производствам, по крайней мере, за месяц до назначенного срока конгресса.

22. Предложения могут быть внесены лишь примыкающими национальными центрами и конференцией Международных Секретариатов по Производствам.

23. Расходы по отправке делегатов должны нести сами национальные центры.

VII. Функции.

Правление.

24. Правление принимает постановления по всем вопросам, поскольку они не предоставлены исключительно ведению Исполнительного Комитета или конгресса. Но в осо-

бенно экстренных случаях оно может вынести постановление по какому угодно вопросу.

Исполнительный комитет.

25. В круг задач Исполнительного Комитета входит:

а) Рассмотрение деятельности Правления.

б) Рассмотрение программы действия на предстоящее полугодие.

в) Рассмотрение годового отчета и заслушание отчета избранной конгрессом ревизионной комиссии.

г) Одобрение финансового плана на предстоящий год.

д) Разрешение вопроса о приеме или исключении национальных центров.

е) Созыв Конгресса.

ж) Установление порядка дня профсоюзного конгресса.

з) Определение окладов секретарей и вознаграждения остальным членам Правления.

и) Смещение членов Правления за грубое нарушение своих обязанностей, при чем вопрос передается конгрессу для окончательного рассмотрения.

к) Временное пополнение Правления при выходе членов Правления из его состава.

л) Рассмотрение жалоб на поведение и деятельность Правления или его членов.

26. В особых случаях голос может быть подан письменно.

Конгресс.

27. Конгресс принимает окончательное решение по всем вопросам.

Специально в круг его задач входит:

а) Рассмотрение деятельности Правления и Исполнительного Комитета.

б) Установление программы действия.

в) Окончательный разбор жалоб по вопросам приема и исключения национальных центров.

г) Установление размера членского взноса.

д) Изменение устава.

е) Выборы членов Исполнительного Комитета, Правления и секретарей.

ж) Выборы Ревизионной Комиссии, из 3 членов.
з) Назначение места будущего конгресса.

Ревизионная комиссия.

28. Ревизионная комиссия производит периодическую проверку книг и документов Международной Федерации Профсоюзов по окончании отчетного года. О результатах этой ревизии комиссия представляет отчет в Исполнительный Комитет. Последний пересылает эти отчеты национальным центрам.

Членские взносы.

29. Годовой членский взнос равняется 12 голландским гульденам за каждые 1.000 членов. Исчисление взносов производится на основании наличного числа членов в начале года. Взносы уплачиваются отдельными долями по четвертям года.

Выход и исключение.

30. Добровольный выход из федерации может состояться лишь в конце календарного года, после предварительного заявления за шесть месяцев до этого.

Национальные центры, могут быть исключены:

а) если они, несмотря на повторное напоминание, не уплачивают своих членских взносов в предоставленный им срок;

б) если они повинны в грубых нарушениях устава и директив Международной Федерации Профсоюзов.

Особые постановления.

31. Секретари точно так же, как остальные члены Правления, выбираются на происходящем через каждые 3 года очередном конгрессе и остаются на своих должностях до следующего очередного конгресса. Каждому примыкающему национальному центру предоставляется право предложить своих кандидатов.

Члены Правления избираются конгрессом путем подачи записок. Тот кандидат, который собрал большинство по-

данных голосов, считается избранным. Если при первом голосовании ни один кандидат не получит абсолютного большинства, то производится вторичное голосование тех кандидатов, которые получили наибольшее число голосов. Если же и тогда ни один кандидат не получит полного большинства, то в третий раз голосуются те оба кандидата, которые при втором голосовании получили наибольшее количество голосов.

Представители групп стран и их заместители в Исполнительном Комитете избираются конгрессом по предложению групп стран. Представители Международных Секретариатов по Производствам и их заместители избираются конгрессом по предложению конференции Правления Международной Федерации Профсоюзов совместно с Международными Секретариатами по Производствам, предшествующей конгрессу.

1.

Англо-русская конференция, состоявшаяся в помещении Генерального Совета Британского конгресса трэд-юнионов (32, Экклестонсквер) 6, 7 и 8 апреля 1925 года.

По приглашению Генерального Совета Британского конгресса трэд-юнионов в помещении совета в Лондоне 6, 7 и 8 апреля 1925 г. состоялась совместная конференция.

Делегатами, представлявшими на конференции профессиональное движение Великобритании и СССР, были нижеследующие лица:

От ВЦСПС.

М. Томский (председатель), Ольга Чернышева, И. И. Лепсе, В. М. Михайлов, Г. Н. Мельничанский (секретарь), В. Я. Яроцкий (переводчик-эксперт).

От Генерального Совета Британского конгресса трэд-юнионов.

М. Б. Свейлс, А. А. Персель, Г. Бутман, Дж. В. Бауен, Дж. Гикс, Э. Паултон, В. Торн (член парламента), Б. Тиллетт, Джулия Варли, Р. Б. Уокер, Фред Брамли (секретарь), Джорж Юнг (переводчик-эксперт).

Председательствовал Свейлс, председатель Британского конгресса трэд-юнионов.

Совместно принятые на данной конференции выводы и соглашение представляют собой по пути к международному единству самый важный этап из всех, до сих пор пройденных при переговорах между тремя организациями: амстердамской интернациональной федерацией профессиональных

союзов, Всесоюзным Центральным Советом Профсоюзов и Генеральным Советом Британского конгресса трэд-юнионов.

Первый важный шаг в этих переговорах был сделан во время международного конгресса профессиональных союзов в Вене в июне 1924 года. На этом конгрессе британские делегаты выступили против предложения бюро международной федерации о прекращении переговоров с профессиональным движением СССР.

После дальнейшей переписки Генеральный Совет международной федерации профессиональных союзов обсуждал весь вопрос полностью на своем заседании в Амстердаме 5—7 февраля 1925 года. Однако, заключительная резолюция данного заседания создала затруднения в деле присоединения профессионального движения СССР к международной федерации профессиональных союзов. Эти затруднения послужили предметом прямой переписки между М. Томским, председателем Всесоюзного Центрального Совета профсоюзов и Фредом Брамли, секретарем Генераль- Совета британского конгресса трэд-юнионов.

Для рассмотрения этих затруднений была созвана данная Лондонская конференция. На этой совместной конференции было представлено свыше 6 миллионов членов профессиональных организаций в Союзе Советских Социалистических Республик и свыше 5.000.000 в Великобритании.

Присутствовавшие делегаты взяли на себя, в качестве представителей соответствующих организаций, полную ответственность и попытались на данной конференции притти к таким заключениям, которые больше всего в состоянии привести к реализации принципов международного единства.

После длительных и серьезных дискуссий, переговоров и обмена документами принято было соглашение, которое и будет рекомендовано соответствующим советам профессиональных союзов в СССР и в Великобритании.

В своих выводах делегаты вдохновлялись горячим желанием обеспечить национальное и международное единство рабочих всех стран и в нижеследующей декларации они констатируют общее свое мнение относительно нынешнего международного положения и шагов, которые необходимо

предпринять для должной защиты интересов рабочего класса.

1. Совместная конференция подтверждает, что национальное и международное единство должно быть признано первым существенным условием, делающим профессиональное движение способным действенно защищать нынешнее положение рабочих от наступления капитала и добиваться осуществления социальных и политических задач организованного труда изложенных в заявлениях рабочих разных стран.

2. Политическое положение почти во всех так называемых цивилизованных странах характеризуется торжеством реакции и явно возросшей во многих странах мощью об'единенных капиталистических сил.

Это видно по продолжающимся преследованиям руководителей профессионального движения, которые во имя классовых предрассудков предпринимателей ставятся под подозрение, подвергаются преследованиям, заключениям в тюрьмы и даже пыткам со стороны тех, кто стоит у власти.

3. В области хозяйственной и экономической — капиталисты во всех странах создают свой единый фронт, об'единенный фронт эксплоатации рабочих во всем мире. Рабочие же, тем временем, остаются раз'единенными, а в некоторых странах образовываются враждующие группы. Вместо того, чтобы заняться защитой от капиталистического наступления, они переживают ожесточенные споры и разногласия.

4. Почти в каждой стране вследствие растущей мощи класса капиталистов и отсутствия единства среди рабочих были утеряны преимущества, вырванные ранее в области сокращения продолжительности рабочего дня и повышения заработной платы. Там, где 8-часовой рабочий день не уничтожен, он находится в опасности. Во многих отраслях промышленности продолжительность рабочего дня опять стала равняться 9, 10 и даже большему числу часов. И только в странах, где мощно, профессиональное движение, поддерживается уровень продолжительности рабочего дня.

5. Вследствие экономического паралича Европы, вызванного мировой войной, миллионы рабочих оказываются безработными и вместе со своими семьями ввергаются в

бездну отчаяния, голода и вырождения. Заработная плата, никогда не являвшаяся достаточной для поддержания достойного уровня существования рабочих, сократилась на 20, 30, а в некоторых случаях даже свыше, чем на 40%. Уровень существования рабочих во многих странах теперь ниже довоенного.

6. Надежда на лучшие времена, существовавшая первое время после войны у рабочих, которых бессовестные политиканы уверяли в том, что в результате понесенных ими, рабочими, жертв наступят лучшие времена,—теперь исчезла и уступила место отчаянию. Обязательства политических деятелей и обещания капиталистов во время войны и сразу после ее окончания цинически не выполнялись. Слепая вера, толкавшая рабочих на поддержку соответствующих правительств в мировой катастрофе, в которой рабочий класс насчитывал миллионы убитыми и искалеченными,—разбита. После понесенных ими величайших жертв и исключительных страданий рабочие теперь стоят лицом к лицу с перспективой дальнейшего ухудшения своего существования.

7. Стало ясным, что подготовляется новая война, более страшная, более чудовищная, чем когда-либо переживавшаяся. Изобретаются новые орудия разрушения; химики и выдающиеся ученые Европы посвящали свои знания и искусство делу изобретения новых орудий пыток и разрушения, направленных не только против армии, но и против мирного населения. Тем временем так называемые конференции по разоружению лишь порождают опасные иллюзии. Ими пользуются для того, чтобы обмануть рабочих и убаюкать их фальшивой уверенностью в прочности мира. Но капиталистические политиканы и предприниматели уже не в состоянии более скрывать тот факт, что усиливаются вооружения—еще более многочисленные, чем раньше, и более смертоубийственные.

8. Есть только одна сила, которая может спасти человечество от повторения еще одной мировой катастрофы. Есть только одна сила, которая в состоянии защитить рабочих всех стран от политического и экономического угнетения и произвола. Есть только одна сила, которая может принести рабочему классу и человечеству свободу, благополучие, счастье и мир. Эта сила—рабочий класс, раз он

хорошо организован, надлежаще дисциплинирован, предан своим интересам и полон решимости бороться со всеми, кто противится его полному освобождению и служит помехой ему.

Рабочий класс, раз он будет об'единен в национальном и международном масштабе, явится непреодолимым препятствием капиталистическому угнетению и ненарушимым залогом мира и экономической обеспеченности. Рабочие в состоянии победить всех, кто своими реакционными тенденциями поддерживает разобщенность рабочих.

Покуда существует капиталистическая система, до тех пор остается опасность войны. Безжалостная борьба за верховенство между соперничающими капиталистическими группами, в конце концов, вызовет, как она вызывала и в прошлом, новый кризис, втягивающий рабочих всего мира в еще одну катастрофическую войну.

По вышеуказанным основаниям представители профессионального движения СССР в Великобритании подтверждают соглашение, заключенное в Москве между представителями организованного труда Великобритании и СССР, для укрепления международной солидарности среди рабочих, как средство более действенного ограждения интересов международного мира.

В результате обсуждений на нынешней Лондонской конференции и соглашения, достигнутого на ней, намечены совместные шаги, предусмотренные в предложении британской делегации и сводящихся к тому, чтобы побудить Амстердамский Интернационал искренно согласиться на немедленный созыв свободных, без всяких предварительных условий, конференций с представителями профессионального движения СССР.

Мы равным образом отмечаем общую нашу решимость поддерживать и сплачивать теснее дружеские отношения между профессиональным движением Великобритании и СССР путем таких совместных действий, какие предусмотрены в прилагаемом плане.

Представители профессионального движения Великобритании и СССР заявляют о своем намерении сделать все, от них зависящее, чтобы создать совместными усилиями международное единство. Необходимость и важность между-

народного единства признаются миллионами организованных рабочих во всем мире. Их содействие обеспечено в деле уничтожения расовых предрассудков, искусственых преград и экономических препятствий в интересах развития и укрепления всего рабочего класса.Зная, что единство обеспечивает мощь движения, мы убеждены, что рабочие всех стран, протянув через границы друг другу руки, будут об'единенно работать, чтобы добиться своего освобождения.

Предложения о взаимной помощи англо-русской конференции.

Для проведения в жизнь предложений по совместным действиям, в целях обеспечения единства между Всесоюзным Центральным Советом Профессиональных Союзов и Генереальным Советом Британского конгресса трэд-юнионов, делегаты нынешней конференции делают нижеследующие заявления:

1. Нашей целью является укрепление сотрудничества между Генеральным Советом Британского конгресса трэд-юнионов и Всесоюзным Центральным Советом Профсоюзов с помощью всяческих мер, которые время от времени необходимо будет принять в интересах укрепления международного единства.

2. В целях этого мы устанавливаем соглашение об обмене между профессиональным движением СССР и Великобритании документами, в том числе и копиями деловых документов профсоюзов, дающих представление об уставе и положениях британских союзов, системе государственного страхования от безработицы, взносах и пособиях, союзной отчетности, системах местной и окружной организации, методах назначения союзных работников и иной общей информации или специальными документами, относящимися к строению союзного аппарата и общей политике союзных организаций и контролю.

3. Организовать обмен докладными записками по специальным вопросам, имеющим общий интерес, для совместного обсуждения важных принципов, какие время от времени будут выдвигаться работой.

4. По мере необходимости стремиться к дальнейшему расширению контакта между обеими странами для развития возможно более тесной взаимной помощи.

5. В целях рассмотрения вопросов, могущих возникнуть в связи с вышеизложенными задачами, и для совместных и особых случаях срочности действий, учреждается об'единенный совещательный комитет профессионального движения Великобритании и СССР в составе председателей и секретарей от каждой организации и по три члена от Всесоюзного Центрального Совета Профсоюзов и Генерального Совета Британского конгресса трэд-юнионов.

6. Для работы общего аппарата представители Всесоюзного Центрального Совета Профсоюзов выражают свое согласие создать при Центральном Всесоюзном Совете комиссию по внешним сношениям, соответствующую такой же комиссии при Генеральном Совете Британского конгресса трэд-юнионов.

От Всесоюзного Центрального Совета Профсоюзов:

М. Томский (председатель).
Г. Мельничанский (секретарь).

От Генерального Совета Британского конгресса трэд-юнионов:

А. Б. Свейлс (председатель).
Фред Брамли (секретарь).

II.

Декларация делегации Генерального Совета Британского конгресса тред-юнионов на англо-русской конференции профсоюзов.

Представители Генерального Совета Британского Конгресса трэд-юнионов, обсудив заявление, сделанное Томским по вопросу о международном положении, а равно и по вопросу о вступлении профессионального движения СССР в международную федерацию профсоюзов, выдвигают следующие соображения для дальнейшего обсуждения на настоящей конференции:

1. Предлагается, чтобы русское движение обсудило ответ на амстердамскую резолюцию в том смысле, что, в интересах международного единства, они выражают желание участвовать в такой международной федерации профсоюзов, которая бы включала в списки своих целей цели, перечисленные в уставе Амстердамского Интернационала, и обладала бы общей конституцией, в общих чертах существенно не отличающейся от конституции Амстердамского Интернационала; так как нынешний устав международной федерации был составлен в соответствии с потребностями стран, ныне в нее входящих, и потому без дополнительного пересмотра этот устав может не соответствовать законным потребностям профессионального движения СССР, то предварительные переговоры конференции являются абсолютно необходимыми. Целью подобного рода переговоров было бы выяснение наилучших мер расширения существующей международной федерации для облегчения включения русских и всех прочих профессиональных организаций, ныне не входящих в Амстердам.

2. Британская секция возьмет на себя указать Амстердамскому Интернационалу, что это в принципе и, поскольку это может разумно иметь место, отвечать поставленному ими условию для созыва конференции. Британская секция будет настаивать, чтобы полностью учтены были те специальные затруднения, какие стоят перед российским профессиональным движением представляющим страну с огромным разнообразием весьма определившихся национальностей.

Британская секция заявит, что международная федерация всеоб'емлющего характера не может быть полностью построена, если не будут полностью предусмотрены различия в традициях, исторических связях и политических особенностях различных стран. Британская секция еще раз подтвердит, что расхождения между ВЦСПС и МФПС могут быть наиболее успешно улажены на неформальной конференции.

3. Если будет достигнуто соглашение по вышеуказанным статьям, британская секция сделает МФПС следующее предложение:

а) Бюро МФПС должно созвать немедленно конференцию с представителями ВЦСПС для обсуждения положения, возникшего в связи с решением генерального совета на заседании в Амстердаме 5—7 февраля 1925 года, а равно и выводов совместного обсуждения на настоящей конференции. Если подобная конференция будет созвана, британская секция попытается обеспечить полнейшее сотрудничество всех заинтересованных сторон.

б) В случае решения бюро МФПС, что они не могут созвать предложенную выше конференцию, генеральный совет британского конгресса трэд-юнионов возьмет на себя созыв конференции и попытается обеспечить международное единство, использовав свое посредническое влияние между движением СССР и амстердамским бюро. В роли посредника генеральный совет британского конгресса трэд-юнионов будет вдохновляться полным учетом существующих затруднений и желанием создать об'единенную экономическую международную организацию, способную действенно представлять международные интересы рабочих.

III.

Декларация, оглашенная русской делегацией на заседании англо-русской конференции 7 апреля 1925 года.

(В ответ на декларацию англичан).

Заслушав и обсудив декларацию делегации британских тред-юнионов, делегация союзов СССР заявляет, что она поставит данную декларацию на обсуждение ближайшего пленума ВЦСПС и со своей стороны будет рекомендовать ему одобрить в общем и целом эту декларацию делегации генерального совета британских трэд-юнионов.

В настоящее же время делегация профсоюзов СССР считает необходимым внести свою нижеследующую декларацию.

Делегация подтверждает, что профессиональные союзы СССР всегда представляли себе единство международного движения, как концентрацию пролетарских сил в едином Интернационале на базе национального единства и единых национальных и международных профессиональных об'единений.

Делегация союзов СССР приветствует добрую волю, выраженную в п. 2 декларации британской секции и направленную к устранению тех затруднений, которые стоят на пути к осуществлению международного единства. Со своей стороны, делегация союзов СССР признает равно приемлемой как формальную, так и неформальную конференцию, при чем со своей стороны считает долгом заявить, что какой бы характер ни носила подобная конференция, русские союзы полагают, что она принесет наибольшую пользу и даст наиболее плодотворные результаты в том

случае, когда ее работы смогут быть достоянием широких кругов организованных рабочих.

Делегация Союзов СССР равным образом одобряет намерение британской делегации, выраженное в § 3, абзац «а», декларации британской секции. Делегация, со своей стороны заявляет, что профессиональные союзы СССР не могут скрывать того обстоятельства, что вся переписка их с Амстердамским Интернационалом, закончившаяся последней резолюцией от 5—7 февраля 1925 года, произвела на них впечатление нежелания со стороны большинства Амстердамского Интернационала, отвергшего правильную и справедливую резолюцию, предложенную представителями британских трэд-юнионов, пойти навстречу искреннему стремлению профсоюзов СССР, направленному к установлению концентрации и единства международного рабочего движения. Несмотря на это, союзы СССР будут попрежнему приветствовать встречу с представителями международного бюро профсоюзов, особенно при наличии выраженной в указанном пункте доброй воли со стороны британской секции направить свои усилия к обеспечению сотрудничества и взаимного понимания обеих сторон.

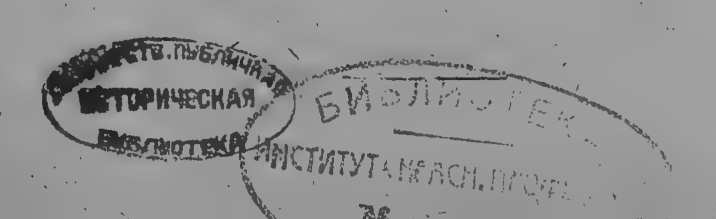
Делегация союзов СССР еще раз подтверждает неоднократно выраженную волю со стороны высших руководящих органов профессионального движения СССР, что подобная конференция может явиться значительным шагом вперед и первым деловым подходом к разрешению грандиозного и чрезвычайно сложного вопроса о реальном осуществлении действительного единства международного рабочего движения и сплочения сил всех пролетарских организаций, стоящих на почве классовой борьбы труда с капиталом. Делегация одобряет поэтому абзац «б» пункта 3 и, со своей стороны, выражает полнейшую готовность принять участие в конференции, могущей, в силу необходимости, иметь место по инициативе и при посредничестве британских трэд-юнионов. Делегация профсоюзов СССР особенно приветствует ясно выраженные в этом пункте желание и намерение представителей британского генерального совета, несмотря на существующие затруднения, приложить все усилия к обеспечению международного единства рабочего движения путем создания об'единенной экономической

международной рабочей организации, способной стать действительным органом представительства и защиты международных интересов рабочих.

Делегация СССР с особым удовлетворением констатирует, что российским профессиональным движением целиком разделяется идея установления полнейшего единства международного профессионального движения путем создания единого дееспособного, классово-независимого интернационала профессиональных союзов, долженствующего об'единить профессиональные организации всего мира как в их повседневной экономической борьбе, так равно и в их борьбе за конечное освобождение рабочего класса.

Делегация союзов СССР уверена, что это целиком совпадает с горячим желанием широких рабочих масс во всех странах, которые видят в этом единственно реальный оплот против экономической и политической реакции, капитала, а равным образом, и опасности новых братоубийственных войн. Однако, необходимо признать, что все это может быть осуществлено, если все рабочие организации проявят необходимую добрую волю в данном направлении и необходимое внимательное товарищеское отношение ко всем существующим международным, национальным и другим самостоятельно существующим профессиональным организациям.

Принимая во внимание, что кампания за единство международного рабочего движения, начатая союзами Великобритании и СССР, встретила со стороны отдельных деятелей рабочего движения и организаций нападки на союзы обеих стран и кривотолки в отношении их намерений и отдельных выступлений, — делегация союзов СССР считала бы, со своей стороны, необходимым, чтобы, как итог происшедшего на конференции обмена мнений и деклараций, была совместно принята всей конференцией в целом декларация, выявляющая в полной мере и в истинном освещении намерения профессионального движения обеих стран и мероприятия, предполагаемые ими для осуществления истинного единства международного рабочего движения.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

